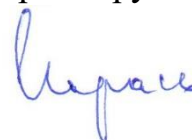

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Кемеровский государственный университет»

На правах рукописи

Карась Дмитрий Викторович

УСТАНОВОЧНО-СМЫСЛОВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ИНТЕРНАЛЬНОСТИ
КАК ФАКТОРЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТНОГО ВЫБОРА

19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель
доктор психологических наук, профессор
Серый Андрей Викторович

Кемерово – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1 ИНТЕРНАЛЬНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	14
1.1 Основные теоретико-методологические подходы к пониманию интернальности личности.....	14
1.2 Выбор как психологический феномен.....	33
1.3 Выбор как реализация интернальности личности в постнеклассическом дискурсе.....	76
Выводы по главе 1.....	85
2 МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРНАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРОЦЕССОВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТНОГО ВЫБОРА.....	87
2.1 Интенциональность как основа смысловой регуляции выбора.....	87
2.2 Установочно-смысловые компоненты интернальной регуляции осуществления личностного выбора.....	99
2.3 Организация и методы эмпирического исследования.....	109
Выводы по главе 2.....	121
3 ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ХАРАКТЕРА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТНОГО ВЫБОРА УСТАНОВОЧНО- СМЫСЛОВЫМИ ДЕТЕРМИНАНТАМИ ИНТЕРНАЛЬНОСТИ	123
3.1 Взаимосвязь интернальности личности с параметрами субъективного конструирования и структурой аргументации осуществленного выбора....	123
3.2 Особенности аргументации осуществления интернального выбора	133
3.3 Обусловленность осуществления личностного выбора комплексом установочно-смысловых детерминант интернальности.....	144
Выводы по главе 3.....	160
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	165
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	169

ПРИЛОЖЕНИЕ А Анкета для изучения качества и структуры аргументации осуществленного выбора психологического направления обучения в ВУЗе.....	193
ПРИЛОЖЕНИЕ Б Опросник «Субъективное качество выбора».....	195

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. На современном этапе развития гуманитарного знания внимание исследователей фокусируется на междисциплинарных феноменах, характеризующих человека как суверенную личность, отражающихся в таких понятиях, как суверенность, личностный потенциал, готовность к выбору, автономия и самодетерминация, интеллектуально-личностный потенциал, антихрупкость, жизнестойкость, смысловая продуктивность и другие феномены, раскрывающие различные грани механизмов самоосуществления человека. Указанные категории имеют общим знаменателем способность человека опираться на внутренние средства контроля и ценностно-смысловые ориентиры поведения в широком контексте жизнеосуществления, интернальность личности.

Для психологии личности вопросы о том, в какой мере то, что выбирает и делает человек определяется факторами разной природы, в том числе самим человеком, являются одними из центральных. С позиций философии это вопросы о существовании, границах, способах осуществления и цене человеческой свободы. Многообразие психологических подходов к решению данных вопросов сопряжено с многообразием представлений о человеке и личности. Однако вне зависимости от концептуальных разночтений, на современном этапе развития психологии едва ли можно оспорить детально обоснованное Л. С. Выготским положение, что именно «овладение собственным поведением при помощи различных средств» является сущностной психологической характеристикой личности, и «самым характерным для овладения собственным поведением является выбор».

Категория выбора имеет выраженный общепсихологический характер, относится к одной из принципиальных сущностных категорий человеческого бытия. На фундаментальность проблемы избирательности психического отражения указывают положения Л. С. Выготского, что «вся психика построена по типу инструмента, который выбирает», «сущность психики, с положительной

стороны, интенциональное отношение к предмету». Любые психологические понятия, даже игнорирующие принцип активности, имплицитно содержат в себе представление о человеке в ситуации выбора.

Вместе с тем, категория «интернальность» в настоящее время является одним из наиболее востребованных среди множества конструкторов психологической теории собственной активности человека. А. А. Бодалёв отмечает, что «введение в психологию понятия локуса контроля стимулировало огромное количество исследований этого феномена, поток которых продолжает нарастать и в настоящее время». Так, по данным библиографического сервиса PubMed, в период с 1981 по 1990 годы было проиндексировано около 4 тысяч статей, в ключевых словах которых присутствует «locus of control», с 1991 по 2000 годы – около 10 тысяч статей, а с 2001 по 2010 годы их было почти 15 тысяч.

Несмотря на обилие исследований, понятие интернальность, исторически производное от когнитивно-бихевиоральной концепции локуса контроля, но не тождественное ей, в настоящее время остаётся не вполне определенным в своей сущностной основе. Оно применяется как характеристика в отношении различных психологических реалий – интернальность субъективного контроля, интернальность ценностей и смыслов, каузальных ориентаций, мотивации и личности в целом. Понятием интернальность психологи преимущественно характеризуют психологические феномены специфической регуляции поведения человека в ситуациях, требующих осуществления выбора и принятия решений.

В общем случае, интернальность характеризует такое качество жизни человека, такое состояние личности, когда причина и источник активности при реализации некоторого психологического акта (выбора, действия, поведения), ключевые регулирующие влияния принадлежат собственной активности человека, как суверенного субъекта. Будучи психологическим (научным) понятием, интернальность не просто указывает на реализацию человеком возможности осуществлять выбор с опорой на интернализованные средства и ценностно-смысловые ориентиры поведения, но и, с необходимостью, выражает общую психологию соответствующих личностных процессов. Таким образом,

интернальность представляет собой личностное качество интегративного свойства, определяющее характерную специфику осуществления выбора как реализации способности человека к владению собственным поведением. В связи с этим феномен личностной интернальности целесообразно рассматривать в контексте представлений о человеке, осуществляющем выбор, что требует осмысления данного феномена в общепсихологическом теоретическом русле.

Исторически наработанный массив литературы по проблематике выбора огромен. Среди факторов детерминации выбора с точки зрения психологии особый интерес представляют факторы личностной, смысловой природы, что обусловлено исключительной ролью личностной организации в конституировании жизненного мира человека. Вместе с тем, изучение психологических процессов и механизмов осуществления личностного выбора в настоящее время нельзя признать завершенным, о чем свидетельствует продолжение активного изучения данной темы со стороны ведущих ученых. Так, психология личностного выбора входит в сферу фундаментальных интересов целого ряда исследователей, среди которых Д. А. Леонтьев, В. А. Петровский, Е. Ю. Овчинникова, Е. И. Рассказова, А. Х. Фам, Т. В. Корнилова, С. Д. Смирнов, О. В. Степаносова, М. А. Чумакова, В. Е. Ключко, О. М. Краснорядцева, О. В. Лукьянов, Э. В. Галажинский, Ю. В. Трофимова и др. В более прикладном ключе в контексте, педагогической психологии, психологии развития и клинической психологии можно отметить работы последних лет И. О. Логиновой, И. В. Абакумовой, И. А. Ральниковой, Е. И. Стояновой, Ю. В. Живаевой, О. В. Овчинниковой, Г. И. Ощепковой, М. А. Одинцовой и др.

Э. В. Галажинский и В. Е. Ключко отмечают, что проблема избирательности и направленности акта взаимодействия, включенность в него отношения – это «одна из самых напряженных (в методологическом плане) проблем, решение которой зависит от того, насколько удастся психологам ассимилировать мышление, адекватное по своей сложности уровню объективной сложности возникающей проблемы». В современных исследованиях прослеживается тенденция к повышению уровня теоретического обобщения в данной области

через попытки раскрыть психологию личности с применением новых методологических средств понимания психологических процессов, в частности с привлечением объяснительного потенциала системной антропологической психологии (В. Е. Ключко, Э. В. Галажинский, О. М. Краснорядцева, О. В. Лукьянов и др.), реализующей гностические идеалы постнеклассической рациональности.

Данный методологический базис, с учетом понимания личности как сложной самоорганизующейся психологической системы, позволяет, во-первых, развить представления о феноменах «интернальность» и «личностный выбор» и, во-вторых, осуществить попытку концептуального синтеза данных категорий, чтобы предметно сфокусировать исследование на одном из значимых нерешенных вопросов общей психологии личности. А именно, какие принципиально существенные личностные детерминанты определяют саму возможность осуществления человеком выбора с опорой на внутренние средства контроля поведения, выбора по интернальному типу?

Цель исследования – теоретически обосновать и эмпирически верифицировать факторы интернальности, определяющие характер осуществления личностного выбора.

Объект исследования – интернальность личности.

Предмет исследования – установочно-смысловые детерминанты интернальности как факторы осуществления личностного выбора.

В основу работы легла следующая **общая гипотеза**: интернальность, являясь сложным, интегративным качеством личности, определяет характер осуществления человеком выбора в конкретной ситуации. Детерминантами, обуславливающими качество личностного выбора, выступает комплекс психологических факторов, выраженных в активности специфических смысловых диспозиций, регулирующих личностную направленность на возможность и значимость осуществления выбора, и в процессах синхронизации временных модусов локализации смыслов в субъективной реальности.

Задачи исследования:

1. Обобщить основные теоретико-методологические подходы к пониманию интернальности личности.
2. Сформировать обобщенное представление о психологическом феномене «выбор» и охарактеризовать интернальность как фактор осуществления личностного выбора.
3. Теоретически выявить личностные детерминанты, определяющие возможность и значимость осуществления человеком выбора с опорой на внутренние средства контроля и ценностно-смысловые ориентиры поведения.
4. Эмпирически верифицировать влияние предполагаемых детерминант интернальности на характер осуществления выбора в конкретной ситуации.

Исследование выполнено на общей **методологической основе** учения о культурно-историческом развитии личности и высших психических функций (Л. С. Выготский), общих принципах психологической теории деятельности (А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна): принцип единства аффекта и интеллекта, принцип единства сознания и деятельности, принцип активности, принцип общности строения внешней и внутренней деятельности. Также мы опираемся на представление о личности, как системном процессе, культурно-историческом по генезу и смысловом по содержанию, процессе избирательного и направленного взаимодействия человека с социальной средой и самим собой, обозначенное в трудах Л. С. Выготского и развитое в работах В. Е. Ключко, Э. В. Галажинского, О. М. Краснорядцевой, О. В. Лукьянова и др. в русле системно-антропологической психологии.

В практических аспектах исследование базируется на: представлениях о деятельностно-смысловой природе сознания (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, О. К. Тихомиров и др.); общей теории установки (Д. Н. Узнадзе), понимании роли установок и установочно-смысловой регуляции в организации жизнедеятельности (А. Г. Асмолов); представлении о субъектности как о сущностной характеристике личности человека (В. А. Петровский), концепции образа мира как целостной системы значений человека, включающей

субъектность в качестве ключевого интегративного принципа (Е. Ю. Артемьева, С. Д. Смирнов, В. П. Серкин), понимании личностного выбора как акта устранения неопределенности (Д. А. Леонтьев, Т. В. Корнилова); представлениях об уровневой транстемпоральной организации системы личностных смыслов и актуальном смысловом состоянии как механизме её динамики (А. В. Серый). Исследование выполнено с учетом идей классиков экзистенциально-гуманистической и глубинной психологии о месте личностного выбора и качеств субъектности, интенциональности и ответственности в жизни человека, представлений о человеке, как о факультативном существе, способном к постановке самого себя под вопрос (Р. Мэй, В. Франкл, А. Маслоу, К. Роджерс, Г. Оллпорт и др.). Принимались во внимание положения психоаналитической традиции о механизмах нормального и невротического состояния личности в контексте способности человека осуществлять собственный ответственный выбор.

Основные этапы исследования.

Первый этап (2007–2008) поисково-аналитический – определение объекта и предмета исследования, постановка целей и задач, формулирование первичных гипотез исследования, определение теоретико-методологических предпосылок и оснований изучения заявленной темы, выбор методов и методик исследования.

Второй этап (2008–2010) – подготовка и проведение эмпирического исследования, направленного на изучение взаимосвязи установочно-смысловых детерминант интернальности с характером осуществления личностного выбора.

Третий этап (2011–2018) – уточнение исходной концепции, осмысление, обобщение и систематизация результатов проведенного теоретического и эмпирического исследования, текстовое оформление диссертационной работы.

Эмпирическая базой исследования выступил ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет». Выборка составила 166 человек, студентов социально-психологического факультета дневной формы обучения в возрасте от 18 до 23 лет. Средний возраст респондентов 19,6 года. Выбор студентов в качестве модельной группы эмпирического исследования оправдан

адекватностью социотипической ситуации: в выборах, связанных с приобретением профессии, осуществляется личностное самоопределение человека (Кон, 1984; Гинзбург, 1994).

Методы исследования. На различных этапах исследования применялись методы теоретического анализа, обобщения и интерпретации научных данных, гипотетико-дедуктивный метод, психодиагностические методы (анкетирование, тестирование), методы статистической обработки и анализа данных. Конкретными психодиагностическими методиками выступили: 1 – Тест смысловых ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева, реконцептуализированный А. В. Серым и А. В. Юпитовым для диагностики типа актуального смыслового состояния; 2 – Тест жизнестойкости в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой; 3 – Опросник «Субъективное качество выбора» (Д. А. Леонтьева и др.) в кратком варианте (16 шкал); 4 – Оригинальная анкета для изучения качества и структуры мотивационных аргументов осуществленного выбора. Анализ структуры аргументации проводился посредством логической классификации; 5 – «Семантический дифференциал времени» (Л. И. Вассерман и др.); 6 – Русскоязычная версия опросника каузальных ориентаций в адаптации О. В. Дергачевой и Д. А. Леонтьева (РОКО); 7 – Шкала определения чувствительности к отвержению А. Мехрабиана.

Статистическая обработка эмпирических данных проводилась методами дескриптивной статистики, дисперсионного, кластерного, факторного, корреляционного и сравнительного анализа. Пороговым уровнем значимости статистических критериев принимался $p \leq 0,05$, расчеты проводились в программном обеспечении Statistica 10.0 (лицензия № BXXR411G487425FA-C от 24.08.2011 г.).

Надежность и достоверность результатов исследования обеспечивалась методологической обоснованностью исходных положений, применением комплекса взаимодополняющих психодиагностических методик, соответствующих цели, задачам и гипотезам исследования, достаточным объемом выборки и ее репрезентативностью, корректным применением методов

математической статистики при обработке экспериментальных данных, содержательным анализом выявленных фактов.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

- получены эмпирические свидетельства установочно-смысловой детерминации интернальности как личностного качества, значимо влияющего на характер осуществления человеком выбора в конкретной ситуации;

- выделены и охарактеризованы качественные типы осуществления личностного выбора (интернальный, экстернальный и безличный) на основании различных конфигураций комплекса установочно-смысловых детерминант интернальности личности;

- определены эмпирические признаки фактической интернальности личностного выбора, осуществленного в конкретной ситуации, важнейшими из которых являются структурное преобладание смысловой аргументации осуществленного выбора и его высокое субъективное качество;

- выявлены содержательные особенности аргументации осуществления интернального выбора;

- активность трёх диспозиционных компонентов интернальности представлена в единстве с процессами синхронизации временных модусов локализации смыслов в субъективной реальности: актуальным смысловым состоянием.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что:

- сформулировано представление о структурной сложности интернальности как личностного качества, включающего в себя «внутренний» (регуляционный) и «внешний» (инструментальный) аспекты;

- на основе представлений о личности как о сложной открытой психологической системе сформировано представление о личностном выборе, как о фундаментальной психической регуляционной активности по удовлетворению базовой потребности в сохранении системной целостности в процессах становления;

– с учетом представлений о личности как о сложной открытой психологической системе и на основе концепции установочно-смысловой регуляции поведения предложено понятие «диспозиции интернальности» как трёхкомпонентный комплекс специфических смысловых диспозиций, регулирующих личностную направленность на удовлетворение базовой личностной потребности в осуществлении выбора;

– на основе эмпирического исследования показано, что установочные компоненты личностной жизнестойкости (вовлеченность, контроль и принятие риска) могут быть поняты как диспозиции интернальности, что дает основания для интеграции концепции жизнестойкости личности в общепсихологический контекст.

Практическая значимость исследования. Представленный в диссертации обзор и анализ основных теоретико-методологических подходов к пониманию интернальности личности, а также историко-психологический и методологический анализ категории личностный выбор используются в качестве дополнения к учебным дисциплинам «психология личности», «история психологии», «психология развития» при подготовке профильных специалистов в социально-психологическом институте Кемеровского государственного университета.

Разработанный методический подход к определению фактической интернальности осуществленного выбора, а также предложенная концепция диспозиционной регуляции интернальности могут быть применены в качестве теоретико-методологического базиса психолого-консультативной работы для расширения спектра возможностей в разрешении психологических затруднений посредством повышения субъектности, интенциональности и ответственности человека при прохождении через ситуацию выбора. В частности, указанные наработки внедрены в консультативную практику лаборатории социальной и психологической помощи ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», а также в работу ГБУЗ Кемеровской области «Кемеровский

областной клинический кардиологический диспансер имени академика Л. С. Барбараша».

Положения, выносимые на защиту:

1. Интернальность представляет собой качество личности, характеризующее способность человека к владению собственным поведением и определяющее характер осуществления выбора.

2. Интернальность детерминируется комплексным действием факторов установочно-смыслового порядка, к которым относятся установки жизнестойкости и качество процессов синхронизации временных модусов локализации смыслов в субъективной реальности, выраженное в уровне продуктивности актуального смыслового состояния.

3. Различные конфигурации факторов, детерминирующих интернальность, обуславливают осуществление выбора по интернальному, экстернальному и безличному типу.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были представлены и обсуждены на всероссийских конференциях с международным участием в городах: Кемерово (2008, 2009, 2010), Новосибирск (2009, 2009, 2010), Москва (2009), Барнаул (2016), а также на международной научной конференции в Доминиканской республике (2009).

Публикации по теме диссертации. По теме исследования опубликовано 16 работ, в том числе 6 научных статей в периодических научных изданиях, входящих в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты.

Структура диссертации отражает логику исследования и включает в себя введение, три главы, заключение, список литературы (263 наименования, из которых 32 на иностранном языке) и два приложения. Работа иллюстрирована 14 таблицами и 5 рисунками. Общий объем диссертации составляет 195 страниц.

1 ИНТЕРНАЛЬНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Основные теоретико-методологические подходы к пониманию интернальности личности

Интернальность – это конструкт, исторически связанный с категорией «локус контроля», введенной в научный оборот Дж. Роттером в теории социального научения. Он рассматривает локус контроля как важнейший субъектный фактор поведения в ситуации, требующей осуществления выбора, как степень понимания человеком причинных взаимосвязей между собственным поведением и достижением желаемого [254].

Дж. Роттер показал, что человек во взаимодействии с окружающим миром приобретает обобщенный опыт, особый тип обобщенных ожиданий о контроле возникновения поведенческих подкреплений в результате успешных или неуспешных действий. Если человек ожидает, что подкрепления зависят от его собственного поведения, то говорят об интернальном локусе контроля, если ожидает контроля подкреплений силами извне – об экстернальном. Согласно Дж. Роттеру, локус контроля не является врожденной и неизменной личностной чертой. Конструкт следует рассматривать как континуум экстернальность – интернальность, и убеждения людей в отношении различных сфер жизни могут быть расположены на всех точках между полюсами.

Понятие локуса контроля органично вписалось в методологически близкий контекст концепций реципрокного детерминизма и каузальной атрибуции. Так, А. Бандура, отводя значимую роль когнитивным процессам в опосредовании связи между стимулом и реакцией, вводит в модель реципрокного детерминизма понятие самоподкрепление. Он обнаружил, что подкрепление, осуществляемое самим субъектом, оказывается эффективнее подкреплений от внешней среды; в результате самоудовлетворения от достижения целей у человека появляется специфический мотив прилагать больше усилий в желаемом направлении, а

уровень внутренней мотивации человека обычно связан с типом и ценностью побуждений [214].

В свою очередь, Ф. Хайдер даёт понятие о локусе каузальности, который выражает ситуативное или устойчивое осознание человеком в качестве причины наступления того или иного события собственное поведение или внешние средовые обстоятельства. Подобным образом интернальность понимал Б. Вайнер при исследовании мотивации достижения успеха и избегания неудач. Согласно Б. Вайнеру, люди с высокой (результатирующей) мотивацией достижения интернальны в том смысле, что воспринимают успех как связанный с собственными способностями и усилиями, а неудачу как вызванную недостатком усилий [262].

Таким образом, А. Бандура, Ф. Хайдер и Б. Вайнер подтверждают статус локализации разных аспектов контроля в качестве реально влияющего на поведение человека фактора субъективного отношения к ответственности за происходящие события.

В классике психологической литературы встречается представление об ещё одном аспекте интернальности, не связанным с концепцией локуса контроля и рассматриваемым в трудах Д. Рисмена, как личностная характеристика ценностного сознания, выраженная в представлении о «локусе ценностей» в контексте различных типов социального характера [148]. Д. Рисмен рассматривал «локус ценностей» с позиции – заложены ли ценности в самом индивиде или принадлежат другим. Поведение людей, «ориентированных изнутри», регулируется внутренними интернализированными целями и ценностями, а людей, «ориентированных извне», – ценностями внешними. М. С. Яницкий замечает, что «по мнению К. Муздыбаева, различие между концепциями Д. Рисмена и Дж. Роттера состоит в том, что первый имеет дело с механизмами социального контроля, а второй – индивидуального... Оба типа социального характера Д. Рисмена вполне могут быть контролируемы как интернально, так и экстернально» [228, с. 93]. Тем не менее, представление о социальном характере ценностно «ориентированной изнутри» личности – существенный аспект

интернальности, поскольку свидетельствует о значимости проявления способности человека к внутренней ценностной опоре и внутренне мотивированному поведению, причем в масштабах массового сознания.

Положение Дж. Роттера о том, что локализация контроля относительно различных сфер жизни неоднородна, и соответствующие убеждения могут быть расположены в континууме интернальность-экстернальность, нашло отражение в представлениях о структуре локуса контроля. Один из распространенных в отечественной психологии диагностических инструментов для измерения «уровня субъективного контроля», разработанный Е. Ф. Бажиным, Е. А. Голынкиной и А. М. Эткингом, позволяет фиксировать как общую интернальность, так и интернальность в различных сферах жизни: в области достижений, неудач, в производственных, семейных и межличностных отношениях, а также в отношении здоровья и болезни [9]. Однако, на наш взгляд, вопрос о генезе интернальности в различных сферах жизни на сегодняшний день не вполне осмыслен, что связано с дискуссионным характером и разночтениями в понимании самого этого феномена.

Обобщая изложенные взгляды можно заключить, что интернальность даже в классическом представлении содержательно неоднородна и аспект локуса контроля, как обобщенного опыта контроля подкреплений является только одним из её проявлений. К другим аспектам интернальности, по меньшей мере, следует отнести локус каузальности, как тенденцию воспринимать в качестве причин событий собственную активность и усилия (Ф. Хайдер, Б. Вайнер), феномен способности к самоподкреплению (А. Бандура), а также тенденцию принимать решения и действовать с опорой на внутренние ценностные и мотивационные ориентиры (Б. Вайнер, Д. Рисмен).

А. А. Бодалёв отмечает, что «введение в психологию понятия локуса контроля стимулировало огромное количество исследований этого феномена, поток которых продолжает нарастать и в настоящее время» [17, с. 400].

В настоящее время, уровень субъективного контроля можно назвать одним из самых востребованных конструктов в психологии личности. Сервис google

scholar (академия google) представляет по запросу «локус контроля» более 21 тысячи ссылок на русскоязычные публикации и труднообозримые 3,5 миллиона ссылок на англоязычные. Х. М. Лефкоурт, указывает на многообразие причин широкого изучения локализации субъективного контроля: его широкая взаимосвязь с различными параметрами личности, различия проявления в зависимости от возраста и профессиональной деятельности и говорит о необходимости многостороннего изучения предмета [245].

Понятие интернальности как полюса «локус контроля», первоначально имеющее смысл в контексте когнитивно-бихевиоральных теорий социального научения и каузальной атрибуции, стало вовлекаться психологами в разнообразные теоретические контексты и эмпирические модели. Приведем некоторые характерные примеры, расширяющие представление об интернальности и свидетельствующие о широте взаимосвязей этого качества с другими значимыми психологическими и личностными параметрами.

Первоначальное представление о локализации субъективного контроля было развито в концепцию локуса каузальности в теории автономии личности Э. Деси и Р. Райана. Воспринимаемый локус каузальности определяется авторами как когнитивный конструкт, представляющий и выражающий степень, с которой человек является самодетерминированным при планировании и осуществлении какого-либо поведения. «Самодетерминацией называется способность выбирать и иметь выбор» [цит. по: 175, с. 104].

Принципиальным отличием локуса каузальности от классического понимания локуса контроля (где интернальность формируется исключительно как результат прагматического обобщения опыта поведения) является положение о базовой потребности, неразрывно связанной с волевыми качествами человека, и лежащей в основе внутренне мотивированной активности, и развития личности. Самодетерминированным авторы называют поведение, направленное на достижение мотивирующего переживания автономии и компетентности – видов удовлетворенности, соответствующих базовых личностных потребностей.

Локус каузальности может быть интернальным и экстернальным. Отличия между ними в особенностях восприятия человеком событий как информационных или контролирующих. Информационное событие актуализирует потребность в автономии и порождает внутреннюю субъектную активность по формированию интернальной смысловой причины дальнейшего поведения, осуществления интернального выбора. Восприятие события контролирующим основывается на потребности в контроле и само, являясь причиной, экстернально задаёт направление выбора. «Внутренние информационные события усиливают самодетерминированное функционирование и повышают внутреннюю мотивацию. Внутренние контролирующие события переживаются как давление с целью получения специфического результата и подрывают внутреннюю мотивацию» [Там же, с. 110, с. 112]. Такое представление хорошо согласуется с традиционными для отечественной психологии идеями (берущими начало в учении о высших психических функциях) о развитии личности, как о, прежде всего, становлении процессов опосредствования поведения интернальными (интериоризованными) психологическими средствами и при развитии механизма автостимуляции [30, с. 1024–1027], хотя представления о движущих силах и, соответственно, механизмах формирования «автономного» поведения существенно разнятся.

Так, положение о существовании базовой личностной потребности в автономии, актуализация которой обуславливает интернальное поведение, имеет характер аксиоматического допущения, сделанного на основе обобщения наблюдений за «стремлением индивидов к развитию своих интересов и способностей» [175, с. 106]. Авторы теории самодетерминации не приводят достаточных естественнонаучных оснований и развернутого теоретического осмысления природы данной потребности, разъясняется лишь, что она врожденна, а способность к её актуализации зависит от опыта открытого свободного поведения в раннем возрасте и от релевантных особенностей социальной среды. «Рост внутренней мотивации, обеспечивающий оптимальное развитие личности, зависит от социальных условий, которые поддерживают и

охраняют автономию человека или же, наоборот, разрушают ее» [Там же, с. 107]. Однако сама идея, что в основе самодетерминации лежит натуральное общее основание, по нашему мнению, требует пристального внимания, и мы более подробно остановимся на этом вопросе в дальнейшем.

Связь локуса контроля с верой в свои силы и способности исследовали Р. Вулри и Дж. Роттер, Д. Уотсон и Э. Боумел. Они показали, что в ситуации, требующей принятия решения на основе собственных навыков, не зависящих от случая и ситуации, интерналы делают меньше ошибок, чем экстерналы, а ситуация неопределенности дезорганизует их в меньшей степени. Вместе с тем, ценность ситуации «шанса» для экстерналов выше, чем для интерналов [19]. Это означает, что общая интернальность, помимо прочего, является основой своеобразной личностной компетенции, позволяющей человеку эффективно оперировать собственными психологическими ресурсами в различных ситуациях, требующих принятия решения.

Г. Бир показал, что люди с когнитивно сложным контролем поведения устойчиво показывают признаки интернальности, что выражается в высоком количестве степеней свободы, социальной пластичности и независимости от «поля», в высокой дифференциации восприятия, способности к разграничению эмоциональных и интеллектуальных оценок, в высокой абстрагированности мышления, произвольности в глубине семантической обработки, в учете значительного объема невербальной информации и осознании собственных качеств, а также в способности к высокой эмпатии и пониманию мотивов другого человека [233]. Очевидно, что интернальность не тождественна когнитивной сложности, однако данные наблюдения свидетельствуют о большей способности к осознанному и смысловому поведению интерналов. Подобные выводы были сделаны А. В. Серым в контексте исследования психологических особенностей (включая когнитивную сложность) функционирования системы личностных смыслов при различных актуальных смысловых состояниях, в структуре которых интернальность является одним из предикторов смысловой продуктивности [165].

Ряд исследований посвящены связи локуса контроля и особенностей структуры и содержания субъективной временной перспективы. Так, исследования Ф. У. Вессмана, С. Тайера и Д. С. Гормана показали, что интерналы в своих временных перспективах более ориентированы на будущее, лучше способны концептуализировать отрезки времени. По сравнению с экстерналами, их временная перспектива охватывает более дальнюю зону, как будущего, так и прошлого, причем независимо от характера событий. В то время, как временная перспектива экстерналов укорочена и малособытийна [256]. О связи интернальности и общей компетентности во времени свидетельствуют данные Д. А. Леонтьева [88], Е. Е. Бочаровой [20], Е. М. Вечкановой [166]. Последняя сообщает, что обусловленность временной перспективы локусом контроля возрастает в период переживания кризиса идентичности, а значит, интернальность способствует конструктивному отношению к неопределенности как внешней, так и внутренней ситуации.

Есть данные об обратной связи интернальности и тенденции к аддиктивному поведению [127], а также с уровнем прокрастинации [23]. Ряд исследований свидетельствуют о том, что интернальность является значимым личностным фактором стрессоустойчивости и эффективного совладания с кризисными жизненными ситуациями, а также снижает вероятность развития эмоциональных нарушений, в том числе в виду проявления сопряженной с интернальностью способности опосредствовать эмоциональные реакции смысловыми средствами, более открыто и активно вести себя в проблемных ситуациях [8; 115; 147; 166; 221].

Также зафиксирована связь интернальности и общей социальной эффективности, включая уровень материальной обеспеченности [113]. По данным А. А. Реана, интернальность связана с уровнем профессионального мастерства [147], что косвенно свидетельствует о деятельностной природе становления интернальности. Вместе с тем, Н. Е. Горская приводит доводы в пользу того, что развитие интернальности в области профессиональной сферы может быть рассмотрено как выражение одной из фундаментальных личностных

потребностей [41]. А. В. Карпов приводит данные, согласно которым интернальность значимо влияет на результативность управленческой деятельности [57; 58]. В целом, можно заключить, что поведение интернального типа, кроме прочего, предполагает определенный уровень владения личностными навыками опосредствования, некоторую практически наработанную личностную компетенцию по управлению собственным поведением.

Н. Т. Физер показал, что удовлетворенность вознаграждением за решение задачи у интерналов растет пропорционально оценке собственного вклада в её решение, ценность вознаграждения зависит от интернальности поведения [239]. Более того, по данным Б. Вайнера (1974) если локус контроля воспринимается как внешний, результат собственных действий вообще не оказывает на индивида выраженного эмоционального воздействия, т. е. человек остаётся безучастным к происходящему [прив. по: 123, с. 273]. Ценность результатов собственной активности, характерное для интерналов отношение к собственным усилиям и их результатам как к личностной значимости означает не что иное, как ответственность. Следует отметить традиционность понимания интернальности через призму категории ответственность. Уже в теории каузальной атрибуции интернальность понимается, прежде всего, как тенденция приписывать ответственность за события внутренним причинам.

М. С. Яницкий характеризует уровень интернальности как «степень независимости и самостоятельности человека в достижении своих целей, развития чувства личной ответственности за происходящие с ним события» [228, с. 93]. К. Муздыбаев определяет ответственность, как волевое личностное качество, проявляющееся в субъективном контроле над собственной деятельностью [114]. Говоря о феномене ответственности, Д. А. Леонтьев содержательно раскрывает его в трех аспектах, также связанных с интернальностью: субъективная причинность (на когнитивном уровне), мужество (на эмоциональном) и выбор (на действенном), усматривая в субъектной активности человека «корни» свободы, а в развитии процессов саморегуляции – источник ответственности [99]. Уровень

субъективного контроля непосредственно сопряжён с уровнем принятия человеком на себя ответственности за события своей жизни.

По замечанию М. С. Яницкого, общий уровень принятия ответственности также «может соответствовать уровню внутреннего личностного принятия, интернализированности ценностных представлений» [228, с. 93]. Соответственно, формирование интернальности может быть рассмотрено как процесс личностного осмысления соответствующих ценностных представлений и принятия человеком ответственного решения относительно приоритета значимости одних ценностей по отношению к другим. Т. е. речь идёт о процессе интернализации, который определяется А. В. Серым (на основе работ В. Грулиха, Я. Гудечека), как процесс сознательного и активного восприятия окружающего мира на основе воспроизводства принятых на определенном смысловом уровне норм и ценностей. Интернализация предполагает ответственную позицию субъекта, интерпретирующего события своей жизни как результат своей собственной деятельности [165, с. 24–25]. Ранее при анализе категории интернализация мы пришли к выводу, что основным продуктом данного процесса является формирование интернальности, как способности автономно порождать и актуализировать ценностно-смысловые причины для собственной активности [53, с. 180].

Необходимо подчеркнуть, что интернальная локализация контроля, обобщенная личностная ориентация на восприятие жизненных событий как результатов собственных действий, и вытекающее из такого ожидания чувство ответственности не всегда является психологически благоприятным обстоятельством. Как указывает А. А. Реан: «субъект, который перманентно и тотально берет на себя ответственность за все неудачи, провалы, промахи в жизни, подвержен серьезному риску дезадаптации. Такая ориентация на всеобъемлющую ответственность в случае серьезности или множественности неудач является основательной почвой для возникновения комплекса вины...является фактором риска психоэмоциональной дезадаптации, роста дискомфорта, напряжения» [146, с. 109]. Об этом же пишет и Р. М. Шамионов:

«в наших исследованиях субъективного контроля, было показано, что в случае его избыточности в сфере неудач, например, ярко выражена неудовлетворенность собой» [217, с. 48].

С другой стороны, Р. М. Шамионов отмечает, что «социум в ряде случаев в качестве нормы транслирует установку на неудовлетворенность при принятии ответственности на себя за свои ошибки и неудачи, в противном случае (экстернальность), напротив, выявляется удовлетворенность собой. На наш взгляд, в этом проявляется навязывание ответственности за неуспех, неудачи самому субъекту, а за достижения – внешним факторам...» [Там же]. Таким образом, автор отмечает существенный характер влияния социокультурных факторов на психологическую результативность практики интернального поведения. Это наблюдение подтверждается зарегистрированной еще Дж. Роттером определенной сложностью взаимосвязи интернальной локализации контроля и когнитивных функций, в зависимости от социокультурной ситуации. По данным Дж. Роттера и И. Бэттла (1963) локус контроля чернокожих североамериканских детей, живущих в неблагоприятных социоэкономических условиях, обладает определенной спецификой: «дети с внешним локусом контроля обычно имеют более высокий IQ, чем дети с внутренним локусом контроля» [цит. по: 123, с. 380], в то время как традиционно считается, что более низкие уровни IQ соответствуют экстернальной направленности [211, с. 27].

Также Д. Мацумото в книге «Психология и культура» [111] отмечает, что феномены, связанные с интернальностью, имеют культурную специфику, в частности, установка на самоэффективность, автономию и личный контроль (Я контролирую окружение) характерна для жителей Северной Америки, а установка на гармоничные отношения с социальным и физическим окружением характерна для жителей Восточной Азии (окружение контролирует меня). Однако и первый, и второй подходы взаимодействия с окружающим миром обеспечиваются своими специфическими психологическими механизмами, которые позволяют субъекту сохранять и психическое здоровье, и психологическое благополучие. В основе

этих различных подходов лежат по Д. Мацумото различия в ценностных ориентациях.

Таким образом, высокая интернальность не всегда является фактором эффективности поведения и деятельности, но в определенных социальных ситуациях может вести к дезадаптивным проявлениям. Оптимальная структура локусов интернальности может быть ситуационно и культурно специфичной, формирующейся при тесном взаимодействии человека со средой и опосредованной различными социокультурными переменными.

В качестве способа учесть сложность взаимосвязей интернальности, адаптивности и социокультурной ситуации А. А. Реаном вводится модель «хорошего» интернального контроля, при котором ответственность за причины неудач связана с экстернальными факторами, а ответственность за преодоление неудач – с интернальными. Данная модель «...позволяет субъекту сохранить уверенность в себе, активную позицию и чувство контроля за событиями своей жизни, не приобретая попутно чувства всеобъемлющей вины и эмоциональной дезадаптации» [146, с. 109]. Такая модель является одним из возможных способов сохранения личностной стабильности при переживании жизненных трудностей. Однако практика «хорошего интернального контроля» может способствовать дезинтеграции жизненного опыта, делению событий на «хорошие» и «плохие», несколько искусственному отделению себя от одних событий и соединению с другими, что может ограничивать возможности человека по дальнейшему развитию способности к «овладению собственным поведением», стагнации в этом отношении.

На наш взгляд при интерпретации обнаруженных взаимосвязей между выраженной интернальностью локализации контроля, риском психоэмоциональной дезадаптации и снижением когнитивных функций в специфических социокультурных условиях следует обратить внимание, что рассматриваемые понятия локус контроля, ответственность и интернальность методологически разнородны. Классические исследования локуса контроля проводились в рамках когнитивно-бихевиоральной традиции, где категория

ответственности представлена в нейрофизиологическом ключе, за ней не стоит психологически системного цельно-личностного содержания, кроме того в базовой методологии бихевиоризма не принимаются во внимание принципиальные положения относительно психологических закономерностей сознательной и бессознательной личностной регуляции эмоциональных состояний, разработанные при изучении феноменов психологической защиты, совладающего (копинг) поведения и организующего потенциала смысловых ориентаций. Также не учитываются культурно-исторические закономерности развития высших психических функций, и, в целом, фундаментальные аспекты смысловой организации личностных процессов.

Говоря об ответственности, отметим, что эта категория понимается нами как один из центральных конструктов экзистенциально-гуманистической психологии, как изначально присущая человеку, в том смысле, что принципиально «человек ответствен за то, что он есть» [155, с. 326]. Независимо от осознания этого факта, сущность человека определяется его собственными действиями, постоянно осуществляемым выбором самого себя. Отсюда, принятие ответственности – это готовность «осознавать творение самим собой своего “Я”», способность осуществлять осознанный выбор и признавать собственное авторство [227, с. 245], готовность принимать последствия совершенного выбора, какими бы они ни были [119]. С этого ракурса, интернальность не тождественна ответственности, но является её предиктором, как особое интенциональное (в постнеклассической интерпретации этого понятия [55]) состояние сознания и сам способ «авторского», субъектного отношения человека к себе и жизненным событиям. Так или иначе, теоретическая связь локализации контроля с ответственностью, как личностным качеством, обоснована и подтверждена многими эмпирическими исследованиями, например, К. Муздыбаев [114], А. А. Реан [145], В. Сатир [156], О. А. Бокова [18].

Вместе с тем, если вернуться к положению Дж. Роттера о вариативности локализации контроля в отношении различных сфер жизни, то следует учесть, что обобщенные ожидания и фактические возможности контроля человеком

жизненных событий и обстоятельств могут существенно отличаться в разных сферах жизни (в границах условного континуума интернальный-экстернальный). На этом, в частности, основано одно из исходных положений разработки Е. Ф. Бажиным с соавторами методики «уровень субъективного контроля», где отдельно оценивается интернальность в семейных и производственных отношениях, а также в отношении болезни и здоровья [9]. Кроме того, в литературе представлены разработки специальных методов диагностики интернальности в прикладных сферах, например, Е. И. Рассказова проводит оценку методик диагностики локуса контроля причин болезни и лечения и самоэффективности в отношении лечения [144].

Понимание интернальности, как постоянно и закономерно развивающейся способности человека к субъектно-деятельностному обращению со всевозможными реалиями своего жизненного мира, т. е., по существу, как к интегральной высшей психической функции (ВПФ) «по овладению собственным поведением», позволяет применить к анализу этого феномена представление о культурно-исторической логике развития ВПФ в онтогенезе. Тогда окажется допустимым предположить наличие множества уровней становления и реализации интернальности в зависимости от природы (физическая, социальная, психоэмоциональная, психологическая, духовная) и смысловой сложности (включая аспект временной организации смысловой реальности) осваиваемых явлений. В частности, что способность удерживать понимание связей между собственными действиями и их результатами на физическом плане, не обязательно линейно сопряжена с развитой способностью осознавать связи и проявлять субъектную осмысленную активность при обращении с явлениями психологического или, тем более, духовного плана. Подобным образом, проявление человеком способности к интернальному обращению с событиями и обстоятельствами социального плана (социальные успехи или неудачи, освоение социокультурных норм и ценностей) не свидетельствует непосредственно о способности сохранять субъектность и поведенческую эффективность при обращении с собственными эмоциями, в том числе субъективно тяжелыми.

Эмоциональные состояния, хотя и сопряжены с событиями на социальном и других планах, по существу, сами потенциально являются предметами субъектного обращения, что требует специфических компетенций, в частности, достаточности эмоционального интеллекта как готовности целенаправленно оперировать с феноменами эмоциональной действительности.

Об интернальности человека в отношении собственных эмоций может свидетельствовать выраженная опосредствованность эмоциональных реакций смысловыми процессами, что проявляется в низком уровне напряженности системы психологических защит [163] и невысоком уровне эмоциональной чувствительности к социальному отвержению при выраженной осмысленности жизни у психологически здоровых людей [54].

В. А. Петровский акцентирует, что «быть субъектом – это значит обладать особым свойством <...> “causa sui” (“причина себя”) <...> – это самопричинность сущего, способность к самосозиданию, самоподдержанию, саморазвитию. “Я и садовник, я же и цветок”» [132, с. 61]. В. А. Петровский приходит к выводу, что субъектность как функция целостности является принципиальным условием возможности «надситуативной активности» человека – свободной причинности «Я» [135]. Более того, автор подчеркивает, что «по-видимому, не только мир человека неоднороден как поле проявления разных логик смыслоустройства, но и сам человек как мультисубъектное образование является носителем разных логик – даже тогда, когда он имеет дело с одним и тем же фрагментом действительности» [Там же, с. 174]. Таким образом, категория субъектность необходима для исследования психологии овладения человеком собственным поведением, а концепция мультисубъектности поддерживает представление о том, что в разных сферах жизни, разных «фрагментах действительности» человек может быть в разной степени интернально ориентирован, в зависимости от специфики соответствующих «эгосостояний» [Там же].

Каждый уровень становления интернальности, каждый план приложения субъектной активности требует от человека специфических компетенций, образования и опыта, нарабатываемых от внешних форм поведения к внутренним

и от простых явлений к психологически сложным. Следовательно, можно говорить о принципиальной возможности постепенного уровневого расширения границ интернального взаимодействия при психологическом освоении человеком многомерного жизненного мира. Причем базовый принцип интернального взаимодействия с реалиями жизненного мира постоянен: осознание причинно-следственных связей между явлениями различной природы и собственным поведением и устремленность человека к реализации возможностей воздействовать на условия возникновения этих явлений, а через условия – на сами явления будь то во внутреннем или во внешнем плане.

Таким образом, мы делаем заключение, что интернальность реализуется как личностное опосредствование поведения и отношений в различных сферах жизни, основанном на сложных и нелинейных по своей природе психологических процессах, а ключевыми психологическими признаками интернальности являются субъектность, интенциональность и ответственность.

Важно отметить, что интернальность является фактором, регулирующим качественное своеобразие мыслительной деятельности в ситуации, требующей осуществления выбора, как специфический психологический принцип – императив сохранения субъектности в ситуации неопределенности. В этой связи Д. А. Леонтьев показывает, что локус контроля существенным образом влияет на протекание деятельности по осуществлению личностного выбора в ситуации неопределенности. Интернальность влияет на скорость конструирования оснований и смысловых критериев для сопоставления имеющихся альтернатив и осуществление этого сопоставления, а также на общую эффективность внутренней деятельности выбора [88; 125]. А. А. Бодалёв также сообщает, что «интерналы более последовательны и продуктивны в ситуациях принятия решения и ситуациях, связанных с риском, <...> они проявляют большую когнитивную активность, чем экстерналы» [17, с. 400].

Следует обратить внимание на сопряженность локализации контроля и способности к осмысленному, а значит, субъектному и интенциональному поведению. Д. А. Леонтьев даёт представление о структуре смысловой регуляции

поведения, об имманентной связи интернальности с элементами которой свидетельствуют концептуальные соображения и эмпирические данные как самого Д. А. Леонтьева, так и других исследователей.

Согласно Д. А. Леонтьеву, интернальность (как убежденность человека в своей способности контролировать жизненные события, и вера в способность осуществлять собственный выбор) тесно связана, во-первых, с телеологичностью, как наиболее общей смысловой ориентацией («склонность вообще ориентироваться на смысл своих действий, а не на их причину, ставя по отношению к ним вопрос «для чего» в противовес вопросу «почему»» [95, с. 292]). Во-вторых, интернальность проявляется в способности человека осознавать и реализовывать себя как активного субъекта жизни, что обобщено в понятии «действенная жизненная позиция» [91, с. 38–39]. В-третьих, интернальность коррелирует с общей осмысленностью жизни, как «количественной мерой степени и устойчивости направленности жизнедеятельности субъекта на какой-то смысл» [95, с. 293]. В этой связи, Д. А. Леонтьев отмечает, что «субъективное переживание наличия смысла жизни, как правило, связано с осознанием ответственности за результаты своей деятельности» [Там же, с. 309].

Четвертым аспектом смысловой регуляции поведения Д. А. Леонтьев предлагает дихотомию: ориентация на ценности или на потребности в качестве источника смыслообразования. Здесь уместно замечание А. А. Бодалева, что интерналы «проявляют большую готовность отсрочить сиюминутное, легкодоступное удовольствие ради достижения отдаленного, но более ценного блага» [17, с. 400]. А Д. А. Леонтьев поясняет, что «человек с доминирующей потребностной регуляцией будет в большей мере подчинять поведение своим сиюминутным желаниям, будет...мало учитывать отдаленные последствия своих поступков и решений» [95, с. 296]. Так интернальность раскрывается как тенденция к проактивному поведению, как противоположности реактивного.

Пятый аспект смысловой регуляции – временная локализация ведущих смысловых ориентиров также связан с локусом контроля. По заключению

А. В. Серого, основанному на результатах эмпирического исследования, «осмысленность прошлого, настоящего и будущего даёт человеку убежденность в том, что ему дано контролировать свою жизнь, принимать ответственность за происходящие в ней события и воплощать принятые решения» [165, с. 66]. Причем интернальность значимо возрастает до среднего уровня при высокой осмысленности, по меньшей мере, 2х из 3х временных модусов локализации смысла (в ряду прошлое, настоящее, будущее) какой-либо ситуации или жизни в целом и наиболее высока при высокой осмысленности всей временной перспективы [Там же, с. 63]. Т. е. способность актуализировать личностный смысл в ситуации неопределенности, способность осуществлять интернальный выбор [Там же, с. 152–175] – продуктивность актуального смыслового состояния [163] необходимо сопряжены с выраженной интернальностью.

А. А. Бодалёв отмечает, что эмпирические исследования локуса контроля свидетельствуют о значительном влиянии этого фактора на многообразные характеристики психики и поведения, что эта категория отражает переживание человеком «его связанности или несвязанности с событиями собственной жизни», при этом, налицо «недостаточная теоретическая разработанность» этой проблемы [17, с. 402–403].

При обобщении рассмотренных представлений мы приходим к заключению, что интернальный локус контроля в его классическом понимании – это только одно из проявлений интернальности, как более глубокого и существенного психологического качества. Люди с внутренней и внешней локализацией субъективного контроля, равно как интерналы и экстерналы в более широком понимании, качественно своеобразно взаимодействуют с миром и имеют ряд характерных психологических и личностных различий.

Не смотря на многоаспектность индивидуальных различий между интерналами и экстерналами, корень их усматривается в своеобразии подхода к осуществлению выбора в требующих того ситуациях и в своеобразии исходного отношения к ситуациям неопределенности. Т. В. Корнилова отмечает: «при любом выборе в ситуации неопределенности человеку приходится ставить перед

собой вопросы, которые можно объединить в общей формулировке «Какой я?» <...> Принятие личностной цены выбора означает и самоопределение в вопросе «Кто я?», или «Каким я себя вижу (хотел бы видеть)? От ответа на эти вопросы зависит актуализация тех или иных психологических особенностей в стратегиях подготовки выбора» [75, с. 75–76]. Мы делаем вывод, что для «интерналов» эти вопросы являются устойчиво актуальными (безотносительно их представленности на уровне сознания), что проявляется как способность человека осуществлять выбор, сохраняя субъектность, интенциональность и чувство ответственности, в отличие от экстерналов, для которых ценность субъектности в ситуации выбора, по-видимому, не является мотивирующей и не реализуется.

Подводя предварительные итоги теоретического анализа феномена интернальности, заключим, что исследуемое понятие в настоящее время стоит в одном методологическом ряду среди таких центрированных на человеке психологических категорий как собственно личность и её становление, ответственность, смысл, жизненная устойчивость, отношение, выбор и избирательность, субъектность, деятельность, самосознание, интенциональность, личностный и интеллектуально-личностный потенциал, суверенность. Интернальность может выступать одним из ключевых понятий при изучении механизмов, сил и средств, посредством которых человек осуществляет интенциональное смысловое взаимодействие с жизненным миром и «овладевает собственным поведением».

Интернальность является содержательно неоднородным понятием. В психологической литературе представлен ряд относительно самостоятельных концепций, формирующих теоретическое наполнение этого конструкта. Не смотря на детали различий в определении интернальности, суть феномена заключается в указании на психологическое содержание процессов и механизмов, при реализации которых причина и источник ключевых регулирующих влияний на происходящее связаны с собственной активностью человека, как субъекта. Таким образом, локус контроля, уровень субъективного контроля, локус каузальности, интернальность ценностных и каузальных ориентаций – все эти

понятия могут быть рассмотрены в качестве аспектов интернальности как особого психологического феномена.

Многочисленные психологические исследования свидетельствуют об обширных взаимосвязях различных форм проявления интернальности с широким кругом психологических и личностных характеристик, основными из которых являются когнитивная сложность, глубина и событийность субъективной временной перспективы и психологическая компетентность во времени, выраженная способность к смысловой регуляции поведения, развитая произвольность, ответственность, адаптивность и стрессоустойчивость. Интернальность является значимым условием эффективности внутренней деятельности личностного выбора и принципиально неотделима от феномена выбора, поскольку на поведенческом уровне проявляется исключительно в актах субъектной избирательной активности при разрешении ситуации неопределенности.

Интернальность, судя по истории изучения вопроса, формируется, как результат обобщения 1 – опыта восприятия и осознания человеком себя, своего поведения и собственных качеств как причин и условий возникновения тех или иных событий и обстоятельств в различных сферах жизни, 2 – опыта переживания личностной значимости последствий и результатов собственной активности или её отсутствия, а также в целом 3 – опыта непосредственной практики взаимодействия человека с миром. При этом есть основания предполагать, что интернальность имеет активное онтологическое основание в природе человеческой личности и связана с фундаментальными аспектами избирательности психического отражения.

Определение субъектности, интенциональности и ответственности при взаимодействии с миром в качестве состояний, реализующих «связность человека с событиями собственной жизни», с высокой вероятностью указывает на имманентную связь феномена интернальности с ядерными личностными измерениями и соответствующими движущими силами, актуализация которых

позволяет человеку «обрабатывать» ситуацию выбора на верхних личностных уровнях [77].

Таким образом, правомерно поставить проблемный вопрос об идентификации и теоретическом осмыслении базовой динамической силы, проявляющейся как тенденция к интернальному поведению и лежащей у основания становления соответствующих навыков и качеств. Иными словами, какую потребность реализует человек, осуществляя интернальное поведение? По какой причине субъектность имеет фактически переживаемую и практически реализуемую личностную ценность? По какой причине интернальность оказывается взаимосвязанной, как показано выше, с таким обширным кругом важнейших личностных качеств и параметров?

Данные вопросы методологически позволяют различать интернальность как тенденцию к интернальному поведению, психологические механизмы реализации этой тенденции в психологической системе человека и специфическую «личностную компетенцию» как комплекс индивидуальных и разноплановых психологических средств и ресурсов реализации человеком интернальной тенденции в конкретных жизненных ситуациях выбора.

Мы предполагаем, что такой дифференцированный подход, представление о структурной сложности изучаемого феномена, в практическом плане позволяет перенести понятие об интернальности из когнитивно-бихевиорального дискурса в общепсихологическое русло, в широкий контекст проблематики произвольности и избирательности психики, личностной опосредствованности психических процессов и поведения, требующего осуществления выбора.

1.2 Выбор как психологический феномен

Семантическое содержание каждого слова обобщенно выражает реальную исторически сложившуюся в культуре практику общественного отношения к «вещи», отраженной в слове [106]. Соответственно, понятие «выбор» имеет устоявшуюся семантику в русском языке. Малый академический словарь

русского языка слово *выбор* определяет, как действие по значению слова *выбирать* (или *выбрать*), а так же, как существительное о том, кто (или что) выбран (выбрано), и то, из чего можно выбрать (*выбирать*); сам процесс подбора каких-либо предметов.

Слова *выбор* и *выбирать* своими значениями указывают на факт намеренного выделения одиночного из некоторого множества вероятного, отделения одного от другого, при этом значение слова *выбираться* (возвратная форма *выбирать*) указывает, в случае действия, направленного на себя, на сопутствующую необходимость преодоления некоторого сопротивления, т. е. на проявление усилия и воли.

В этимологическом аспекте, слово *выбор* – производное от слова *брать*, имеющего, согласно М. Фасмеру однокоренные аналоги во многих индоевропейских языках и восходящее к древнеиндийскому «несёт, приносит, ведёт, отнимает» [198]. На родство слов *брать*, *нести* и *давать*, указывает также Н. В. Пятаева, говоря о логической связи соответствующих лексических гнезд [139]. Генетическая связь слов *брать* и *давать* не только свидетельствует о диалектической невозможности наличия одного без другого, но и отражает принципиальную возможность размытости субъекта ответственности за совершаемый выбор между «Я» и «Не-Я», которую можно представить в альтернативных вопросах: Я взял (выбрал) или мне дали (дано)?; Я дал или у меня взяли? Как отмечает В. М. Березин, основа этимологии слова *понять*, корень «ять» на индоевропейских языках и означала брать [13]. Т. е. слова *понять* и *взять* являются одноморфемными (например, в англ. глагол to get (ет – ять) может иметь оба этих значения – взять и понять, а выражением «I have got a decision» обозначается факт уже осуществленного выбора). Этимологическое родство слов *выбирать* и *понимать* косвенно указывает на связь процессов выбора и функций сознания, реализующихся в понимании, осмыслении чего-либо.

Слово *выбирать* в русском языке является доминантой обширного ряда синонимов, образующих функциональную семантическую палитру его использования в речи. Согласно словарю синонимов русского языка [122],

основными синонима-образующими формами слова *выбрать* являются слова *избрать, отобрать и подобрать*, которые сближаются с тремя синонимическими рядами: 1 – облюбовать, присмотреть, приглядеть; 2 – подыскать, приискать; 3 – выбрать, предпочесть. Предпочтения той или иной формы существования слова выбирать определяется контекстом, с другой стороны, каждая из форм имеет специфический оттенок значения.

Лексико-семантический анализ слова *выбор*, представленный в указанных словарных статьях, позволяет констатировать существование языкового обеспечения сложной структуры выбора как процесса и акта, в котором непременно присутствуют характеристики субъекта выбора, критериев выбора, характеристики объекта выбора, временные и другие характеристики ситуации совершения выбора, аспекты качества и структурного масштаба выбора, показатели субъектных и средовых оценок выбора. В различных вариантах употребления слова *выбор* в русском языке прослеживаются следующие смысловые атрибуты выбора: целесообразная направленность (явная или скрытая), преодоление трудностей и сопротивления (необходимость усилия, энергоемкость), неизбежность последствий выбора, отягощённость (ответственность) актом выбора и его последствиями, чувство бремени (необратимость), а также вознаграждение за совершение выбора и представление о возможности выбора, как о привилегии.

В качестве субъекта выбора могут выступать любые функциональные целостности, вступающие в отношение к чему-либо. В нашем исследовании мы отталкиваемся от основного значения слова субъект. В переводе с латыни *subjectus* – лежащий в основе (в основе какой-либо целостности). С точки зрения лингвистики, субъект – это «семантическая категория со значением производителя действия или носителя состояния» [188]. В контексте нашего исследования, субъект – это всегда субъект отношения целого к чему-то ещё, это базовая функция целостности, источник интенции.

С учетом проведенного анализа, в самом общем виде мы можем определить значение слова *выбор*, как активность некоторого субъекта (а также результат

такой активности), включенного в ситуацию неопределенности, по сужению множества вероятного до состояния конкретного, реального в конкретной точке времени и пространства в связи с явно или неявно заданной целью.

В структуре данного определения можно выделить три принципиальных составляющих: 1 – потенциальное множество вероятного, как начальное состояние неопределенности, 2 – конкретика множества реального, проявленного, как результат и 3 – некоторый причинно-целевой управляющий принцип, приложенный субъектом (или через него) по отношению к множеству вероятного (в феномене выбора всегда присутствует момент взаимодействия, отношения чего-то с чем-то). В качестве комментария по данному определению важно подчеркнуть, что выбор – это всегда реализованный факт. Будучи совершенным в конкретный момент времени, в следующий момент он становится причиной уже возникших последствий и не может быть отменен ввиду необратимости времени. Иными словами, выбор – это событие в физическом смысле этого слова, понимаемое, как «то, что произошло, хотя могло и не произойти», «факт изменения состояния мира, когда нечто различается до и после события» (Ю. М. Лотман, [цит. по: 173]). Образно, можно представить выбор, как элементарный стежок, которым субъект сшивает (поливариативные) прошлое и будущее время в конкретный факт настоящего момента.

Субъектность, направленность, созидательность, событийность, интерактивность, необратимость, энергоемкость – таковы ключевые атрибуты выбора в общем его представлении.

Выделенные общие атрибуты категории выбор позволяют ввести это понятие в качестве познавательного конструкта в любое предметное поле, где вероятное становится реальным в соединении с некоторым причинно-целевым принципом. При этом слово выбор в большинстве случаев употребляется в связи с человеком, как действующим субъектом и применительно к реалиям мира человека, включенного в общественные отношения. Наиболее остро проблематика избирательности прослеживается в дискурсе человеческой жизни и выбор, соответственно, является предметом психологического анализа. Однако

ввиду неоднородности, сложности и многомерности человеческой психики, равно как и имеющихся о ней знаний, а также онтологической вездесущести феномена выбора, его научно психологическое изучение методологически затруднено. Поиск и изучение личностных факторов осуществления интернального выбора требует предварительного теоретического исследования, нацеленного на то, чтобы наметить такое представление о человеке, как о субъекте выбора, которое бы методологически позволяло, во-первых, теоретически осмыслить сущность движущих сил осуществления выбора, и во-вторых, проанализировать личностную (собственно психологическую) специфику акта выбора, приняв во внимание особенности вовлекаемых в него ключевых психологических реалий. Как отмечал В. Е. Ключко, «...человеку, которому удалось бы понять, как работает механизм избирательности психического отражения, на самом деле предварительно нужно было бы решить для себя проблему целостного (системного) представления о психическом как таковом, включая и структурно-функциональный аспект» [69, с. 95].

Таким образом, мы исходим из представления о выборе как о процессе и результате прохождения некоторым субъектом через ситуацию неопределенности, акте разрешения ситуации неопределенности. Проблематика выбора непосредственно связана с онтологической категорией «неопределенность» и является либо неотъемлемым методологическим аспектом, либо предметом целенаправленного изучения во многих отраслях научного знания [48; 78; 89; 140; 177; 178]. Д. А. Леонтьев также определяет понятие выбора с применением категории «неопределенность»: «выбор – это локализованный во времени фактически осуществленный акт устранения неопределенности, перехода от множества равновозможных альтернатив к одной, превращение которой в реальность отрицает возможность альтернатив» [92, с. 16].

Анализ существующих подходов к пониманию и изучению проблематики выбора, проведенный Т. В. Корниловой, позволяет говорить об их существенных различиях по следующим основаниям:

– каково прикладное предметное поле разработки проблематики выбора;

- кто или что представляется в качестве субъекта выбора;
- что такое неопределенность, и в каком смысловом контексте она возникает;
- что такое ситуация выбора, как мыслится её природа и структура;
- какое значение для субъекта имеет ситуация выбора и её разрешение;
- какими процессами опосредствовано разрешение ситуации неопределенности;
- в какой мере и каким образом проявляется собственная активность субъекта в ситуации выбора;
- какова природа факторов, влияющих на процессы, опосредствующие осуществление выбора;
- каким образом (механизмы) и в какой мере (значимость) факторы различной природы обуславливают процессы выбора [76].

Данные основания, в целом, соответствуют полученной в результате анализа слова *выбор*, как единицы русского языка, его семантической структуре (в которой присутствуют характеристики субъекта выбора и меры его активности, критериев выбора (в том числе их источника), характеристики объекта выбора, временные и другие характеристики ситуации совершения выбора, аспекты качества и структурного масштаба выбора, показатели субъектных и средовых оценок выбора и его значимости, а также характеристики методов и средств выбора).

Представления и разработки по проблеме субъектной избирательности имеют место как в гуманитарных, так и в других науках – везде, где изучается поведение в ситуации неопределенности. Непосредственным предметом исследования выбор является для психологических и непсихологических концепций «принятия решения». Т. В. Корнилова замечает, что «в зарубежных психологических исследованиях понятия принятия решений и выбора функционируют в облики двух основных терминов – Decision making и Choice» [76, с. 12]. Мы склонны заключить, что для русского языка соответствием выражению decision making является не столько форма «принятие решения»,

сколько идиомы «осуществление выбора», а choice соответствует форме «сделать выбор одной из нескольких альтернатив».

Среди непсихологических наук, проблематика выбора разрабатывается в философии, социологии, политологии, экономике, а также этологии, кибернетике (и других дисциплинах, посвященных проблеме искусственного интеллекта) и пр. Более того, качество неопределенности и особенности её разрешения являются принципиальным основанием всего комплекса научных направлений, разрабатываемых в рамках постнеклассической парадигмы научного познания (представленной, в том числе, и в психологии), выделяющих, соответственно, саморазвивающиеся (самоорганизующиеся) системы и познающих их в качестве своего объекта.

Представление о человеке, как о субъекте выбора и принятия решения является неотъемлемым аспектом психологического знания в целом. У. Джеймс писал: «что и как выбирает индивид и чем определяется этот выбор – именно это является предметом исследования всей остальной психологии» [цит. по: 206, с. 30], Р. Мэй отмечал, что момент выбора, принятие решения «присутствует в любом акте сознания» [118], а Л. С. Выготский прямо постулировал: «вся психика построена по типу инструмента, который выбирает» [30, с. 98], «сущность психики с положительной стороны <...> интенциональное отношение к предмету» [Там же, с. 1029].

Соответственно, различные подходы к формулировке и решению вопросов, центрированных категорией «выбор», прослеживаются во всех основных психологических традициях: психоаналитической (глубинной), экзистенциальной, когнитивно-бихевиоральной, культурно-исторической и, развивающейся в настоящее время, постнеклассической психологии. Специально же проблематика выбора разрабатывается в рамках так называемых «теорий принятия решений» (ПР), одни из которых имеют преимущественно прикладной характер, другие входят в контекст общепсихологического знания.

У. Джеймс, который, не являясь представителем психоаналитической психологии, тем не менее, обозначил перспективы и тенденции исследования

психики человека в русле глубинной психологии и указал на феномен выбора как на действительный предмет научной психологии [16]. «Глубинная психология – собирательное понятие, посредством которого обозначают ряд различных направлений, течений, школ и концепций психологии, придающих особое значение деятельности и исследованию разнообразных бессознательных компонентов, механизмов и процессов, скрытых в глубинах психики человека» [38].

У. Джеймс писал: «что и как выбирает индивид и чем определяется этот выбор – именно это является предметом исследования всей остальной психологии» [206, с. 30]. Он рассматривал феномен личностного выбора, как неперемнное свойство человеческого «Я», и, фактически, оперировал понятием субъекта жизнедеятельности, утверждая, что наше «Я» больше личностной идентичности, из него берут начало все процессы нашей психики, в нем отфильтровываются все наши знания и весь жизненный опыт [205, с. 223]. Джеймс предложил структуру «Я», как картину взаимодействия разноуровневых сфер человеческого бытия, представленных биологическим, материальным, социальным и духовным началами. Он утверждал, что биологическое можно рассматривать как подмножество материального, которое, в свою очередь, структурируется социальным. При этом, источник жизненных усилий, внимания и воли – того, что делает возможным осуществление выбора, У. Джеймс назвал «Духовным Я», внутренней субъектной сущностью личности, активной во всех сферах бытия. «Духовное Я», как источник целостности субъекта, способного к произвольному выбору, интегрирует и пропускает через себя все феномены сознания, весь субъективный опыт.

По мнению У. Джеймса, «духовное Я» реализует себя в потоке сознания, основной характеристикой которого, наряду с непрерывностью, является селективность, способность к выбору. Выбор же осуществляется посредством произвольного внимания, как активного инструмента сознания. Джеймс отмечает, что «мой опыт – это то, на что я склонен обратить внимание <...> без избирательного интереса, опыт представляет собой полный хаос» [206, с. 32].

Сознание у Джеймса описывается двояко. С одной стороны, это «кишащий» поток информации, «хаос опыта». С другой стороны, это то, что проявляет себя в селективности, как деятельности по отбору, в избирательном и направленном внимании.

Работа сознания по осуществлению отбора субъективно значимого материала среди незначимого трактуется У. Джеймсом через создание причины, имеющей характер значимости. Сознание, центрированное в духовном «Я» и опирающееся на разум, по логике Джеймса, определяет, какая мысль будет следовать за предыдущей, т. е. наделяет мысль, а соответственно и весь жизненный мир, смыслом. Разум, согласно У. Джеймсу, – это источник критериев личностного выбора, как проявление творческой активности духовного «Я» при взаимодействии человека с миром. Сам же акт создания причины (выбора) интерпретируется Джеймсом как проявление воли, принятие волевого решения. Свободу воли (свободу выбора) ограничивают только инстинкты и привычки. При этом, привычки – это выработанные, наученные «связки» между мыслями или состояниями сознания, а инстинкт – природно-обусловленные. Привычки отличаются от инстинктов тем, что их можно создавать, видоизменять, или сознательно искоренять [205, с. 228]. Согласно У. Джеймсу, личность формируется в процессе постоянного взаимодействия инстинктов, привычек и личного выбора [Там же, с. 223].

В своих работах У. Джеймса сформулировал проблематику личностного выбора как предмета психологического изучения, наметил и предвосхитил многие представления, разработанные в дальнейшем как в русле глубинной психологии, так и других психологических направлений, включая современные «постнеклассические» исследования.

Идея осуществления произвольного личностного выбора в условиях влияний со стороны бессознательных инстинктивных влечений и условных привычек нашла своё развитие в теории и практике психоанализа З. Фрейда. В классическом психоанализе категория личностного выбора рассматривается в

контексте взаимодействия природы, человека и общества, имеющих личностные репрезентации в структурах Ид, Эго и Суперэго.

Согласно З. Фрейду, вся мотивация поведения, а значит и причина для осуществления того или иного выбора, происходит из Ид, характеризуемого как исконный абсолютно иррациональный, примитивный и неорганизованный, неизменный источник и причина психической жизни человека, полностью скрытый в сфере бессознательного. По отношению к Ид неприменимо понятие времени – состояние напряжения и образ удовлетворения находятся в нем в безвременном единстве, что отражается в понятии о принципе удовольствия, требующем немедленного удовлетворения возникшей потребности. «В структуре Ид ничто не связано с понятием времени, не признаётся течение времени <...> Естественным, Ид не имеет представлений ни о ценностях, ни о добре и зле, ни о нравственности» [205, с. 74]. Основными продуктами Ид являются влечения и первичные образы мышления. Влечения представляют собой своеобразные энергетические мосты между состоянием напряжения и состоянием расслабления, т. е. содержат в себе момент необходимости следования энергии в определённом направлении от состояния потребности к состоянию удовлетворённости. Именно такие моменты необходимости сообщаются Эго в качестве начальных условий его функционирования и развития, которое можно понять, как непрерывный поиск и выбор адекватных принципу реальности способов удовлетворения желаний – сознательных аспектов влечений. Влечения, генерируемые Ид, инициируют только потребность в действии, но не определяют деталей действия или того, как оно завершится. Выбор человеком самого способа удовлетворения потребности зависит от совокупности его исходного биологического побуждения, психического «желания» и сонмы предшествующих мыслей, привычек и наличествующих взглядов [Там же, с. 34], которые являются достоянием Эго.

Таким образом, с позиции классического психоанализа человек оказывается в двоякой ситуации по отношению к выбору. С одной стороны, выбор полностью обусловлен биологическими потребностями, влечениями Оно, с другой стороны, обладает принципиальной инструментальной свободой в способе действий по

реализации выбора. Эго – это инструмент взаимодействия, прежде всего, с социальной действительностью, следовательно, выбор способа удовлетворения потребностей происходит в пространстве этических и нравственных норм и общественных ценностей, интернализованных в Суперэго, имеющего функцию совести.

Представление о механизме осуществления выбора в теории психоанализа раскрывается через понятие катексиса – способа, посредством которого имеющаяся в наличии психическая энергия привязывается или вкладывается в какого-то человека, идею или вещь [Там же, с. 34]. Психическая энергия изначально мобильна, и «эго» (т. е. сознательная личность) может направлять её и катексировать в любые объекты и явления, в процессе удовлетворения потребности.

Поскольку Эго является более чем все другие структуры психики достоянием сознательной сферы, выбор объектов катексиса осуществляется, прежде всего, сознательно. По утверждению З. Фрейда, человек страдает неврозом, если его Эго теряет способность каким-то образом распределять своё либидо, что сопровождается включением в регуляцию психического состояния системы психологической защиты, закрывающей Эго от ответственности за совершаемый выбор. Механизмы психологической защиты, по мнению З. Фрейда, вступают в действие в ситуации конфликта и направлены на снижение чувства тревоги, связанного с конфликтом [204].

Таким образом, осуществление человеком выбора способа удовлетворения потребностей может осуществляться двумя путями: сознательным поведением и бессознательной регуляцией механизмами психологической защиты, когда Эго «отстраняется» от полномочий по принятию решения, и катексис реализуется силами Ид.

По мнению А. Фрейд, предложившей первую развернутую концепцию психологической защиты [203], каждый человек предохраняет себя от тревог с помощью набора приемов, обусловленных нашей генетической предрасположенностью, внешними трудностями и микроклиматом в нашей семье

и социуме. Любой из защитных механизмов может иметь место и обнаруживать себя у здоровых людей, но само их присутствие является индикатором возможного невроза [205, с. 61].

Подобную позицию о роли психологической защиты в регуляции личностного выбора занимала К. Хорни. Она ввела в оборот представление о выборе решения проблемы с «базовой тревогой», возникающей в результате восприятия ребёнком угрозы для проявления своего «реального я» со стороны ближайшего социального окружения, в пользу какого-либо варианта защитной стратегии. Она описала набор устойчивых паттернов защитных стратегий, подразделив их на 2 больших класса: межличностные стратегии [212] и интрапсихические защитные стратегии [213]. Психотерапевтическую работу К. Хорни строила, кроме прочего, на процедуре осознания пациентом своих защитных стратегий и их деструктивного воздействия на жизнь пациента [205, с. 146]. К. Хорни допускала возможность сознательного выбора между защитными стратегиями, либо отказа от них, и в целом отмечала обратную взаимосвязь способности делать произвольный выбор и действие защитных стратегий.

Таким образом, в классическом понимании роли феномена психологической защиты в регуляции способности человека совершать выбор акцент делается, прежде всего, на функции редукции тревоги и, через это, предотвращение дезорганизации поведения и психики, что, по мнению В. И. Журбина, принимается большинством теоретиков данной концепции (Ф. Б. Бассин, В. Е. Рожнов, В. А. Ташлыков, В. М. Воловик, В. Д. Вид, В. С. Ротенберг, Р. А. Зачепинский и др.) [45].

Вместе с тем, начальной целью психологической защиты является доведение либидозной энергии, в полном соответствии с принципом удовольствия, до комплиментарной (конгруэнтной) её источнику (т. е. потребности) конечной точки. Из этого следует, что человек, как сознательная личность, с психоаналитических позиций, свободен в выборе только того, как максимально полноценно удовлетворять запросы своей природы,

формируемые Ид. Как только человек входит в состояние «неконгруентности» желаний Эго и влечений Ид, включаются механизмы невротизации и он теряет свободу. Феномены же искажения «эго» являются лишь побочным эффектом бессознательной адаптационной активности и поэтому наблюдаются в большом разнообразии вариантов проявлений и форм (А. Л. Козлова, А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия, Ф. В. Бассин, Ф. Перлз, А. А. Налчаджян, В. А. Ташлыков и др. [15]). Таким образом, прослеживается прямая зависимость между согласованностью работы Эго и Ид и способностью человека осуществлять выбор.

Фрейдистские представления о базовых инстинктах эросе и танатосе развила в своих работах М. Кляйн. По её мнению, агрессия и любовь являются фундаментальными силами, организующими психику. Агрессия расщепляет психику, тогда как любовь её цементирует [205, с. 67]. Любовь, по мнению М. Кляйн, следует рассматривать не просто как реализацию эротических желаний, но как интегрирующее начало в сознании, проявляющееся, в том числе как настоящая доброта и подлинная забота о другом человеке. Агрессия же разделяет в сознании явления мира на части и является средством развития человека, поскольку, «расщепляя» мир, позволяет отвергнуть ненавидимое и сохранить желаемое. Это придаёт миру ценностное и этическое измерения, на основе которых человек осуществляет выбор [242]. На наш взгляд отчетливо прослеживается соответствие представлений об «эросе» и «танатосе», любви и агрессии – ключевым категориям современной научной методологии – понятиям о силах самоорганизации и хаосе.

Представление о значимости осознания целостности для способности человека к совершению осознанного выбора занимает одно из ведущих мест в психологических концепциях К. Г. Юнга, описавшего единство противоположностей среди структурных архетипов личности: эго – тени, персоны – анимы (анимус) и интеграции их в целое в архетипе самости [225].

К. Г. Юнг постулировал безграничность сознания, расширив феноменологическое пространство осуществления личностного выбора на

область содержания, скрытого в личном и коллективном бессознательном. Он постулировал присущее человеку врожденное стремление к завершенности, достижению целостности и формулировал, в этой связи, представление о процессе индивидуации. Центром сознания он полагал архетип Эго, однако источником психики и центром целостности человека называл Самость. Основой процесса индивидуации является постепенное раскрытие архетипа самости и отождествление самости и эго. Индивидуации – совершение активных произвольных выборов человеком в направлении раскрытия и принятия скрытых, темных и антагонистических сторон, и феноменов личности, скрытых в бессознательной сфере.

К. Г. Юнг полагал, что личностный выбор в направлении свободы и целостности (не взирая на врожденный характер тенденции) всегда трудозатратнее обратного, а процесс индивидуации, осуществляемый сознательно представлялся ему «личным подвигом». По мнению К. Г. Юнга, выбор, совершаемый в направлении индивидуации приводит к прогрессу личности и сознания, а о тех, кто сознательно движется по этому пути «можно говорить как об удачливых. Они получают от этого нечто, достаточно обеспечивающее их сознание» [240].

Развитие способности совершать выбор рассматривается Д. Уинникоттом в контексте социально-психологических особенностей взаимодействия ребёнка и матери. Он объясняет важность фрустрации, используя понятие «достаточно хорошей матери», говоря, что регулярные, но не чрезмерные перерывы в материнской заботе приводят к необходимости возврата ребёнка к собственным ресурсам, способствуют развитию способности самостоятельно удовлетворять свои потребности и формируют базовое ощущение бытия (экзистенции), как основу способности к осуществлению сознательного, изнутри обусловленного выбора. «После бытия – собственное действие...но сначала бытие» [263, р. 85].

В свою очередь, Х. Кохут говорил о «Я», как о стержне ощущения человеком смысла происходящего, базовом ощущении реальности и цели,

устремлений и идеалов, и лежащим в основе способности к ценностно-смысловому ориентированию при осуществлении личностного выбора [243].

В ряду психоаналитических течений, в значительной мере альтернативным направлением является школа А. Адлера. Среди всего многообразия концептов, предложенных А. Адлером, на понимание категории выбора оказали влияние такие, как концепция жизненных целей и стиля, чувства общности (социальный интерес), стремление к превосходству, представление об индивидуальной схеме апперцепции, а также понятие агрессивной творческой энергии личности [231; 232].

Согласно А. Адлеру, человек, попадая в социальную среду, испытывает чувства неполноценности по отношению к окружающим людям. Переживание органической, психологической и личностной беспомощности приводит к бессознательной постановке в раннем детстве уникальной для каждого человека «жизненной цели» превосходства, как компенсации своей незащищенности. Поставленная бессознательно, а впоследствии артикулируемая сознательно, жизненная цель является основной организующей и структурирующей личность силой. Агрессивное стремление к цели приводит к формированию сообразному цели жизненному стилю – главной содержательной характеристики личности как целого. Жизненный стиль динамичен и принципиально доступен для сознательной коррекции. Именно в этом, по мнению А. Адлера, заключена точка приложения агрессивной личностной воли, как проявления творческой энергии, способности совершать выбор. Творчество, по А. Адлеру, социально и проявляется, прежде всего, в способности выбирать (создавать) жизненные цели, а равно и способы их достижения. «Каждый человек приходит к конкретной цели преодоления трудностей с помощью творческой энергии, которая идентична его Я» [231, р. 180].

Формирование жизненного стиля осуществляется в границах, так называемой, схемы апперцепции – системы представлений и интерпретаций о себе и о мире. Адлер подчеркивал, что человек взаимодействует не с реальностью как таковой, а со своими представлениями об этой реальности, с перцептивной

моделью. Понятие схемы апперцепции позволяет представлять ситуацию выбора, как, прежде всего, внутреннюю, психологическую ситуацию.

Согласно А. Адлеру, человеку предоставлен широкий выбор различных вариантов жизненных целей. Однако все направления выбора можно подразделить на две противоположности: в сторону конструктивного полезного взаимодействия с обществом на основе социального интереса и общественных чувств, либо в сторону невротизации, отчуждения и общественной изоляции на основе стремления к личному превосходству [232]. По А. Адлеру реализация выбора ради людей задаёт «какую-либо ценность» человека и утверждал, что от степени развития социального интереса напрямую зависит психологическое здоровье. Чувство собственной ценности по отношению к другим людям является изначальным мотивом жизнедеятельности, в этом чувстве суть стремления к превосходству, названному в итоге самим Адлером стремлением к совершенству [231, р. 104].

Таким образом, чувство собственной ценности является психологическим основанием возможности осуществления личностного выбора, реализуя который, человек приближается к восприятию себя как неотъемлемой и ценимой части более широкого социального целого.

В целом, работы А. Адлера являются важным концептуальным мостом между психоанализом, когнитивной и гуманистической психологией, также они, значительно пересекаются с отечественными теориями деятельности, психологических отношений, общей теорией установки и представлениями о личностных диспозициях. В связи с вышесказанным, работы А. Адлера вносят значительный вклад в понимание феноменологии и онтологии личностного выбора.

Далее мы обратимся к представлениям о выборе в контексте гештальтпсихологии и гештальт-терапии, в рамках которых понятие выбора можно определить через взаимодействие целого и части.

Слово гештальт, в переводе с немецкого, означает «форма», «структура», «целостная конфигурация», т. е. организованное целое, свойства которого не

могут быть получены из свойств его частей. Холистические свойства явления, по мнению представителей гештальт-психологии, определяют качественные особенности входящих в него элементов. Представители школы М. Вертхеймер, В. Келлер и К. Коффка, провели множество экспериментов в области восприятия и памяти, в результате которых были сформулированы многие закономерности их функционирования, например, перспективная реструктуризация, фи-феномен, мыслительный инсайт и др. [35].

Разработки гештальтпсихологии позволили сменить ракурс рассмотрения феноменологии личности со структурно-элементного на холистический. Из концепции гештальта вытекает ряд важных следствий, применимых не только к зрительным образам, но и принципам организации жизненного опыта, личностного временного пространства, к пониманию осуществления человеком выбора на основе холистического восприятия.

Среди таких положений можно выделить следующие: процесс восприятия определяет степень упорядоченности всего хаотического многообразия сенсорной информации; на содержание восприятия влияет как прошлый опыт, так и предвосхищающие мысли и ожидания; выделение одних элементов поля восприятия в фигуры, а другие в фон определяется актуальной субъективной значимостью одного по сравнению с другим; выделение фигуры из фона может иметь как произвольный, так и непроизвольный характер; формируемый в восприятии образ всегда стремится к завершенности, цельности и обладает определенной устойчивостью; смысл образа всегда определяется отношением к целому и не следуют напрямую из суммы значений отдельных составляющих его частей [34].

Как показали исследования В. Ламме, в силу устойчивости уже сформированного образа активное превращение его в фон и выделение другого в качестве фигуры, как реализация сознательного выбора, непременно сопровождается некоторым активным энергозатратным усилием [244]. А стремление к проявлению цельного образа из набора несвязанных, неузнанных элементов можно назвать организующим перцептивную деятельность гештальт-

мотивом. Именно о таком стремлении Ф. Перлс писал, что, когда он смотрел на гобелен, почти полностью вытканый, однако неспособный дать общую картину, общий гештальт, то эта ручная работа вызывала у него настоящее отчаяние [253].

Таким образом, с точки зрения гештальтпсихологии, выбор является актом, связующим целостность с актуальной конкретикой восприятия при взаимодействии с действительностью. При осуществлении выбора субъект доопределяет содержания актуального восприятия, воздействуя тем самым на содержательную и телеологическую структуру всего личностного опыта.

Под влиянием идей гештальтпсихологии с одной стороны и психоанализа с другой немецкие психологи Фридерик и Лаура Перлс к середине XX века создали оригинальную методику психотерапии неврозов, названную гештальт-терапией [129; 247]. Личностный выбор они понимали как непрерывный процесс отделения и осмысления некоторой «фигуры» из общего перцептивного фона в зависимости от своего актуального психического и соматического состояния. Т. е. выбор здесь непосредственно связан с процессами осознания и осмысления. Выбранный элемент является отражением текущей потребности или задачи, а осуществление выбора сопровождается личностным чувственно-когнитивным переживанием. В случае, когда нормальный цикл реакции (от возбуждения к расслаблению через совершаемое действие) в какой-то момент тормозится и действие остается несовершенным, контакт с состоянием потребности и сопровождающими его эмоциями не завершается и продолжает, зачастую бессознательно, влиять на дальнейшее поведение человека. Незавершенный гештальт «требует» завершения.

Категория личностного выбора хотя и не была напрямую раскрыта Ф. и Л. Перлс, однако они описали невротические механизмы, ограничивающие способность совершать выбор. Этими механизмами человек бессознательно стремится нейтрализовать тревогу, возникающую вследствие нарушения контакта с миром, но при этом теряет осознание границ своего «Я», теряет способность осознавать собственные интенции, что превращает целенаправленное поведение в хаос и блокирует восприятие ответственности за происходящее [129]. В целом,

гештальт-терапевты рассматривают способность к осуществлению выбора в прикладном аспекте как атрибут психологического здоровья.

Категория личностного выбора занимает особое положение в теории эпигенетического развития Э. Эриксона [224; 238], как один из ключевых факторов эволюции личности на протяжении всего жизненного цикла. В своей теории Э. Эриксон качественно обобщил большую часть идей, разработанных в контексте глубинной психологии.

Он предложил рассматривать процесс жизни подразделённым на восемь последовательных стадий, на каждой из которых человек учится пребывать в специфических для каждой стадии полярных по смыслу состояниях, и сталкивается с определёнными жизненными «задачами на развитие», характеризующимися как «моменты выбора между прогрессом и регрессом, интеграцией и отставанием» [цит. по: 205, с. 172].

Задача на развитие – это своеобразная цель, ориентация на достижение которой особым образом организует личность в целом и создает условия формирования необходимых для её достижения личностных способностей, навыков и отношений, которые сформировавшись на одной стадии, становятся фундаментом для достижения целей последующих стадий. В период окончания каждой стадии развития человек переживает, согласно Э. Эриксону, кризис развития, во время которого перед человеком наиболее остро встает проблема выбора одного из специфических для этого этапа направлений [224].

Э. Эриксон рассматривал способность человека совершать выбор, по крайней мере, в двух ракурсах. Во-первых, выбор, как постоянный процесс балансирования между двумя полярными состояниями, доминирующими на каждой стадии развития и определёнными её целью (например, выбор между состояниями генеративности и стагнации в период зрелости). В ходе такого балансирования оттачивается сама способность выбирать. Э. Эриксон отмечал важность приобретения опыта проживания и осмысления обоих полюсов антагонистичных состояний и нахождения динамического баланса между ними для успешного завершения стадии. С другого ракурса, выбор интересовал

Э. Эриксона как менее продолжительный, а иногда и одномоментный, скачок в развитии в период кризиса. Он представлялся направленным либо на сохранение и закрепление достигнутой цели стадии – специфической силы или потенции (это может быть воля на второй стадии или верность на пятой), либо к отказу от неё и закрепление некоторого альтернативного качества личности.

Развитая способность совершать сознательный выбор, в рамках концепции Э. Эриксона, является основным критерием зрелости Эго – «избирательного, интегрирующего, последовательного и упорного, играющего главную роль в функционировании личности» [цит. по: 205, с. 180]. В норме, зрелость достигается ко времени окончания периода отрочества, вместе с формированием способности к верности и развитием когнитивно-эмоционального переживания четкой личностной идентичности. Здесь речь об осознании человеком своей индивидуальности, внутренней тождественности и осмысленной целостности различных образов себя, принятия идеалов и ценностей некоторой части общества, а также осознания меры собственной социальной значимости. До наступления периода сформированной идентичности участие Эго в процессе осуществления выбора значительно ограничено влиянием биологических тенденций и спецификой социальных отношений.

Например, цель развития на стадии младенчества – формирование способности к надежде, как «прочной веры в исполнение страстных желаний, вопреки темным порывам и ярости, которыми отмечено начало существования» [238, р. 128]. Способность надеяться – есть результат рудиментарного бессознательного выбора, осуществляемого на основании достижения баланса между базовым доверием и базовым недоверием к окружающему миру и себе, баланса между базовым ощущением безопасности и тревоги, являющихся основным психологическим содержанием начальной стадии развития. На каждой последующей стадии, роль «Я» в совершении выбора нарастает, и можно констатировать его определяющую роль в период зрелости, когда основной целью развития является формирование способности к заботе о результатах своего труда в процессе балансирования между состоянием генеративности (продуктивности) и

стагнации. Таким образом, Э. Эриксон рассматривает личностный выбор как циклический процесс регуляции человеком своего жизненного пути.

Человеческая способность совершать выбор рассматривается как онтологическая необходимость в рамках гуманистического психоанализа Э. Фроммом в связи с представлением о специфичных для человека «экзистенциальных» потребностях [207; 208; 210]. Эти потребности определены уникальным положением человека в природе, с которой в процессе эволюции он потерял доисторическое единство, но, вместе с тем, стал способен к опосредствованному мышлением восприятию мира. Развитие человека здесь понимается как непрерывный процесс выбора между продуктивными (приводящими к здоровому развитию личности) и непродуктивными (влекущими состояния личностной дисфункции и болезни) способами удовлетворения экзистенциальных потребностей.

Э. Фромм описывает три основных варианта для осуществления человеком выбора того, каким образом вступать во взаимодействие с миром: подчинение, власть (непродуктивные ориентации) и любовь (продуктивная ориентация). Выбор взаимодействия с миром на основе любви становится возможным только при продуктивном способе удовлетворения экзистенциальной потребности в самоотождествлении, в осознании и восприятии себя отдельной сущностью.

Как и Э. Эриксон, Э. Фромм полагает необходимым аспектом самоидентичности разделение человеком ценностей и идеалов некоторого более или менее широкого социального круга. Однако, Э. Фромм уделяет особое внимание ещё социальному опыту всего человечества, выделяя значимость экзистенциальных стремлений, соответствующих потребностям в «укорененности» и в «системе ценностей» [208; 210].

Потребность в «укорененности» раскрывается в стремлении обрести чувство «дома», потерянное в результате отдаления от природы, и реализуется социальным и биологическим способами. Чувство социальной укоренённости появляется в результате личностного выбора в направлении познания и принятия своих культурных истоков: традиций и ценностей семьи, народа, человечества.

Чувство биологической укоренённости реализуется через интернализацию материнской любви.

Другая экзистенциальная потребность «в системе ценностей» является базой для ценностно-смысловой ориентации человека в пространстве личностного выбора. Именно от системы ценностных ориентаций, по Э. Фромму, зависит и способность к произвольному действию, и осознание себя как личности [208].

И, наконец, автор указал на то, что стремление совершать человеком выбор и реализовывать его в действии определено самим фактом существования, и что выражено в потребности «преодоления себя – желании подняться над пассивным и случайным существованием в «царство целеустремлённости и свободы» [Там же, с. 29].

Таким образом, категория личностного выбора во всех представленных взглядах рассматривается как момент активности человека и источник позитивной динамики личности. В психоаналитических теориях представлен широкий спектр аспектов проблемы личностного выбора – эмоциональных, ценностно-смысловых, личностных, мотивационно-потребностных, деятельностных, а также в контекстах соотношения как объективных и субъективных, так интернальных и экстернальных детерминаций.

Специфика психоаналитического представления о категории выбора связана с тем, что жизнь человека рассматривается в контексте ситуации его борьбы за реализацию перманентно фрустрированных бессознательных врожденных потенций. Человек с ранних пор вынужден противопоставлять себя миру, научаясь при этом совершать выбор в направлении преодоления самого себя и ограничений среды, развивая, таким образом, сильное эго, способное к активной творческой деятельности. Множеству врожденных и приобретенных факторов обусловленности (влечения, привычки, социальные ограничения и пр.) человек может противопоставить только свою творческую индивидуальность, постоянно совершая личностный выбор между полюсами противопоставленных болезни и здоровья, смерти и жизни и пр.

Вместе с тем, все рассмотренные теории были созданы в процессе психотерапевтической работы. В связи с этим, психические свойства, процессы и состояния, рассматривались исключительно через призму и в контексте их нарушений. Это позволяет представить перечень качеств и состояний, блокирующих способность к совершению самостоятельного (интернального) выбора, и, напротив, качеств, способствующих развитию этой способности и характерных для психологически здорового человека.

Среди критериев здоровья личности (состояний, в направлении которых совершается здоровый личностный выбор), психоаналитики выделяют следующие. Целеориентированное поведение и мышление (А. Адлер, У. Джеймс), смысловая сонаправленность желания и влечения (З. Фрейд, А. Адлер, К. Хорни), стремление к совершенству и социальный интерес (А. Адлер), осознанность альтернатив выбора, как залог его ценности (М. Кляйн, К. Г. Юнг), бесконфликтная многогранность самовосприятия, гибкая разноплановая централизованная идентичность (К. Г. Юнг, Э. Эриксон, Э. Фромм), самопринятие и самоуважение (К. Хорни), чувство включенности в социум в качестве значимого элемента (Х. Кохут, А. Адлер), ощущение собственного существования (Д. Уинникотт, Ф. Перлс, Э. Фромм), способность противостоять привычке и инстинктам, как сила воли (У. Джеймс, А. Адлер), ориентация на сотрудничество (А. Адлер), осознание общественного значения своего жизненного стиля (А. Адлер), понимание смысла актуальной ситуации (Ф. Перлс, Х. Кохут), осознанность границ своей личности (Ф. Перлс), поэтапное развитие способностей к переживанию надежды, воли, намерения, компетентности, верности, любви, заботы и мудрости (Э. Эриксон), осознанность единства противоположностей (Э. Эриксон, К. Г. Юнг, М. Кляйн, Д. Уинникотт), сбалансированность прогрессивных и регрессивных состояний (Э. Эриксон), развитое ценностно-смысловое отношение к миру (Э. Эриксон, Э. Фромм, А. Адлер, Х. Кохут). Перечисленные концепты являются направлениями и потенциальными результатами совершения интернального личностного выбора,

приводящего, по мнению психоаналитиков, к гармоничному развитию человека и раскрытию индивидуальности.

С другой стороны, авторами психоаналитических теорий изучаются альтернативные состояния, ориентация личности на которые влечет за собой стагнацию, регресс и психические заболевания. Среди них, интрапсихические и межличностные защитные механизмы и стратегии (З. и А. Фрейд, К. Хорни, Ф. Перлс); непродуктивные стратегии удовлетворения экзистенциальных потребностей: разрушение целостности, фиксация, иррациональные ценности, нарциссизм, инцестуальный симбиоз, подчинение, власть и пр. (Э. Фромм); стремление к превосходству через личную выгоду (А. Адлер); принижения других в постоянном сравнении с «идеальным я», ненависть к себе и идеализация себя (К. Хорни); нарушение осознания границ своей личности (Ф. Перлс), а также другие состояния, прямо противоположные по смыслу здоровым тенденциям.

По нашему мнению, значительный вклад психоаналитического направления в исследование личностного выбора заключается в формировании самого проблемного поля личностного выбора и в указании на то, что личностный выбор – это феномен, существующий на стыке сознательной и бессознательной сфер психики, на стыке инстинктивной и сознательной обусловленности поведения человека, на стыке экстернальности и интернальности, на стыке психического здоровья, невротичности и инфантилизма.

Таким образом, можно дать обобщающего определение личностного выбора в психоаналитической традиции: как процесс и результат произвольной смыслообразующей активности непрерывного субъектного экзистенциального недифференцированного «Я», являющегося источником жизненной энергии, внимания и целостности личности, по созданию причины для смены логики протекания стереотипного поведения, обусловленной врожденными факторами, инстинктами, привычками и социальными ожиданиями, в направлении субъективно значимой цели посредством фокусирования на ней внимания и жизненной энергии, отвода энергии от целей-альтернатив.

Такой подход к пониманию личностного выбора схож с представлениями экзистенциальных и гуманистических психологов. Разница, однако, в том, что в психоанализе во главу угла ставятся бессознательные детерминанты жизни, а представители экзистенциальной традиции акцентируют фундаментальность способности человека совершать произвольный осмысленный «интернальный» выбор, возводят эту способность в ранг базовой психологической потребности и утверждают, что возможность свободного выбора существуют в ситуации любой, даже самой глубокой обусловленности.

Работая над проблематикой выбора, С. Кьеркегор в книге «Наслаждение и долг» анализировал важность самой ситуации выбора для человека, ситуации «или-или». По его мнению, выбор может осуществляться в трех культурных модусах: эстетический, этический и религиозный [59].

Эстетический выбор основывается на чувственных предпочтениях, этический осуществляется через принятие противоположности добра и зла, а религиозный выбор происходит в плоскости взаимодействия с высшим началом и потому доступен не каждому. С. Кьеркегор делал акцент на своевременности выбора, на его синхроничности с требующими того событиями. Откладывая сознательный выбор человек все равно, так или иначе, его совершает, но уже под действием «темных сил человеческой природы» [Там же, с. 236]. Осуществляя выбор, человек творит и выбирает себя, а «для того, чтобы решиться выбрать самого себя, нужно обладать мужеством» [Там же, с. 299]. В работе «Страх и трепет» С. Кьеркегор отмечал, что каждое решение, принимаемое человеком, может вести его в будущее или удерживать в прошлом, таким образом постулировал значимость временных аспектов жизненной организации и принципиальную свободу выбора соответствующего направления [83].

Согласно Ж.-П. Сартру, человек существует в пространстве времени, устремлен в будущее и «сознает, что проецирует себя в будущее» [155, с. 323]. Выбор – это творение человеком себя, субъективно переживается, как преодоление внешних препятствий через обретение «смысла в выборе» [154, с. 498]. Признавая за тем или иным выбором ценность, человек выбирает не

только себя, но и человека вообще. При этом, опыт осуществления выборов формирует так называемый «фундаментальный проект», общую направленность целей в жизни. Человек представляет собой «совокупность своих поступков» [Там же, с. 333], и не имеет ни оправданий, ни внешних опор. По Ж.-П. Сартру, свобода человека – это приговор. Свобода, на которую человек «осужден» выражена именно в возможности выбирать [Там же, с. 327]. Человек не властен избежать выбора: «невозможно не выбирать <...> даже в том случае, если ничего не выбираю, тем самым я все-таки выбираю» [Там же, с. 338]. Общая идея Ж.-П. Сартра состоит в утверждении свободы человека и в принципиальной отсутствии для него внешней детерминации, из чего следует, что интернальность – естественное сущностное качество человека.

И. Ялом, характеризуя психологию личностного выбора, указывал на связанные с ними феномены отречения (от отвергнутых альтернатив), тревоги (как результат принятия личной ответственности за последствия выбора) и вины (за неосуществленные возможности) [226; 227]. Такой подход достаточно близок представлению Ф. Е. Василюка о «необходимости жертвы» при отвержении значимых альтернатив, жертвы, которую нужно научиться принимать [25]. Ответственное принятие такой жертвы предполагает принятие состояния «экзистенциальной вины» перед отвергнутыми альтернативами, которое, вместе с тем, порождает в жизненном мире человека специфические ценности и позволяет их реализовать в других жизненных контекстах. Таким образом, по И. Ялому, личностный выбор принципиально сопряжён с экзистенциальной виной как следствием отречения от альтернативных возможностей, и тревогой как сигнификатором личной ответственности. Эти процессы являются ресурсом для преобразования жизненного мира, формирования новых ценностных измерений.

На основе парадигмальных идей экзистенциальной философии, возникла гуманистическая традиция в психологии, где представления о личностном выборе нашли свое продолжение и развитие. Так, категория выбора раскрывается в подходе А. Маслоу в контексте понятий «дефицитарной» и «бытийной» мотивации, и соответствующих им потребностей и ценностей [110].

Дефицитарная мотивация – развитие психоаналитического понимания редукции тревоги, направлена в субъективное прошлое и имеет целью устранение дефицита удовлетворенности базовых потребностей. Согласно А. Маслоу, человек воспринимает неудовлетворенность потребностей одного, базового уровня как препятствие к возможности удовлетворения потребностей более высокого, метауровня. Экстремальная неудовлетворенность базовых потребностей способствует развитию болезни и дезинтеграции личности. Постоянное преобладание дефицитарной мотивации может свидетельствовать о наличии так называемой метапатологии, как результата фрустрации метапотребностей.

Под метамотивацией А. Маслоу подразумевал особую, присущую природе человека, потребность в максимальном раскрытии и использовании своих способностей и возможностей в процессе самоактуализации, подобно экзистенциальной потребности в самопреодолении Э. Фромма и стремлению к превосходству А. Адлера [208; 232]. Основная специфика метамотивации – телеологичность и ориентации на мир людей и внешних объектов, в противовес эгоцентрированности и направленности в прошлое дефицитарной мотивации.

А. Маслоу полагал единственным препятствием к реализации метапотребностей страх перед неопределенностью. Страх отказаться от уже существующего, привычного и освоенного в пользу сопряженного с риском создания нового и неизвестного, качество и суть которого полностью зависит от личных способностей и силы к осуществлению выбора. Т.е. речь идёт об ответственности за совершаемый выбор и продуктивном отношении к неопределенности. Ценой отказа от совершения выбора под воздействием тревоги является переживание недоверия, ненависти, антипатии, отвращения, дезинтеграции, утраты чувства собственного «Я», безнадежности, нежелания чего-либо добиваться, тотального эгоизма, мрачности, депрессии, перекладывания ответственности на других, бессмысленности, отчаяния, утраты смысла жизни и других дисфункциональных состояний, названных А. Маслоу метапатологиями [110]. Следовательно, от совершения личностного выбора является причиной психологических нарушений, а сдерживающая развитие

окружающая среда и травматический опыт воспринимаются, наряду с неопределенностью, как условия осуществления выбора.

Категория личностного выбора особо акцентируется в концепции центрированности на личности К. Роджерса [149]. Она раскрывается как механизм реализации тенденции к самоактуализации и проявление силы личности. Сила личности определяется К. Роджерсом через «локус силы принятия решений: тот, кто принимает решения, сознательно или бессознательно регулирует мысли, чувства или поведение других людей и самого себя» [цит. по: 205, с. 325]. Т. е. сила личности в интернальности, как мере способности совершать выбор. Понятие тенденции к самоактуализации – это ядро подхода К. Роджерса. Оно определяется как преобладающая мотивирующая развитие человека сила, естественное и врожденное стремление к тому, чтобы обрести целостность и максимально полно реализовать себя. При этом, тенденция к самоактуализации не есть подавляющая сила, а, по замечанию А. Маслоу, скорее является «тихим, едва различимым внутренним голосом» [205].

Способность человека совершать интернальный выбор тем больше проявляется, чем ближе «Я» человека к локусу силы принятия решений, что, в свою очередь напрямую зависит от свойства, названного К. Роджерсом, конгруэнтностью – соответствием между опытом, коммуникацией и осознанием. Высокая конгруэнтность подразумевает следующее: то, что человек сообщает другому (коммуникация), то, что происходит (опыт) и то, что человек замечает (осознание) более-менее адекватны друг другу [Там же, с. 326]. Основным следствием высокой конгруэнтности является способность осознавать себя в контексте конкретной ситуации: распознавать свои чувства, максимально точно выражать их в общении и адекватно понимать и принимать ответную реакцию – все эти признаки в высокой степени соответствуют состоянию субъектности и представляют собой единую чувственно-смысловую основу осуществления интернального выбора, нарушение функционирования которой приводит к состоянию неконгруэнтности, замешательства, напряжения и тревоги.

Ситуативное поведенческое соответствие опыта, коммуникации и осознания конституируется в устойчивое качество конгруентности «Я-концепций»: «Я-реального», «Я-идеального» и «Я-социального» [149]. Нарушение соответствия между «Я»-образами формирует более-менее устойчивую ложную «Я»-концепцию, искажающую осознание собственных переживаний, и существенно ограничивает возможности по осуществлению выбора под влиянием доминирования экстернатальных детерминаций.

К. Роджерс акцентирует важность осознания самого факта несоответствия и активности в направлении снятия противоречий как ключевого ресурса развития личности. Полноценно функционирующая личность характеризуется адекватным осознанием реального «Я», открытостью переживаниям настоящего времени, верой в свои внутренние побуждения, и уверенностью в собственной способности осуществлять выбор в направлении преобразования реального «Я» в идеальное «Я», образ которого определён тенденцией к самоактуализации [Там же]. Таким образом, категория выбора в подходе К. Роджерса представляется как личностный акт процесса самоактуализации.

Интернатальный выбор, как неизбежный и единственно данный способ конструктивной трансформации отношений человека с самим собой, окружающим миром природы, вещей и миром других людей, вероятно, наиболее четко определяется в категориальной системе экзистенциально-психологического представления о человеке Р. Мэя [116; 117; 250; 251].

В жизни, по убеждению Р. Мэя, человек непрерывно сталкивается с необходимостью выбора между признанием реальности своего существования в мире и отрицанием этого факта. Причем, независимо от того, что выбирает человек, сознательно или нет, имеет место необходимость переживать неизбежные последствия своих действий, т. е. нести личную ответственность. Согласно Р. Мэю, ответственность столь же неотделима от выбора, как неотделима жизнь от смерти, свобода от судьбы и тревоги, любовь от воли и заботы, будущее от прошлого, причина от следствия, а отрицание своего существования от бесцельности, апатии и саморазрушения.

Р. Мэй продолжает воззрение, транслируемое Ж.-П. Сартром, что у человека нет никакой возможности избежать необходимости совершения выбора, т.к. само стремление его избежать тоже является выбором. По мнению Р. Мэя, такой выбор имеет свои последствия в форме сужения сознания, снижении интенциональности и осмысленности жизни. Понятие интенциональности было введено в научный оборот теоретиком феноменологии Э. Груссерлем и определялось как смыслоформирующая направленность сознания на конкретный предмет [цит. по: 95, с. 14]. Р. Мэй предложил психологическую трактовку этого термина, употребляя его для характеристики структуры, на основе которой осуществляется личностный выбор. В этой структуре человек осмысляет свой прошлый опыт и представляет себе будущее. Интенциональность лежит ниже уровня непосредственного осознания и включает в себя спонтанные, телесные элементы и другие характеристики, называемые обычно «бессознательными» [116, с. 234]. Таким образом, интенциональность перманентно поддерживает саму способность к совершению личностного выбора и является одним из сущностных признаков интернальности.

Осуществление сознательного выбора рассматривается Р. Мэем как реализация свободы, категориально неотделимой от понятия судьбы. Так, свобода человека проявляется через осуществление сознательного выбора в двух неальтернативных способах отношения к судьбе. Судьба, в работах Р. Мэя, представляется как характеристика настоящего момента, как объективная «данность» внутреннего и внешнего мира. Так судьба в том, что смерть возможна в любой момент, что мы рождены мужчиной или женщиной, что, опираясь на впечатления раннего детства, мы склонны вести себя определённым образом, что мы состоим в таких-то отношениях с определённым количеством людей, что живем в том или ином конкретном месте и т. п.

Первичный способ реализации свободы, её манифестация заключена в «способности личности знать о своей предопределённости» [205, с. 602; 251]. Т. е. свобода рождается из признания неизбежности судьбы. Вторым способом проявления свободы является возможность человека выбирать, каким образом

отвечать своей судьбе, какие реализовывать цели, используя именно то, что дано сейчас. Так человек, осуществляя личностный выбор, направляет свою судьбу.

Таким образом, категория выбора в экзистенциальной психологии Р. Мэя определяется как неизбежная необходимость сознательной интенциональной трансформации человеком реалий, данности мира объектов, межличностных отношений и мира «Я» на основе осознания факта своего «бытия-в-мире» в виде принятия на себя ответственности за качество своего существования, а также сам акт такой трансформации.

Вполне конкретную позицию в отношении выбора занимает другой классик экзистенциальной психологии В. Франкл. Он пишет: «Человек как личность – не фактическое, а факультативное существо; он существует как своя собственная возможность, в пользу которой или против которой он может принять решение. Человеческое бытие в своей глубинной основе есть бытие ответственное. Это означает нечто большее, чем просто свободное бытие: в ответственности содержится еще и «зачем» человеческой свободы – то, ради чего человек свободен, за что или против чего он принимает решение» [200]. Таким образом, В. Франкл определяет личностный выбор как смысловой акт, рассматривая смысл как принципиальный ориентир выбора и как основу ответственности. Ответственность – это то, что наполняет смысл предметным содержанием. В. Франкл утверждает, что зрелая личность всегда ориентирована на смысл и ценность, в противовес обусловленности влечениями и стремлением к наслаждению в психоанализе.

Представляя личность как единство физиологического, душевного и духовного начал, В. Франкл выделяет два важных фактора возможности осуществления личностного выбора – качества человеческого духа, проявленные в способности личности к самодистанцированию и самотрансценденции. Под самодистанцированием В. Франкл понимал «способность к созданию некоторой дистанции по отношению к себе и своим, порой парализующим чувствам, благодаря чему становится реальным некоторое обращение с самим собой» [цит. по: 107]. «Существовать, экзистировать – значит выходить за свои пределы

и вступать в отношение к самому себе» [200]. Способность к самотрансценденции означает способность «выходить, прорываться к другому и другим» [107], т. е. за пределы своей личности в сферу социального и духовного, обретая тем самым смысл существования. Эти способности реализуются благодаря «упрямству духа» при осуществлении выбора [200]. В. Франкл утверждает, что духовность является вершиной личности, а значит потребности духа в обретении смысла всегда «сильнее» потребностей тела, поскольку именно они делают человека человеком. При этом, В. Франкл отдельно оговаривает стадийность становления смысловой детерминации, «фрейдовский принцип удовольствия – это ведущее мотивирующее начало для маленького ребёнка, адлеровский принцип власти – для юноши, а воля к смыслу – ведущая мотивация зрелого человека» [цит. по: 227, с. 497]. Это положение согласуется с мнением Э. Эриксона о постепенном развитии способности человека совершать выбор в ходе психологического онтогенеза, а также увеличении значимости реализации этой способности со временем [224].

Таким образом, категория личностного выбора в экзистенциальном подходе В. Франкла представляется как обусловленный духовными способностями к самодистанцированию и самотрансценденции, основанный на переживании смысла и принятии ответственности поведенческий акт по преобразованию себя в направлении стремления к имеющей осмысленную ценность цели.

Л. Бинсвангер уделял особое внимание пониманию временных аспектов организации субъективного опыта, называемого им индивидуальной «смысловой матрицей» для анализа способов транциндирования «Я» в мир и конституирования мира, т. е. смысловой структуры личностного выбора. Он писал: «Особую значимость этой проблеме (временных характеристик существования) придает тот факт, что трансцендирование уходит своими корнями в саму природу времени, в его раскрытие в будущее, в то, что уже было, и настоящее...мы не можем удовлетвориться своим исследованием, пока не достигнем хоть какого-то понимания разных вариантов структуры времени нашего пациента...» [14, с. 12].

Для экзистенциальной традиции весьма характерно оперировать предельными категориями, такими как судьба, смысл жизни, духовность, самотрансценденция и т. п. В связи с этим, в литературе встречается самостоятельное понятие «экзистенциальный выбор», ситуацию и характеристики которого описывает, например, М. П. Папуш [128]. Как отмечает Е. Ю. Мандрикова, «по М. П. Папушу, ситуация экзистенциального выбора характеризуется пересечением нескольких разнонаправленных действительностей, в каждой из которых человек имеет соразмерный с ней способ поведения, в пользу одной из них нужно сделать выбор. Для того, чтобы оказаться в ситуации выбора и быть способным его совершить, человек должен удерживать пересечение этих действительностей» [96, с. 40–41]. Созвучное понимание находим в работе Ф. Е. Василюка [25], где присутствует тезис, что нужно удерживать сложность внутреннего мира для приближения к выбору «чистой культуры».

Также Е. Ю. Мандрикова, излагая взгляды М. П. Папуша, говорит, что «необходимыми условиями осуществления экзистенциального выбора являются самостоятельность (опора на себя и свои внутренние потребности и оценки), спонтанность (своеобразный фокус внимания и интереса), целостность (единство психической деятельности и личностная целостность), очевидность (представленность в поле сознания), удовлетворенность личности своим выбором (аутентичность выбора и принятие ответственности)» [96, с. 41]. Данные условия, по нашему мнению, в своеобразном ключе представляют основные признаки личностной интернальности: интенциональность, субъектность и ответственность в ситуации осуществления выбора. Поддержание данных условий в ситуации выбора, несмотря на его «психологическую цену» – личностную реакцию на отвержение альтернатив выбора может свидетельствовать об общей интернальности. Особо отметим положения М. П. Папуша и Ф. Е. Василюка относительно сохранения личностной целостности, как удержания различных плоскостей (реальностей, действительностей, жизненных миров) для совершения истинного самостоятельного выбора.

В целом, для представителей экзистенциально-психологического направления в отношении проблематики выбора характерно стремление к поиску и определению различных психологических признаков, характеристик человека и личности, позволяющих осуществлять подлинно личностный выбор с сохранением чувства себя, субъектности, определенного интенционального состояния ума, реализуя тем самым свою уникальную внутреннюю сущность: индивидуальный потенциал и многогранную общечеловеческую природу.

Ярким примером исследования личности в экзистенциальном русле являются работы С. Мадди, согласно которому, среди естественно присущих человеку потребностей (биологических и социальных) следует различать специфичные именно для человека – психологические: в символизации, воображении и суждении, они позволяют человеку совершать выбор, обусловленный не только биологическими или социальными требованиями [246; 247; 248; 249]. Он акцентировал, что личностная структура не существует вне процесса развития, причем потенциал развития, направленность в будущее – естественная сила. Вместе с тем, реализация этой силы происходит через механизмы выбора.

По С. Мадди, пространство жизни структурировано во временных модусах – прошлое и будущее, между которыми человек и вынужден осуществлять выбор. Выбирая прошлое, человек не истолковывает актуальный опыт как новый, что избавляет от необходимости прикладывать усилия, чтобы изменить своё поведение, способы действий. Однако, такой выбор приносит чувство вины, ввиду нереализованных возможностей. Второй вид, «выбор в пользу будущего», предполагает наличие причины воспринимать потенциальный опыт, как ценность, требующую новых способов действий, осознанности и изменения поведения. Однако переживание неопределенности будущего сопряжено с чувством тревоги. Таким образом, осуществляя выбор, человек устанавливает некоторый баланс между чувствами вины в отношении прошлого и тревоги в отношении будущего, отвечая на них актом выбора в настоящем.

В ходе работ С. Мадди и соавторов по проблематике совладания со стрессом и реализации творческого потенциала, ими вводится понятие жизнестойкости (hardiness), развивающее концепт «мужество быть», предложенный П. Тиллихом [257]. Жизнестойкость – личностная диспозиция, сформированная набором установок, позволяющих человеку противостоять стрессам и экзистенциальной тревоге, в отношении неопределенности будущего. Это установки на вовлечённость в происходящее, возможность контроля жизненных событий и готовность принятия риска в отношении негативного опыта или непредсказуемого, неопределенного результата действий, когда ценность опыта определяется его потенциальной конструктивностью и полезностью, а не возможной стрессогенностью или болезненностью.

Таким образом, жизнестойкость, по С. Мадди, является важнейшим фактором развития и реализации возможностей осуществления выбора, через удержание человеком связности с событиями собственной жизни и их наиболее позитивного проживания с опорой на внутренние средства и ресурсы поведения. Как видно из данного представления, понятие о жизнестойкости содержит в себе ключевые признаки интернальности: опора на себя, реализация в качестве выбора, связность с событийностью жизненного мира. Однако в качестве результата жизнестойкость имеет, прежде всего, эффект антистресса через конструктивное совладание, в то время как интернальность прежде всего ориентирует человека в направлении осознания своей способности осуществлять выбор как универсальной значимости, что уже как следствие может иметь результатом конструктивное совладание со стрессами.

По представлению Е. И. Рассказовой и Д. А. Леонтьева, жизнестойкость отражает «меру способности личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность и не снижая успешность деятельности» [97, с. 3]. В соответствующем методическом пособии авторы приводят обзор данных, полученных при апробации психометрического теста жизнестойкости, разработанного С. Мадди, согласно которым «жизнестойкость оказывается ключевой личностной переменной, опосредующей влияние

стрессогенных факторов (в том числе хронических) на соматическое и душевное здоровье, а также на успешность деятельности» [Там же]. Авторы указывают на подтверждение этих результатов на отечественной популяции, полученное в ходе адаптации оригинальной методики к русскоязычному применению.

В настоящее время концепция жизнестойкости получила весьма широкое распространение как в зарубежной, так и в отечественной психологии [74; 101; 120; 138; 189; 199]. Жизнестойкость достоверно является важнейшим личностным ресурсом готовности к осуществлению выбора [101, с. 409]. На наш взгляд, категория жизнестойкость глубоко эвристична и представляет особый интерес в контексте данного исследования ввиду того, что, гипотетически, установки жизнестойкости имеют непосредственное отношение к общей регуляции психологических феноменов, конституирующих процессы активного порождения неопределенности и её субъектного, интенционального и ответственного разрешения при осуществлении личностного выбора, т. е. к интернальности. Целесообразным видится теоретически осмыслить и соотнести внутреннюю архитектуру жизнестойкости, как личностной диспозиции с общими представлениями об установочно-смысловой регуляции поведения.

Анализ представлений о личностном выборе с точки зрения экзистенциально-гуманистически ориентированных концепций личности позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, реализация способности осуществлять личностный выбор является важнейшим способом развития личности в зрелом возрасте, а значит, качество активности человека по совершению выбора является критерием зрелости. В этой связи, личностное развитие человека представляет собой процесс постоянного переопределения им себя через выбор и одновременно развитие самой способности делать выбор.

Во-вторых, человеку свойственно испытывать потребность в совершении выбора, что является репрезентантом метамотивации стремления к максимальному раскрытию своих способностей в процессе самоактуализации.

Попытка избежать совершения выбора приводит к фрустрации метапотребностей и появлению личностной метапатологии.

В-третьих, основным препятствием для совершения выбора представляется страх перед неопределенностью и неизвестностью, что равнозначно страху человека положиться на собственные ресурсы и способности в процессе жизненного выбора, от которых зависит качество исхода, что равнозначно страху перед ответственностью. Психологически, страх ответственности отражает взаимосвязь уровня тревожности со степенью диффузности самоидентификации перед лицом выбора, формулируемый экзистенциалистами как «головокружение от свободы».

В-четвертых, осуществление и реализация выбора возможны благодаря «силе личности» или «упрямству духа». «Упрямоту духа» проявляет себя через способности к «самодистанцированию» и «самотрансценденции», которые дают возможность человеку противопоставить свой выбор объективным и субъективным условиям существования, судьбе как данности, что ставит сознательность и осмысленность выше ситуационной вынужденности и инстинктивной предопределённости.

В-пятых, качество и смысл выбора зависят от того, как и в какой мере человек осмысляет несоответствие между тем, что он говорит и делает, тем, что он чувствует и тем, что знает о себе.

В-шестых, личностный выбор рассматривается как смысловой и направленный либо на принятие, либо на избегание ответственности за конкретное содержание своей судьбы. В этом случае, ответственность – это принятие цели активности и всех, определенных этой целью жизненных изменений.

В-седьмых, понятие личностного выбора категориально неотделимо от понятия интенциональности и связанного с ним представления о временной организации личностных смыслов. Так смысловая глубина, временная направленность и дальность, а также созидательный потенциал личностного выбора сопряжены с процессами взаимодействия смыслового содержания трех

временных модусов (субъективного прошлого, настоящего и будущего), что обобщено в понятии интенциональности.

Наконец, в качестве своеобразной эссенции экзистенциально-гуманистической психологии выступает понятие жизнестойкости – диспозиционно-смысловой паттерн связности человека с событиями собственной жизни.

Таким образом, в рамках экзистенциально-гуманистической психологии категория интернального личностного выбора представлена как личностно образующее и личностно структурирующее явление, связующее свободу духа с предопределённостью биологической и социально-психологической природы в конкретный, интенциональный и целенаправленный процесс жизни.

Если в глубинной и экзистенциально-гуманистической традициях психологии понятие выбор, как правило, не является как таковым предметом анализа, а позиции ученых в отношении способности и возможности человека к выбору имеют принципиальную методологическую важность как одно из оснований воззрения, то так называемые теории принятия решений предметно ориентированы на создание научных моделей рационального поведения. Выбор здесь рассматривается в качестве условия, определяющего вариант исхода ситуации в зависимости от степени и оправданности риска, как одна из фаз сложного когнитивного процесса принятия решения. Проблеме принятия рациональных решений в ситуациях множественности альтернатив посвящен значительный массив исследований феномена выбора.

Согласно Г. М. Шварцу, принятие решений (ПР) – это «сознательный процесс, предполагающий предварительное четкое осознание цели, структурирование исходной проблемной ситуации, проработку различных вариантов выбора наилучшей альтернативы и использование определенных для этого методов» [219, с. 37].

Для всех теорий принятия решений характерно присутствие своеобразного идеального представления об исключительно сознательном и рациональном человеке или рациональном поведении других «решающих» субъектах (не

обязательно биологических или антропоморфных, в качестве которых могут выступать более или менее реалистичные технико-информационные системы или вербальные модели). Такое положение вещей связано, по мнению Ю. Д. Бабаевой и др., с тем, что с середины двадцатого века в научный мир «происходит экспансия направлений, связанных с кибернетикой – собственно кибернетики, нейрокибернетики, бионики, теории информации, теории систем, эвристики и эвристического программирования, искусственного интеллекта и др. Информационный подход, претендуя на построение моделей функционирования психики, стал активно распространяться и в психологии» [220]. Для авторов теорий ПР характерно стремление представить выбор в операциональном, алгоритмизированном виде, как элемент информационно-когнитивного процесса.

Большинство теорий принятия решений можно условно классифицировать в континууме от нормативных до психологических по признаку глубины учета в моделях влияния факторов психологической природы.

Для непсихологических (нормативных) концепций характерно внеличностное отношение к субъекту выбора, как просто к «лицу, принимающему решение» (ЛПР), реализующему нормативные стратегии [79]. Как сообщает А. Х. Фам, «к данному типу теорий относятся формализованные модели ПР в когнитивной психологии (например, теория Д. Дернара, а также реконцептуализация Г. Гигеренцером “теории проспектов” А. Тверского и Д. Канемана), в психофизических подходах, теории игр, теории экономического поведения (в том числе теория Дж. Фон Неймана и О. Моргенштерна, основанная на модели ожидаемой полезности Д. Бернулли и П. Лапласа), теории статистических решений, а также подходы, развивающиеся в довольно широком контексте проблематики искусственного интеллекта» [196, с. 18].

В нормативных подходах не придаётся особого значения таким психологическим реалиям, как собственная активность субъекта, личностные (смысловые, мотивационные) детерминанты принятия решений и в целом, субъективно существенные характеристики выбора (смысловая нагруженность, личностное отношение, влияние личностных качеств – добросовестности,

ответственности и пр.). В расчет берутся скорее прагматические характеристики – способности, качества и логические принципы мышления, позволяющие реализовать стратегии рационального поведения в ситуации выбора [153].

Проблеме формирования и применения оптимальных, с точки зрения некоторого идеала рациональности, стратегий поведения в ситуациях выбора уделяется значительное внимание. Так А. Тверски предлагает вариант стратегии принятия решений, когда строится иерархическое дерево предпочтений, а невыбранные альтернативы исключаются из рассмотрения [190]. В рамках представленной А. Тверски и Д. Канеманом когнитивной теории «проспектов» на материале вербальных задач различной сложности изучался механизм вынесения вероятностных решений [51; 52; 241; 258]. В. Ф. Венда также обращается к понятию стратегия принятия решений, понимая под этим «проявление определенной устойчивой тенденции (регулярности) при выборе способов оценки состояния реального объекта и принятия решения», он рассматривает априорные и реальные стратегии принятия решений [26, с. 175].

Некоторые исследователи [71; 152] утверждают, что стратегии совершения приближающегося к идеалу рационально принятого решения, «правильного» выбора, должны ориентироваться на следующие основы: 1 – принцип последовательности (связность, транзитивность и упорядоченность альтернатив, позволяющие оптимально выбирать лучшую из альтернатив); 2 – принцип максимизации (максимизация целевой функции выбираемой альтернативы); 3 – принцип инвариантности (равноценность альтернатив и их устойчивость во времени).

Соответственно, можно говорить о препятствиях для осуществления выбора по оптимальному пути, среди которых ряд исследователей отмечают такие, как сложный характер альтернатив, нехватка информации, уникальность ситуации выбора, недостаточная определенность последствий, фактор наличия ответственного за принятие решения лица, погрешности субъективной оценки исходов, наконец, пристрастность человека при оценке ситуации выбора [72; 84].

Можно утверждать, что ввиду примата принципа формальной рациональности, в теориях ПР, помимо работ, посвященных влиянию интуиции при принятии решений [121; 180], в целом не учитывается роль бессознательных и других глубинных аспектов выбора, из моделей исключается анализ факта того, что субъектом выбора является личность целостного человека. В то время, как организация психики и деятельности реального человека, очевидно, не ограничена только сознательно-рациональным содержанием. Представители этих теорий сами отмечают, что люди не всегда следуют принципам рационального выбора [48; 251], а принятие решения зависит не только от способности управлять ситуативными условиями и рационально «взвешивать» альтернативы [152].

Еще П. К. Анохин подчеркивал, важность «личностных характеристик принятия решения» [137, с. 17], а Л. С. Выготский ставил вопрос: «раз человек мыслит, спросим: какой человек? При одних и тех же законах мышления <...> процесс будет разный, смотря по тому, в каком человеке он происходит» [30, с. 1029].

Тем не менее, теории принятия решений, в разной степени учитывающие психологические аспекты данного процесса, являются важнейшим элементом в общей структуре психологического знания о человеке, осуществляющем выбор.

А. Х. Фам отмечает, что среди исследований принятия решений, внесших существенный вклад в научное понимание психологии процессов избирательной активности можно выделить, например, «исследование видов принятия управленческих решений (В. В. Дружинин, Д. С. Конторов, А. В. Карпов) и групповых решений (Х. А. Саймон, Дж. Мейстер, У. Дж. Кор), классификацию О. К. Тихомирова по опосредствующему ПР психологическому процессу, исследование способности человека к решению задач Г. Н. Солнцевой, а также ряд психологических теорий, рассматривающих принятие решений не как самостоятельное явление, а в контексте регуляции других психологических процессов (например, Paterson, Neufeld). Здесь можно выделить психофизиологическую модель Е. Н. Соколова, теорию регуляции поведенческого акта по П. К. Анохину, исследования нарушений ПР при

различных локальных поражений мозга А. Р. Лурией и Е. Д. Хомской, подход У. Джеймса, рассматривающего проблему выбора как проблему селективности сознания, теория целеполагания Н. Ф. Наумовой, а также подходы К. Левина, Дж. Аткинсона, Э. Толмена и других исследователей необихевиористского и когнитивного направлений» [196, с. 18–22].

В целом, для теорий принятия решений характерна больше прикладная, нежели фундаментальная направленность, разработки широко применяются в административно-управленческой и технологической сферах, и направлены, главным образом на оптимизацию процессов социального взаимодействия на основе некоторого идеала рационального поведения.

Б. Ф. Ломов при обзоре теорий ПР приходит к заключению, что ни одна из рассмотренных им моделей «не описывает психологическую реальность достаточно полно и системно» [104, с. 16]. Вместе с тем, как отмечает Ю. Д. Бабаева (и соавторы), именно «на основе представления о человеке как устройстве по приему и переработке информации возникло новое направление – когнитивная психология. Однако попытки описать процесс и структуру человеческой деятельности (в том числе мыслительной) по аналогии с работой компьютера неизбежно приводили к существенной редукции в понимании природы и закономерностей функционирования психических процессов» [220, с. 27].

Одним из аспектов теорий ПР является значительное внимание теме анализа ситуации выбора. Представляет интерес, что сущностной характеристикой ситуации совершения выбора ряд исследователей выделяют категорию неопределенность. Рассматривая выбор как принятие решений в ситуации неопределенности, Г. Н. Солнцева и Т. В. Корнилова [76; 77; 177; 178; 179] оперируют категорией риска. Учет риска в их разработках представлен как «деятельность, связанная с преодолением неопределенности в ситуации выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата или вероятность неудачи, отклонения от цели» [179, с. 10]. Они описывают ряд стратегий систематической

оценки рисков, которая «создает в настоящем безопасность перед угрозой открытого неопределенного будущего» [Там же, с. 8].

Другим важнейшим достижением психологических теорий ПР является представление процессов выбора в естественнонаучном ключе, утверждение методологической установки на то, что выбор принципиально познаваем, это операционализируемый процесс, который можно смоделировать и на который можно произвольно воздействовать, если учесть все необходимые детерминанты. Соответственно, именно в результате таких исследований накоплен значительный массив эмпирических и экспериментальных данных о процессуальной стороне принятия решений, соответствующих механизмах и закономерностях.

Существенным ограничением и основной причиной критики этих теорий, является значительная упрощенность результирующих моделей, поскольку объективная сложность изучаемого явления (выбор, совершаемый целостным человеком), в настоящее время, все ещё превышает возможности имеющихся в распоряжении общепсихологических теорий, ввиду чего, по нашему мнению, для искусственного создания реалистичной модели избирательно и направленно действующей психики не хватает знаний общепсихологического порядка, формирующих и обосновывающих адекватную данной задаче методологию.

Кроме того, исследователи обращают внимание на различия процессов принятия решения и осуществления выбора. Так, Д. А. Леонтьев утверждает, что «понятия выбора и принятия решений во многом пересекаются, но их несовпадение проявляется не только в том, что выбор может осуществляться произвольно, минуя когнитивную и метакогнитивную ориентировку, но и в том, что возможен разрыв между формируемым в процессе решения суждением и ответственным действием, через которое и происходит окончательное разрешение неопределенности» [92, с. 16]. В пользу того, что личностный выбор – это нечто большее, чем принятие решения говорит сформулированный В. А. Лефевром принцип: «живое существо стремится генерировать такую линию поведения, при которой устанавливается и сохраняется отношение подобия между ним и его моделью себя» [100, с. 29]. Д. А. Леонтьев отмечает, что «введение этого

принципа помогает понять некоторые ситуации нравственного вызова, которые часто характеризуются как ситуации в которых нет выбора <...> только одна альтернатива в таких ситуациях позволяет субъекту сохранить свой образ себя» [93, с. 58].

Теории ПР преимущественно сфокусированы на прикладной стороне изучения выбора, проблемах его результативности, качества, рациональности, обстоятельств эффективности, механизмах осуществления и их психологических, личностных и средовых детерминантах, т. е. на операционально-инструментальной составляющей предмета исследования. Тем временем принципиальные вопросы методологического характера, вопросы относительно общепсихологического статуса феномена выбор (что такое выбор вообще, и личностный выбор в частности, какова природа субъекта выбора, что является побудителем избирательной активности, какие психологические реалии конституируют процессы выбора, и при каких условиях выбор, как таковой, в принципе возможен?), в основном остаются вне внимания исследователей. Мы же предполагаем, что актуализация данных вопросов может быть значимой как для общепсихологической теории в целом, так и для решения задач конкретного нашего исследования, смысл которых сводится к тому, чтобы определить научно обоснованное направление совершенствования способности человека к осуществлению интернального выбора.

1.3 Выбор как реализация интернальности личности в постнеклассическом дискурсе

Для уточнения специфики выбора как психологического феномена необходимо принимать во внимание, что психика – одна из регуляторных систем (подсистем) организма человека [10, с. 51]. Придерживаясь представления о психике, как об открытой самоорганизующейся системе, отметим, что «саморазвивающимся системам присуща иерархия уровневой организации элементов, способность порождать в процессе развития новые уровни. Причем

каждый такой новый уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложившиеся, перестраивает их, в результате чего система обретает новую целостность» [179, с. 6]. В становлении уровневой иерархии психической организации новое не отменяет, но включает в себя начальное, опирается на него; по мере повышения внутренней сложности психики сущностные принципы её функционирования сохраняются. Такое понимание психики, целостность которой выражается в ее общей функции, когда «являясь субъективным отражением объективной действительности, психика осуществляет регуляцию поведения» [105, с. 87] было заложено в логике неклассической рациональности, когда сместился акцент в изучении психики с содержательной стороны (отражение) на целостно-функциональный аспект (регуляция), получило качественное развитие на платформе постнеклассической рациональности на современном этапе становления психологической науки.

В теории психологических систем (ТПС), регулятивная функция психики раскрыта не как цепь линейных причинно-следственных отношений, но как «драма» нелинейного кроссистемного взаимодействия. Регуляция осуществляется не с учетом простой совокупности отраженных свойств ситуации, но через действие по порождению «новой реальности», где субъективное прошлое, настоящее и будущее перекрываются в «процессе превращения поливариативного будущего в моновариативное прошлое <...> а поливозможностное пространство (среды) превращается в (конкретное) пространство собственного становления системы <...> человек не просто меняет среду, возвращая в нее переработанное, а на базе бесконечной по своим возможностям и потому аморфной, безразличной «среды» создает свой многомерный мир», причем делает это избирательно и направлено <...> «аффект (эмоция) опережает гностику (отражение), отношение идет впереди отражения» [69, с. 96]. Работа психики «не есть нечто статичное, но есть только функция от общего состояния организма» [30, с. 22]. Функционирование психики как системного «органа» регуляции поведения рассматривается включенным в метасистему целостного организма. В ТПС постулируется принципиальная невозможность изучения психики и её свойств

отдельно от её носителя, но в ключе ««миссии» постнеклассицизма – выделять саморазвивающиеся (самоорганизующиеся) системы и познавать их в качестве своего объекта», признается необходимость при изучении «человекосоразмерных систем» задействовать соответствующий методологический аппарат и адекватный уровень мышления [65, с. 159].

Избирательность отражения – фундаментальная характеристика психики. По словам Л. С. Выготского, «в этом ее (психики) положительная роль – не в отражении (отражает и непсихическое), а в том, чтобы не всегда верно отражать, т. е. субъективно искажать действительность в пользу организма» [30, с. 98]. Следовательно, на любом уровне организации базовой функцией психики выступает не отражение предметов и их свойств, а регуляция поведения её носителя, которая со строгой необходимостью характеризуется избирательностью. И, как отмечают В. Е. Ключко и Э. В. Галажинский, «если мы не вскроем тайну этой включенности отношения в саму сердцевину акта отражения, то сохранит свою тайну не что-нибудь, а сам предмет нашей науки» [32, с. 20]. По О. М. Краснорядцевой, психика является специфическим полем, в пространстве которого формируется «интенциональное отношение к предмету» отражения, как результат нелинейного пересечения качественно различных по своему происхождению «детерминационных потоков» [82]. Синергетически интегрированная в психике многокачественность природы взаимодействующих явлений обуславливают не только нетождественность отражения и отражаемого [30], но и опережающий характер отражения, что определяет возможности человека по активному созидательному преобразованию физического и социального через психическое [136; 137; 192].

Таким образом, постнеклассическая рациональность как методологическая основа является достаточно адекватной познавательной платформой для изучения выбора как психологического феномена, поскольку позволяет представить избирательность как сквозной аспект функционирования синергетически организованной психики, специфически раскрывающийся на разных уровнях психической организации, но всегда сохраняющий свои сущностные атрибуты.

Специфика выбора как психологического феномена заключается именно в том, что в психике, как особом пространстве, находят отражение и под аспектом регуляционной функции (взаимодействия с миром) интегрируются, преобразуясь в интенциональный процесс, качественно различные уровни организации человека – физический, биологический, психофизиологический, личностно-социальный, духовный. При этом вопрос о механизмах, лежащих в основе интегративных психических процессов, формирующих интенциональное отношение и реализующих его, может быть раскрыт с привлечением «особых идеализаций» постнеклассической методологии, в частности, представления об эмерджентных свойствах самоорганизующихся систем, важнейшими условиями проявления которых являются открытость и динамическая устойчивость.

Открытость утверждается в постнеклассике не как отсутствие границ у «вещи», не как отсутствие запрета на взаимодействие для первично и независимо существующей вещи, но как способ понять саму «вещь-систему, возникающую в результате определенных взаимодействий, и представленную (не как статический предмет, но) в качестве процесса постоянного обмена веществом, энергией и информацией с «внешней» средой, как своеобразный инвариант в варьируемых взаимодействиях со средой. А усложнение системы в ходе развития, связанное с появлением новых уровней организации, выступает как смена одного инварианта другим, как процесс перехода от одного типа саморегуляции к другому» [181]. В этой связи И. Пригожин отмечает, что «космология теперь все мироздание рассматривает как...существенно беспорядочную среду, в которой выкристаллизовывается порядок... порядок и беспорядок оказываются тесно связанными – один включает в себя другой» [цит. по: 112]. Относительно применимости таких представлений к анализу психологических феноменов, Д. А. Леонтьев констатирует, что «идеи Пригожина чрезвычайно важны для понимания перспектив трансформации психологической науки в XXI веке от изучения предсказуемости и самотождественности индивидов к пониманию личности как самодетерминируемой и самоорганизующейся системы, создающей порядок высшего уровня из неопределенности и хаоса» [90, с. 11].

Примечательно, что эти общеметодологические представления об открытости системной организации были применены к сфере психического ещё до того, как были явно сформулированы в работах идеологов постнеклассики, хотя и не были обобщены до уровня парадигмальных установок и не были вполне восприняты современниками. Речь идет о концепции культурно-исторического развития личности и высших психических функций. Так, по Л. С. Выготскому, «личность должна пониматься не как законченная форма, но как постоянно текущая динамическая форма взаимодействия между организмом и средой» [168]. «Индивидуальное личностное не *contra*, а высшая форма социальности» [30, с. 1023]. «Личность – совокупность общественных отношений, воплощенная в индивиде...при перенесении социального отношения (между людьми) в психологическое (внутри человека)» [Там же, с. 1028].

Таким образом, Л. С. Выготский строит психологию не в классических понятиях средового детерминизма, не как «абстрактную» психологию обобщения «отреагирований наличных раздражителей» первично существующим организмом, и не в неклассических понятиях противопоставления и противоборства внешнего и внутреннего (когда индивидуальное *contra* социального), а в постнеклассическом по своей сути ракурсе, когда индивидуальное личностное предстаёт именно как динамический процесс конкретного взаимодействия социального, органического и психологического, в ходе которого все три измерения интегрируются на возникающих в ходе «становления» новых уровнях целостности. Так Л. С. Выготскому удалось преодолеть дихотомию внешнего и внутреннего, хотя он и не отказывается от представлений о субъективном и объективном и поддерживает тезис Э. Дюркгейма о двойственности человека («*Homo duplex*»). Само понятие *интериоризации* имплицитно содержит в себе эту дихотомию [161]. В этом отношении мы принимаем позицию Д. Н. Узнадзе, который пришёл к выводу, что идея «размежеванности» и самостоятельности внутреннего и внешнего по отношению друг к другу «совершенно не соответствует действительному

положению дела: это – ошибочная идея и не может быть пригодной в качестве предпосылки для теоретического рассуждения» [цит. по: 68, с. 56].

Переход внешнего во внутреннее, интериоризация представляет собой не столько переход, сколько трансформацию самого процесса взаимодействия при становлении новых функций (система есть не вещь, а процесс, а психологические явления, «есть акты, а не факты» [47, с. 139]. А. А. Леонтьев, анализируя логику Л. С. Выготского отмечает, «знак нужен не для того, чтобы человек действовал иначе, а чтобы он сам был другим, и тогда он будет действовать иначе» [85, с. 75]. Изменение способа взаимодействия является изменением самого субъекта, но не как независимого от объекта, а как функции по взаимодействию с ним, обнаруживающей новые мерности.

Принцип системной открытости позволяет преодолеть дихотомию внешнего и внутреннего и признать, что личность, как «первичное, что создается вместе с высшими функциями» [30, с. 1029], это собственно человеческая форма реализации этого принципа, культурно-исторический по генезу и смысловой по содержанию способ взаимодействия человека с социальной действительностью и самим собой, взаимодействия избирательного и направленного.

Понимание выбора как активности субъекта по сведению вероятного к состоянию действительного под регулирующим влиянием некоторой цели, актуализирует вопросы о том, что является побудителем этой активности, какая причина является принципиальной движущей силой, запускающей механизмы выбора? Побудителем активности в психологии принято называть состояние потребности. Существует множество определений понятия потребность, а также классификаций видов потребностей, относящихся отдельно к различным уровням организации человека – биологические, личностные, социальные и пр. Оттолкнемся от одного из них: И. П. Ильин определяет потребность, как «переживаемое человеком состояние внутреннего напряжения, возникающее вследствие отражения в сознании нужды и побуждающее психическую активность, связанную с целеполаганием» [50, с. 345]. Данное определение сводится к тому, что потребность – это одновременно объективная нужда,

субъективное переживание нужды и побудитель активности в направлении удовлетворения этой нужды.

Для того чтобы вывести представление о потребности в плоскость постнеклассической рациональности, следует подчеркнуть, что в ракурсе данной методологии, пространство, где происходят изучаемые события предстаёт как динамическая нелинейная структура открытых сложных и взаимодействующих в условиях далеких от равновесия систем. Причем открытость системной организации является принципиальным условием для проявления фундаментального свойства эмерджентной системной организации, динамической устойчивости.

Устойчивость рассматривается как проявление двух качеств системной организации: 1 – способность к «сохранению системой своей базовой структуры и основных выполняемых функций в течение определенного времени и при относительно небольших и разнообразных внешних воздействиях, и внутренних возмущениях» [157], т. е. способность выдерживать некоторую норму «внешнего» и «внутреннего» напряжения, по мере нарастания которого система удаляется от состояния равновесия. При преодолении некоторого критического порога напряжения система проявляет вторую способность: 2 – может скачком изменять свою функцию и структуру, в соответствии с логикой самоорганизации в конкретных условиях, иными словами, способность к самоорганизации. Система обретает новую целостность с переходом к так называемому состоянию «сложности» – значительному уменьшению числа степеней свободы в системной организации (упорядочивание), когда ранее независимые элементы, начинают «видеть» новую макроструктуру целиком [112]. Это означает, что функционирование открытой динамичной системы принципиально связано со средовым контекстом, а содержание и структура системы принципиально связаны с её функцией. Через эту связь определяется целостность, когда «каждый элемент системы вносит вклад в реализацию целевой функции» [150].

Устойчивость для открытой сложной системы в состоянии далеком от равновесия это не гомеостаз, как постоянство структуры и конкретного

содержания, а гомеорез, сохранение целостности, сохранение функциональной непрерывности и преемственности во времени. Система при неравновесной динамике становления и усложнения стремится к сохранению субъектности (в прямом значении, т. е. того, что лежит в основе целостности) своего существования как длящегося целого и в этом её устойчивость. В этой связи, В. Е. Клочко и О. В. Лукьянов отмечают, «становление – это прогрессивное усложнение открытых систем и одновременно способ их существования. Нельзя оторвать проблему устойчивости системы от проблемы ее становления» [61, с. 335]. Так, у Л. С. Выготского находим синергетическое по своей сути представление о личности: «человек, сознающий сам себя как определенное индивидуальное единство и тождество во всех процессах изменения, происходящих в организме и психике, есть личность» [168].

В общем виде имеем, что системная динамика, направленная на сохранение целостности, проявляется через реализацию функции по взаимодействию со средой. Следовательно, манифестация структурной организации системы, её качества целостности одномоментна с проявлением ею функции, конкретика осуществления которой неотделима от условий внутренней и внешней среды. Таким образом, для условного внутреннего наблюдателя состояние напряжения системы, сохраняющей свою целостность при подвижности внутренних и внешних условий, воспринимается как потребность и общее чувство неопределенности, а активность системы в направлении равновесия (системная функция) воспринимается как активность по удовлетворению потребности, конкретика же направлений регуляционной динамики (к потенциальному устойчивому состоянию) видится как цель, связанная с потребностью целесообразной мотивацией, а направляющее активность единство потребности, цели и мотива может быть выражено в понятии личностный смысл. Развивая данное представление, можно адаптировать основные понятия психологии личности к постнеклассическому ракурсу понимания.

Из приведенного выше следует, что свойства устойчивости и открытости системы характеризует само её существование, как зоны упорядоченности

(«инварианта в варьируемых взаимодействиях со средой»). Напряжение структуры в системе с необходимостью порождает ситуативно специфическую регуляционную динамику – течение системно взаимосвязанных (когерентных) внутренних и внешних событий, направленных на сохранение целостности. Проявление этой регуляционной активности и есть механизм избирательности, а конкретика регулирующих событий и есть осуществляемые выборы. Соответственно, устойчивость как свойство динамических систем является онтологической причиной избирательности психического отражения, а сохранение целостности психики на личностном уровне в ситуации неопределенности есть базовая собственно личностная потребность, запускающая механизмы выбора. Таким образом, способность сложной открытой системной организации находиться вдали от состояния равновесия в условиях постоянно меняющихся внутренних и внешних условий и при этом сохранять устойчивость посредством специфической регуляционной активности на уровне личности может быть понята, как способность человека к осуществлению личностного выбора. Такое представление согласуется с описанием сущности психики, предложенным Л. С. Выготским: «психика выбирает устойчивые точки действительности среди всеобщего движения. Она есть островки безопасности в гераклитовом потоке. Она есть орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать» [30, с. 98]. Подобно этому, А. Бергсон определял саму жизнь, как «усилие подняться по тому склону, по которому спускается материя» [12, с. 242]).

Таким образом, проведенный теоретический анализ понятия выбора в контексте постнеклассической психологии позволяет сделать заключение о том, что выбор представляет собой форму реализации интернальности личности.

Интернальность является содержательно неоднородным понятием. В психологической литературе представлен ряд относительно самостоятельных концепций, формирующих теоретическое наполнение этого конструкта. Не смотря на детали различий в определении интернальности, суть феномена заключается в указании на психологическое содержание процессов и механизмов, при реализации которых причина и источник ключевых регулирующих влияний на происходящее связаны с собственной активностью человека, как субъекта. Таким образом, локус контроля, уровень субъективного контроля, локус каузальности, интернальность ценностных и каузальных ориентаций – все эти понятия могут быть рассмотрены в качестве аспектов интернальности как особого психологического феномена.

Интернальность формируется, как результат обобщения 1 – опыта восприятия и осознания человеком себя, своего поведения и собственных качеств как причин и условий возникновения тех или иных событий и обстоятельств в различных сферах жизни, 2 – опыта переживания личностной значимости последствий и результатов собственной активности или её отсутствия, а также в целом 3 – опыта непосредственной практики взаимодействия человека с миром, опыта осознания возможностей для выбора в контексте жизненных ситуаций.

Обобщенно можно определить интернальность как интегральное качество личности, характеризующее способность человека к владению собственным поведением через реализацию внутреннего (интернального) контроля его психологических средств и ценностно-смысловых ориентиров.

К ключевым атрибутам интернальности личности следует относить качества субъектности, интенциональности и ответственности. Формой реализации интернального контроля поведения является личностный выбор – исключительная форма жизнеосуществления человека как личности. Принципиальным источником, побудителем избирательной активности человека является базовая личностная потребность сохранить устойчивость

психологической системы в состоянии неопределенности. Выбор является фактически осуществляемым актом устранения неопределенности в личностной системе. Таким образом, интернальность личности проявляется как относительно устойчивая тенденция при взаимодействии человека с миром реализовывать в более или менее широком круге жизненных ситуаций специфический принцип (отношение) и личностную компетенцию (практическую способность), позволяющую идентифицировать актуальную ситуацию, как субъективно значимую ситуацию выбора и разрешать возникающую неопределенность посредством осуществления выбора с опорой на внутренние средства контроля поведения. Ввиду указанных оснований, можно полагать, что интернальность ассоциирована со специфическими процессуальными признаками осуществления личностного выбора в некоторой ситуации.

2 МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРНАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРОЦЕССОВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТНОГО ВЫБОРА

2.1 Интенциональность как основа смысловой регуляции выбора

Анализируя психологические аспекты целостности человека как объекта психологического изучения, В. Е. Ключко представляет в качестве механизма, связующего целостного человека и мир через акты избирательного и направленного взаимодействия, феномен *отношение*. По его мнению, «отношение (как психологическая категория) релевантно целостному человеку, а не его части – даже такой значимой, как психика» [32, с. 16]. «Психика и сознание в функциональном плане завязаны на обслуживание системы взаимоотношений человека с миром и самим собой» [Там же, с. 17], и «отношение каким-то таинственным образом включено во взаимодействие, делая этот акт избирательным и направленным... отношение есть, прежде всего, категория онтологическая» [Там же, с. 20]. Вместе с тем он отмечает, что категория *отношение*, имманентно включенная абсолютно во все основные понятия психологии, продолжает оставаться неопределенной в своей содержательной основе, пока психологическое исследование не видит в качестве субъекта отношения целостного человека и, соответственно, принципиально не учитывает реальности процессов, которые делают человека целостным.

Рассмотрение понятий «целостный человек», «отношение» и «выбор» в едином методологическом ключе определяет возможное направление решения вопроса о поиске личностных факторов осуществления интернального выбора в контексте целостного процесса становления личности.

На онтологический статус силы становления указывали многие классики философии, психологии и других отраслей (Г. В. Ф. Гегель, М. К. Мамардашвили, К. Поппер, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, Д. Н. Узнадзе, А. Бергсон, И. Пригожин, Г. Хакен и другие). Так, Д. Н. Узнадзе, рассматривая движущие силы

развития ребенка, полагал, что внутреннее потенциально содержит в себе некую силу, которая освобождается из состояния «простой потенциальности» при встрече с внешними условиями, «которые подразумевает эта сила» [цит. по: 64, с. 173]. А С. Л. Рубинштейн писал о силах, которые человека, «включенного в ситуацию», выводят «за пределы ситуации», называя этот процесс уже не развитием, а именно становлением, которое соотнесено с тем внутренним в человеке, что, в свою очередь, соотносится с чем-то внешним по отношению к ситуации [Там же].

В теории психологических систем термин «становление» раскрывается как «прогрессивное усложнение открытых систем и одновременно способ их существования, (когда) нельзя оторвать проблему устойчивости системы от проблемы ее становления» [61, с. 335], а проблему становления от проблемы осуществления выбора.

Взаимосвязанность данных понятий прослеживается в содержании категории интенциональность – «первичная смыслообразующая устремленность сознания к миру, смыслоформирующее отношение к предмету, определяющее предметную интерпретацию ощущений» [174]. И. В. Черникова отмечает, что Э. Гуссерль, вводя понятие «интенциональные акты», функционально определяет их «конституирующими как познаваемую реальность, так и познающего субъекта. Разрабатывая этот посыл, сторонники герменевтического дискурса в качестве искомого параметра порядка вводили «плоть» (Мерло-Понти), «язык» (Лакан), «поверхность смысла» (Делез). «Внутри же синергетики <...> также присутствует некое ядро, которое, будучи невидимым и актуально непрорисовываемым, обеспечивает возможность синергетического дискурса. Но если в феноменологии и герменевтике, инициатива на стороне конституирующего сознания, то в синергетическом дискурсе предполагается снятие дихотомии: натурализм или абсолютизация сознания» [215, с. 201–202]. Я. И. Свирский отмечает в этой связи, что «не мы, как расширенно понятая субъективность, конституируем мир и интенционально к нему «прикасаемся» через средний термин «плоть», а в самом мире присутствует что-то такое, что заставляет нас самих конституироваться как

субъектов» [158, с. 78]. Иными словами, причинный источник интенциональности локализован не в чистом сознании самосущего человека, конструирующего мир в актах познания, а в самой ткани мира, из которой конституированы человек, сознание и то, что познается. Интенциональность ума, как смыслообразующая устремленность, при таком рассмотрении предстаёт проявлением более общего принципа, заключенного во всепроникающей онтологической силе становления.

Таким образом, применение понятия интенциональности для обозначения действующей силы становления в человекообразных системах предполагает постнеклассический ракурс его понимания как «реальности, стоящей за отношением и имеющей самостоятельный статус», как некое «силовое поле» [130, с. 86]. Интенция реализуется в психике в форме смыслового процесса, и через посредство актов смыслообразования обретает своё конкретное выражение. Признание онтологического характера интенциональности позволяет «расширить само понятие объективного, включив в его пределы субъективное и при этом сохранив его самим собой» [49, с. 50].

Если перевести внимание (при рассмотрении человека, как субъекта жизнеосуществления) на один логический уровень ниже и обнаружить в качестве основной образующей психики феномен смысла (личностные смыслы – смысловые образования – динамические смысловые системы), интенциональность представится уже не как самостоятельная реальность (реальность Духа), но как имманентное сквозное качество смысла, его атрибут.

Следовательно, вне понятия о смысле, как конкретной (не абстрактной) «переходной формы между Духом и материей» [30, с. 1024], как действительной образующей психики, интенциональность предстаёт только чистой потенцией, наименованием всеобъемлющего и абсолютно равновесного состояния мира, отрицающего саму возможность течения времени, как «мировая сфера» Паскаля. Однако, на относительном уровне, по меткому замечанию В. Е. Ключко, «смысл без тенденции действовать есть нелепость ничуть не меньшая, чем тенденция действовать без смысла» [64, с. 175].

Таким образом, психологические основания возможности избирательного и направленного взаимодействия человека и мира целесообразно искать в кругу феноменов, центрированных понятием *смысл*, как непосредственно реализующих силу интенциональности в психологической системе, а собственно личностные условия осуществления интернального выбора раскрывать с привлечением понятий психологической теории смысла и с учетом рассмотренных выше общих аспектов системной целостности.

Представления о смысловой организации личности, на которые мы опираемся в настоящем исследовании, разработаны в трудах таких ученых как Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Б. С. Братусь, А. Г. Асмолов, О. К. Тихомиров, Д. А. Леонтьев, В. Е. Клочко, А. В. Серый.

Д. А. Леонтьев анализирует представления о феномене смысла в философии и гуманитарных науках и приходит к заключению, что «смысл (будь то смысл текстов, фрагментов, образов сознания, душевных явлений или действий) определяется, во-первых, через более широкий контекст, и, во-вторых, через интенцию или энтелехию (целевую направленность, предназначение или направление движения). Контекстуальность и интенциональность, по мнению Д. А. Леонтьева, можно рассматривать как «два основополагающих атрибута смысла, инвариантных по отношению к конкретным его пониманиям, определениям и концепциям» [95, с. 26].

По определению Ю. А. Шрейдера, смысл – это «внеположенная сущность феномена, оправдывающая его существование, связывая его с более широким пластом реальности. Смысл, определяя место феномена в некоторой целостности, превращает его осуществление в необходимость, соответствующую онтологическому порядку вещей» [222]. Данное определение видится нам достаточно общим (не указывающим непосредственно на ту или иную область знаний), но в то же время, содержащим в себе необходимый и достаточный ряд существенных признаков смысла.

Субъективно-объективная природа смысла, по заключению А. В. Серого, указывает на необходимость понимания смысла как, прежде всего,

«психологической категории, связанной с личностью, её развитием и жизнедеятельностью» [165, с. 4]. Он определяет смысл как «индивидуальное (личностное) психологическое образование, факт (феномен) сознания, который характеризуется отношением к другим фактам психической жизни в контексте определенных жизненных ситуаций» [Там же]. Такое определение вполне соответствует семантической структуре дефиниции Ю. А. Шрейдера, но указывает на психологический дискурс.

Д. А. Леонтьев в качестве результата теоретического анализа проблематики смысла в зарубежных психологических исследованиях приводит емкую логическую классификацию существующих подходов. Рассмотренные представления он располагает на пересечении двух осей характеристик смысла: двух функциональных (смысл как высшая интегративная основа личности и смысл как структурный элемент сознания) и трех онтологических (смысл как феномен объективной действительности, как феномен субъективной реальности и как феномен intersubjectных взаимодействий) [95, с. 76]. Автор констатирует тесную взаимосвязь и взаимообусловленность всех шести (итоговых) логических определений смысла, их неальтернативность, взаимодополняемость и выделяет ряд общих положений, характерных для рассмотренных им подходов к проблеме. Так, смысл связан со значимостью для субъекта определенных объектов, явлений, действий и событий, обусловлен их местом в более широком (личностном, социальном) контексте, смысл определяет поведение, является функцией от отношения между субъектом и миром, источниками смысла являются потребности, мотивы и интенции человека, смысл зависит от когнитивных процессов переработки информации и построения образа мира и одновременно влияет на характер протекания познавательных процессов, может быть как сознательным, так и внесознательным, индивидуальная неповторимость смысла обусловлена уникальным опытом и биографией субъекта, смысл порождается активностью субъекта в контексте социокультурных детерминаций и является инструментом воздействия человека на самого себя, обуславливая, в итоге, способность к самодетерминации [Там же, с. 76–77].

Мы разделяем позицию А. В. Серого, что смыслы, одновременно как механизм и принцип, функционируют на всех уровнях организации человека: от биологического уровня до интеграции времени индивидуальной жизни и с выходом на макросоциальные уровни (в надиндивидуальных формах смысла) [165]. В этой связи примечательно, что А. Н. Леонтьев писал о смыслах как «высшей математике психологии» [86, с. 302], а Л. С. Выготский считал задачу объяснения происхождения и возникновения осмысленности «труднейшей из всех, перед которыми когда-либо стояли психологи-исследователи» [31, с. 267].

Определяя смысл как феномен сознания, следует обратить внимание на то, что А. Н. Леонтьев, подводя основания для определения личностного смысла как «образующей» сознания, показывал, что чувственное восприятие предмета обособляется от чувственного аспекта связанной с ним потребности «только на уровне человека, когда во внутренние связи обеих этих форм чувственности вклиниваются словесные значения <...> Однако неотделимость восприятия животными внешнего облика объектов от его потребностей вовсе не означает их совпадения» [86, с. 73–74]. Смыслы, функционирующие на досознательном уровне А. Н. Леонтьев называл «инстинктивными» и «биологическими», имея в виду их натуральную основу. В целом, понятие внесознательного смысла в разных вариациях присутствует в психологической теории, на что также указывает А. В. Серый [165, с. 17–18]. Согласно известному постулату Л. С. Выготского, «она (личность) первичное, что создается вместе с высшими функциями» [30, с. 1029]. Как следует из вышесказанного, когда между переживанием субъектом потребности и реализацией программы её удовлетворения (реализацией биологического, инстинктивного смысла) появляется сознательно поставленная цель, выраженная в субъективном образе знака как «интериоризованном социальном отношении» [160], можно констатировать предпочтение сознательного (социального) смысла первичному (биологическому), а также вытекающий из такого предпочтения акт поступка (соответствующие исследования у А. Н. Леонтьева [86; 87; 176],

М. К. Мамардашвили [108, с. 172–174]), иными словами, констатировать акт личностного выбора.

В. Е. Ключко, развивая культурно-исторические представления о «конкретной психологии» смысла как единицы психического, соразмерной целостному человеку (линия Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, О. К. Тихомирова), характеризует смысл как «сверхчувственное (системное) качество предметов, в котором существует «переходная» (между Духом и Материей) форма человеческого существования». Смысловая реальность, как ««переходная форма» возникает между «миром «чистой объективности», существующим вне человека и независимо от него и своим субъективным миром, который еще называют «внутренним миром человека» <...> ее невозможно дислоцировать на одном из полюсов: она не сводится ни к объективной, ни к субъективной реальности. Она не сводится ни к Духу, ни к Материи, представляя собой подлинное (системное) единство этих двух «противоположностей». Она воспринимается человеком как нечто внешнее для него, на деле оставаясь его собственным продолжением, его внутренним личным пространством жизни» [66, с. 70–77.], его «истинным телом» [67, с. 103]. Соответственно, смысл как психологический феномен является системной конструкцией, связующей в интенциональном акте целостность человека и объективную действительность, возникает там, где осуществляется выбор – реализованное в конкретике времени и пространства целостное отношение.

Следует отметить, что конкретно психологическое представление о смысле (как естественно-научное понятие) хотя и было исторически сформировано в контексте теории деятельности, где смысл есть производное от мотива, значительно расширялось по мере развития научной мысли. Со временем стало понятно, что сами мотивы производны от смыслов. В частности, В. К. Вилюнас пишет, что «смыслообразует не некоторое объективное отношение и не мотив как объективное, а смысл мотива, как бы переливающийся по объективным связям ко всему, что имеет к мотиву отношение» [29, с. 97–98]. А сам А. Н. Леонтьев приходит к пониманию личности, как «связной системе личностных смыслов»

[86, с. 212]. Принимая во внимание разработанность таких понятий, как «операциональный смысл» [191; 192], личностный смысл и смысловое образование [28; 124; 187], смысловая установка и диспозиция [6], смысловой конструкт [182; 183], динамическая смысловая система [7; 95], ценностно-смысловые ориентации [229], система личностных смыслов [165], можно заключить, что в настоящее время доминирующим является представление о личности как о сложной открытой многоуровневой смысловой системе. Идея уровневой смысловой организации психики разрабатывалась, хотя и в значительно различных ключах, Б. С. Братусем (смысловые образования [21]), А. Г. Асмоловым (динамическая смысловая система, [7], Ф. Е. Василюком (динамика переживания события [24]), Е. Ю. Артемьевой, В. П. Серкиным, С. Д. Смирновым и др. («образ мира», [4; 5; 161; 162; 170; 171]), Д. А. Леонтьевым (система смысловой реальности личности [95]), А. В. Серым (система личностных смыслов [165]), В. Е. Ключко, О. М. Краснорядцевой и др. (теория психологических систем [67]). В итоге, уже на уровне постнеклассической методологии смысл получает статус параметра порядка психологических систем [63]. Таким образом, в настоящее время, понятия, указывающие на различные аспекты функционирования смысловых систем, представляют единый род феноменов – смысловую реальность.

Процессы смысловых систем непосредственно связаны с восприятием и переживанием человеком времени. Понятия о субъективной временной перспективе (психологическое время), о субъективных прошлом, настоящем и будущем, являются необходимыми для описания интеграционных смысловых процессов – смыслообразования, целеполагания, осмысления, выбора. Необходимость учета временных аспектов психологической организации методологически базируется на непреложности факта динамического характера психологических явлений, их существования в контексте времени, как «фундаментального условия возможности изменений» [141; 143; 169].

На основе теоретического анализа следует сделать вывод, что одной из функций сознания является продуцирование смысла некоторой актуальной

ситуации, лежащего в основе организации любой актуальной деятельности, в том числе деятельности по осуществлению выбора. С другой стороны, в психологическом плане, любая ситуация обладает психологической (ценностно-смысловой) структурой, и предстаёт в сознании человека в виде некоторого смысла или смыслового образования, интегрирующего на себе весь комплекс сообразно актуализированных смыслов прошлого опыта и предполагаемого субъективного будущего.

К. Левин, показывая взаимосвязь между личностным прошлым, настоящим и будущим, подчеркивал, что когда человек воспринимает, переживает свое теперешнее положение, то оно неминуемо связано с его ожиданиями, желаниями, представлениями о будущем и прошлом. Такое включение будущего и прошлого жизни в контекст настоящего К. Левин назвал временной перспективой [46]. Идеи К. Левина, поставившего вопрос о существовании единиц психологического времени различной направленности, послужили стимулом для дальнейшего исследования временной перспективы личности.

С другой стороны, в рамках метода экзистенциального анализа Л. Бинсвангера, временная перспектива личности, представляющая собой систему смыслов, как способов трансценденции личности в прошлое, настоящее и будущее, формирует так называемый горизонт возможностей, определяющий широту и глубину смыслового пространства личностного выбора [14]. При этом, большое значение для понимания смысла ситуации имеет способность человека ориентироваться в структуре временной перспективы, в смыслах прошлого, настоящего и будущего, выделять один из них в качестве доминирующего [142]. Также имеет значение доступность или недоступность для осмысления субъектом того или иного временного модуса, и, как итог, целевая направленность субъективного времени, т. е. смысловая согласованность осуществляемого человеком выбора в контексте жизнедеятельности. В этой связи, Э. Эриксон, в качестве одной из характеристик психосоциального кризиса выделял особое, «диффузное» переживание времени: человек становится неспособен ориентироваться в своей жизни, в связной перспективе прошлого, настоящего и

будущего [224]. П. Вайнрих акцентирует, что целостность самосозидания (целенаправленность выбора) отражается в том, что самоконструирование в настоящем выражает преемственность между тем, как человек конструировал себя в прошлом, и каким он надеется стать в будущем [цит. по: 165, с. 15]. Таким образом, связанность и преемственность между временными модусами локализации смысла определяют, во-первых, глубину осмысленности совершаемого выбора, и, во-вторых, его созидающий потенциал.

Следует также отметить, что в одном из ведущих представлений о временной организации личности (причинно-целевая концепция, Е. И. Головаха и А. А. Кроник [40]) значителен, что психологическое время формируется на основании переживания личностью детерминационных связей между основными событиями ее жизни. Специфика детерминации человеческой жизни заключается в том, что, наряду с причинной обусловленностью последующих событий предшествующими (детерминация прошлым), имеет место и детерминация будущим, т. е. целями и предполагаемыми результатами жизнедеятельности.

В рамках причинно-целевой концепции психологическое прошлое определяется совокупностью, так называемых, реализованных связей, которые соединяют между собой события хронологического прошлого. Психологическое настоящее включает в себя актуальные связи, т. е. те связи, реализация которых уже началась, но еще не завершилась, и которые соединяют между собой события хронологического прошлого, с одной стороны, и будущего – с другой. Психологическое будущее личности составляют потенциальные связи, реализация которых еще не началась, поскольку они соединяют между собой предполагаемые события хронологического будущего [39].

В периодизации переживания времени, предложенной Е. де Гриффом, годовалый ребенок живет настоящим, в три года ребенок ориентируется в часах, в четыре он ощущает понятие «сегодня», а в пять появляется континуум «вчера – сегодня – завтра». Восемилетний ребенок ориентируется в неделях. К пятнадцати годам единицей времени является месяц, а сорокалетний человек считает в годах и десятках. Г. Элинберг справедливо отмечает по этому поводу, что люди в

разной степени интересуются своим прошлым и будущим [223]. Так, для разных возрастных групп могут доминировать ценности и смыслы будущего, прошлого или настоящего времени, при этом происходит перетекание времени жизни из менее ценной его составляющей в более ценную. Направление этого субъективного перераспределения времени связано со степенью реализованности жизненных смыслов на разных этапах жизни и наличием перспективы в будущем.

Таким образом, временные аспекты являются фундаментальными для смысловой организации личности, а субъективное время – это специфическая интегративная жизненная реалья, которая может быть воспринимаема и переживаема человеком. Специфическое переживание времени является определенным состоянием, выражающим отношение индивида к ситуативно актуализирующимся смыслам прошлого (как личностного опыта, воспоминаний), взаимосвязанным со смыслами будущего (как личностным целям, надеждам, ожиданиям и т.п.). Это явление было обозначено А. В. Серым как актуальное смысловое состояние. То, что было ценным для человека в прошлом, остается для него реальностью, также как в субъективной реальности человека присутствуют определенные ожидания и планы. Е. М. Вечканова в ходе обзора исследований представлений по феномену психологического времени, отмечает, что практически во всех концепциях, рассматривающих проблематику психологического времени личности прослеживается положение, что «события прошлого и будущего, представленные во временной перспективе субъекта, играют детерминирующую роль в его поведении» [27, с. 40].

Актуальное смысловое состояние представляет собой процесс, в ходе которого смыслы событий нижележащего уровня, генерализуясь, трансформируются в смыслы вышележащего уровня системы, а значит, проникают вглубь личности, включая в себя соответствующие смыслы нижележащего (более поверхностного) уровня, т. е. интернализуются. Наличие в настоящий момент свободного структурирования временных аспектов субъективной реальности говорит о целостности самой личности, переживающей это состояние. При этом происходит расширение временных границ смыслового

охвата личности, временного диапазона осмысленной части субъективной реальности. Соответственно, чем на более интернальном уровне функционирует система личностных смыслов, тем более широкий пласт личностного опыта и различных аспектов личностного будущего интегрированы в единое смысловое поле, что, в конечном счете, также характеризует целостность личности.

Таким образом, смысловая организация жизненного мира человека обеспечивает возможность переживания им времени жизни – субъективной временной перспективы. Психологическое прошлое, настоящее и будущее являются временными модусами локализации смыслов, образуя пространственно-временную структуру субъективной реальности, и находятся в сложной системе взаимосвязей и взаимовлияний. Следовательно, имеет место сущностная взаимосвязь психологического времени, системы личностных смыслов и осуществления личностного выбора. Согласованность личностного прошлого настоящего и будущего, их восприятие и переживание смысловой динамики характеризуют продуктивность актуального смыслового состояния.

В завершение данного параграфа заключим, что смысл – это реализация качества целостности, опредмеченный актом выбора признак целостности, опредмеченная интенция. Вне интенции смысл немислим, равно как интенция немислима вне пространственно-временной конкретики осуществленного предметного выбора. Вне смыслового отношения, выраженного смысловой структурой и предметным действием нет дифференцированного (структурированного) отражения (так, «глаз, который видел бы всё, именно поэтому не видел бы ничего» [30, с. 98]). Организованная в интенциональном акте чувственная ткань (системный субстрат) является носителем и проводником смысла, выражающего структуру Мира и делающего Мир реальным для человека.

2.2 Установочно-смысловые компоненты интернальной регуляции осуществления личностного выбора

В соответствии с результатами теоретического анализа можно говорить о структурной сложности интернальности, о двух качественно различных, но взаимосвязанных уровнях реализации интернального поведения.

Во-первых, интернальность предполагает динамическую тенденцию, направленность, устремленность человека на взаимодействие с миром по интернальному типу и, соответственно, реализующие эту тенденцию системные психологические процессы-регуляторы, которые «модулируют» образы восприятий, представлений и действий человека качеством интернальности, обеспечивают активное присутствие самого принципа интернальности в актуальном психическом и психологическом процессе, регулируя отношение к ситуации выбора и определяя принципиальные условия для возможности осуществления интернального выбора («внутренний», регуляционный аспект).

Во-вторых, интернальность требует применения комплекса психологических «инструментов»: индивидуальных и индивидуальных качеств, способностей, специфических навыков, стереотипов, ценностных представлений, тактик, стратегий и способов поведения (что может быть выражено в понятии «личностная компетенция»), позволяющих человеку предметно реализовывать такую устремленность с некоторой эффективностью в более или менее широком круге жизненных ситуаций («внешний», инструментально-операциональный аспект).

Инструментально-операциональный аспект интернальности в настоящее время обстоятельно изучен в работах, посвященных проблематике выбора и принятия решений. Большая часть исследований выбора сфокусированы преимущественно на когнитивных процессах реализации выбора и избирательного поведения, изучении когнитивных и личностных механизмов конструирования оснований выбора, построения альтернатив выбора, организации внутренней деятельности выбора и необходимых психологических и

средовых ресурсов для его осуществления, изучению различных типов поведения в ситуации неопределенности в зависимости от личностных и других условий.

Наиболее разработанные системы представлений в русле изучения способности человека к интернальной личностной активности нацелены на рассмотрение проблем самодетерминации и личностного потенциала (Д. А. Леонтьев и др.), психологии интеллектуально-личностной регуляции поведения в ситуации неопределенности (Т. В. Корнилова и др.) и психологии суверенности человека в теории психологических систем (В. Е. Ключко, О. М. Краснорядцева и др.) [56].

Концепция личностного потенциала предложена Д. А. Леонтьевым и базируется на синтетической платформе психологической теории деятельности и разработках экзистенциальной и позитивной психологии. Личностный потенциал, согласно Д. А. Леонтьеву, – это «интегральная характеристика уровня личностной зрелости, реализуемая в способности к автономной самодетерминации и представляемая как комплекс особенностей системной организации личности в целом, со сложной архитектоникой, основанной на сложной схеме опосредствования, позволяющей осуществлять деятельность в относительной свободе от заданных условий этой деятельности – как внешних, так и внутренних» [101, с. 3], «исходить из устойчивых внутренних критериев и ориентиров в своей жизнедеятельности, сохраняя стабильность смысловых ориентаций и эффективность деятельности на фоне давлений и изменяющихся внешних условий» [43, с. 91]. Важнейшими обсуждаемыми категориями в рамках личностного потенциала являются понятия о готовности к выбору, готовности действовать в условиях неопределенности – комплексной индивидуально-психологической характеристики личности, отражающей ее способность делать значимые выборы осознанно, самостоятельно, с осмыслением возможных последствий и принятием на себя ответственности и риска [89; 93; 94, с. 108–110; 101, с. 511–546]. Конструкт «готовность к выбору» в настоящее время находит своё практическое применение в прикладных исследованиях, о чем

свидетельствуют работы И. О. Логиновой [102; 103] и Е. И. Стояновой с соавторами [184; 185; 186].

Другое ведущее направление комплексного изучения психологии поведения в ситуации неопределенности представлено работами исследовательской группы Т. В. Корниловой, раскрывающими классическую проблему единства интеллекта и аффекта на основе понимания человека как принимающего и преодолевающего условия неопределенности [76; 78; 80; 81; 216]. В разработках данного направления устанавливается роль процессов принятия неопределенности как фокусирующих активность субъекта (от уровней самосознания личности до глубинной мотивации) в структурировании взаимодействий переменных интеллектуального и личностного потенциала человека.

Третье направление представлено работами исследователей сибирской психологической школы в рамках теории психологических систем, являющейся парадигмальным развитием, прежде всего, учения о высших психических функциях и опосредствовании Л. С. Выготского. Здесь во главу угла ставится проблема суверенности человека, как высшего уровня становления личности и, на основе идеалов постнеклассической рациональности, формируется методологическое пространство для рассмотрения соответствующих процессов суверенизации (Д. Ю. Дорофеев, С. К. Нартова-Бочавер, В. Е. Ключко, О. М. Краснорядцева и др.) [67].

Соотнося понятие суверенности с понятиями автономии и самодетерминации личности, можно сказать, что последние центрированы на вопросе «интраиндивидуальной устойчивости человека», его ориентации на собственный закон развития, как «меры функциональной способности (компетентности) личности преодолевать заданные внутренние и внешние условия, становясь полноценным субъектом собственной жизни в меняющемся мире» [172, с. 79]. Самодетерминация реализуется «в виде осознанного выбора способа действий, учитывающего как внутренние стремления, так и внешние условия жизни человека» [42, с. 7]. Тем временем, «суверенность» предполагает «растущую возможность человека к «овладению собой», опираясь на ценностно-

смысловые координаты собственного становящегося многомерного мира» [60, с. 8], позволяет ухватить способность человека к устойчивому самоизменению» [194, с. 67], отражает меру «устойчивости протяженного во времени процесса изменений» [66, с. 19]. Один из основных проблемных вопросов суверенности – «как удерживает тождественность самому себе...постоянно преобразующийся человек?» [61, с. 333] – оказывается непосредственно связанным с корнем феномена интернальности с одной стороны, и с проблемой личностной регуляции выбора и поведения в ситуации неопределенности с другой. Таким образом, понятие суверенности личности позволяет сфокусировать внимание на конкретной психологии процессов реализации человеком потенциала к «овладению собой» и говорить об интернальности, как об их существенном аспекте.

В каждом из рассмотренных направлений уделяется внимание регуляционному аспекту интернальности. В первом случае он рассматривается в экзистенциально-гуманистическом ключе через понятие о жизнестойкости [97; 249] и утверждении врожденной потребности в автономии [237].

Во втором случае для объяснения регуляции поведения по интернальному типу акцентируются личностные качества и процессы, выраженные конструктом «принятие неопределенности», «фокусирующие активность субъекта» и позволяющие актуализировать при регуляции поведения глубинную мотивацию и продуктивно обрабатывать ситуацию выбора на верхних личностных уровнях (самосознание) при условии достаточной компетенции. Однако, субъектная включенность и глубина личностной опосредствованности выборов здесь ставятся в зависимость от актуальных мотивационно-смысловых и ценностных доминант, присутствующих на уровнях бытийного, рефлексивного или духовного сознания личности, т. е. интернальность здесь, по существу, это вопрос субъективной значимости не ситуации выбора вообще, а конкретной возникающей проблемы, вопрос регуляции этического характера, когда причина для интернальной активности ставится в принципиальную зависимость от предметных ценностно-смысловых ориентаций и доминант. Вопрос

внеэтического личностного отношения к ситуации выбора как таковой не ставится, внимание исследователей сфокусировано на изучении процессуальных аспектов интеллектуально-личностной регуляции деятельности выбора, причем в большей степени (что в целом характерно для большинства разработок в русле теорий принятия решений) в связи с проблемами её продуктивности, нежели в связи с вопросами изучения онтологических оснований и психологических обстоятельств принципиальной возможности деятельности выбора.

В третьем подходе даётся общее представление о силах, лежащих у основания самоорганизации, силах становления, соотносимых с «реальностью Духа» [32, с. 28], которые реализуются в ходе «жизнеосуществления» и конституируют в моментах соприкосновения субъективного и объективного чувственно-сверхчувственную смысловую реальность собственного жизненного мира человека и его «истинного тела» [67, с. 103]. В контексте этого подхода возможно понимание интернального выбора, в качестве акта разрешения ситуации неопределенности, мотивированного, прежде всего, от базовой собственно личностной потребности сохранить целостность личностной системы, что соответствует обозначенному положению о принципиальной движущей силе избирательной активности человека, как носителя личностной системы.

Таким образом, теоретический анализ позволил определить интернальность как интегративное качество личности, характеризующее способность человека к владению собственным поведением, а также прийти к выводу, что имеет место структурная сложность интернальности, два качественно различных, но взаимосвязанных компонента реализации интернального поведения: внутренний (регуляционный) аспект и внешний (инструментальный). С другой стороны, ситуация личностного выбора психологически характеризуется ценностно-смысловой структурой, поскольку субъектом ситуации выбора является человек как носитель личности [62; 82; 193].

О. М. Краснорядцева определяет ценностно-смысловую структуру (ЦСС) ситуации как «особое психологическое пространство», «где осуществляется интеграция различных по своему происхождению и функциям детерминационных

потоков, берущих начало в объективной ситуации, в действующей личности и в самой деятельности» [82]. Ценностно-смысловая структура ситуации является «осмысленно переживаемой, напряженной» частью жизненного мира, «вырезанной из него эмоциональными средствами, что и превращает ее в реальную психологическую ситуацию, в которой разворачивается любая деятельность, в том числе и мыслительная» [Там же].

Суть ситуации выбора – это состояние смысловой неустойчивости. Состояние неустойчивости в целостной системе – это источник интенции, прямая причина избирательной активности и непосредственное условие антиэнтропийных процессов, становления эмерджентных упорядоченных структур, в контексте данного исследования, личностных смыслов. Операционально, становление личности реализуется в актах личностного выбора и стоящими за ними смысловыми процессами. Личностный выбор является исключительным способом личностного жизнеосуществления человека, базовой функцией личностной системы. Основанием личностного выбора является сохранение целостности человека как личности (становление) [61]. В связи с этим, личностная интернальность опирается на системную природу личности и является для неё натуральным интегрирующим качеством, прямо связанным с субъектностью, как обобщенным основанием целостности личности [131; 133; 135]. Целесообразно говорить о том, что осуществление выбора является фундаментальной потребностью человека как носителя личностной системы, поскольку в актах осуществления выбора человек конституирует собственную личность. Таким образом, вопрос о факторах осуществления личностного выбора сводится к вопросу об определении личностных условий, регулирующих принципиальную возможность осуществления выбора.

Принимая во внимание базовый характер потребности человека в осуществлении выбора, следует признать, что в ситуации, когда эта потребность может быть удовлетворена, имеет место специфическое состояние готовности, устремленности субъекта к предмету потребности. Такое состояние, по определению, в психологии называется установкой, наиболее непосредственным

связующим звеном между состоянием потребности и ситуацией её удовлетворения [195]. В связи с этим, можно предполагать, что личностные факторы осуществления интернального выбора относятся к роду феноменов установочно-смысловой регуляции поведения [6].

Личность как смысловая система, имеет сложную уровневую иерархическую структурную организацию, способную порождать в процессе развития новые уровни. Причем каждый новый уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложившиеся, перестраивает их, в результате чего система обретает новую целостность (по В. С. Степину [181]). Уровневая иерархическая системная организация личности предполагает, что смысловые формации нижележащих уровней (микроуровень, например, личностные смыслы) организуются в целостные эмерджентные регионы смыслами вышележащего уровня, как параметрами порядка (мезоуровень, например, смысловые установки), которые, в свою очередь, управляемы соответствующими параметрами более высокого уровня системности (макроуровень, например, смысловые диспозиции).

В соответствие с представлениями об установочно-смысловой регуляции личностной активности [6; 95], ситуативно устойчивыми и распрямеченными (надситуативными) формами существования смысла, как параметрами порядка личностной системы, являются смысловые установки и диспозиции – это структурный каркас действующей личности. «Смысловые диспозиции выполняют в деятельности смыслообразующую функцию, порождая производные от них личностные смыслы и смысловые установки» [95, с. 210]. Их функция – «привести направленность деятельности в целом или отдельных ее эпизодов в соответствие с устойчивыми внеситуативными диспозициями» [Там же, с. 209]. Специфика установочно-смысловых процессов обеспечивает трансформационные возможности смыслотехнологий на состояние личности [1; 2; 3].

Таким образом, в смысловой структуре личности можно теоретически выделить особый класс управляющих параметров (феноменов установочно-смысловой регуляции поведения), формирующих и регулирующих тенденцию (отношение) к поведению человека в ситуации неопределенности по

интернальному типу, определяющих саму возможность осуществления человеком интернального выбора. Такие параметры порядка можно обозначить, как диспозиции интернальности (ДИ).

На основе их функциональной специфики, ДИ целесообразно отнести к отдельному классу личностных установок-регуляторов. Так как, если вообще смысловые диспозиции «представляют собой форму фиксации отношения субъекта к объектам и явлениям действительности, определяемого ролью и местом этих объектов и явлений в его жизнедеятельности, в латентном, инактивном виде» [Там же, с. 205], то в случае ДИ, таким «объектом» отношения является собственная личность человека, как целостный психологический «предмет», а непосредственным источником актуализации ДИ является потребность сохранять целостность личности в процессах становления.

Мы полагаем, что ДИ функционально ориентированы на реализацию ценности человека как избирающего субъекта и являются психологической причиной возможности: 1 – определить, распознать актуальную ситуацию как ситуацию выбора (аспект интенциональности, осмысление субъективного будущего времени); 2 – проявить собственную активность в каком-либо субъективно приемлемом направлении, приложить собственное усилие к ситуации (аспект субъектности, осмысление субъективного настоящего времени); 3 – воспринять причинно-следственные связи между собственной активностью и её результатами, реализовать личностную значимость результатов активности (аспект ответственности, осмысление субъективного прошлого времени).

Таким образом, диспозиции интернальности обеспечивают личностную направленность человека на удержание ряда инструментальных ценностей верхнего уровня, которые реализуют в психологической системе: 1 – ценность принципиальной возможности осуществления выбора, 2 – ценность деятельной вовлеченности в ситуацию выбора, реализация знания, что собственная активность принципиально имеет смысл, 3 – ценность принятия ответственности за результаты собственной активности (выбора) на основе смысла и вне зависимости от их эмоциональной оценки, ценность опыта. В этой связи,

интернальность личности может быть ассоциирована со специфическими процессуальными признаками осуществления личностного выбора, определить которые – одна из задач эмпирического этапа настоящего исследования.

Согласно словам Д. А. Леонтьева, «личность как психологическое образование, как регуляторная система конституируется функциями выделения субъектом себя из окружающего мира, выделения, презентации и структурирования им своих отношений с миром и подчинения своей жизнедеятельности устойчивой структуре этих отношений, в противовес сиюминутным импульсам и внешним стимулам» [95, с. 154]. Феномены личностной организации имеют своим результатом смысловое отношение человека к различным регионам действительности и к миру в целом. По А. В. Серому, смысловое отношение порождается в контексте переживания человеком актуального смыслового состояния – переживания взаимодействия актуализируемых в контексте конкретной жизненной ситуации смыслов прошлого, настоящего и будущего или их совокупности [165, с. 36–51].

Важнейшей характеристикой актуального смыслового состояния является его продуктивность [163]. В соответствие с представлениями об уровневой организации системы личностных смыслов, уровень смысложизненных отношений обладает наибольшим потенциалом для смысловой интеграции личности, где осуществляется «целостное восприятие человеком своей жизни как значимости <...> временная перспектива охватывает широкий спектр событий прошлого настоящего и будущего <...> личностные смыслы на этом уровне <...> выступают в качестве смысложизненных ориентаций личности» [165, с. 19–20]. Уровень продуктивности актуального смыслового состояния отражает качество протекания процессов синхронизации временных локусов смысловой реальности: насколько «продуктивно» смыслы прошлого опыта соотносятся со смыслами будущего времени. Таким образом, продуктивность актуального смыслового состояния также целесообразно рассматривать как действенный фактор осуществления человеком выбора.

Существенно, что теоретически определенные диспозиции интернальности, по своей функции относясь к классу смысловых диспозиций, ориентированы, как было показано выше, на открытость временных модусов локализации смыслов субъективного прошлого, настоящего и будущего. Таким образом, активность диспозиций интернальности сопряжена с уровнем продуктивности актуального смыслового состояния и, гипотетически, образует с механизмами синхронизации временных модусов локализации смыслов целостный действующий комплекс.

Следует отметить, что психологическое содержание теоретически определенных ДИ принципиально может быть соотнесено с тремя структурными факторами психологической жизнестойкости: контролем, вовлеченностью и принятием риска, которые в этой связи могут быть интерпретированы как формы выражения ДИ. Фактор контроля выражает интенциональность (позволяет распознавать ситуацию выбора), вовлеченность соответствует субъектности (актуализирует ценность проявления собственной активности), принятие риска является выражением ответственности (ассоциированной с процессами восприятия человеком причинно-следственных связей между жизненными событиями и собственной активностью). Данное концептуальное соответствие является возможным теоретическим обоснованием высокой психологической значимости качества личностной жизнестойкости, которая была показана в многочисленных отечественных и зарубежных эмпирических исследованиях [74; 94; 101; 120; 138; 189; 199].

Вместе с тем, как актуальное смысловое состояние, так и диспозиции интернальности реализуются в психологическом процессе в рамках ценностно-смысловой структуры какой-то конкретной ситуации выбора и потому должны быть исследованы в конкретном ситуационном контексте.

Таким образом, можно выдвинуть предположение, что продуктивность актуального смыслового состояния и активность диспозиций интернальности, выраженная в факторах жизнестойкости, рассмотренные в комплексе, являются установочно-смысловыми детерминантами интернальности, обуславливающими процессы осуществления человеком личностного выбора.

2.3 Организация и методы эмпирического исследования

Для достижения цели и проверки гипотез диссертационной работы нами была определена программа эмпирического исследования, направленная на изучение обусловленности характера осуществления личностного выбора установочно-смысловыми детерминантами интернальности. Программа включала определение выборки респондентов, формирование комплекса диагностических методик, составление плана статистической обработки данных, сбор данных, количественный и качественный анализ результатов исследования.

Целью эмпирического исследования явилось верифицировать предположение о том, что характер осуществления человеком выбора в конкретной ситуации в значительной мере обусловлен комплексным действием ряда личностных факторов: во-первых, активностью специфических смысловых диспозиций, регулирующих направленность сознания на осуществление интернального выбора, и, во-вторых, интегральными показателями качества процессов синхронизации временных модусов локализации смыслов в субъективной реальности – комплексным уровнем осмысленности субъективного прошлого, настоящего и будущего, т. е. продуктивностью актуального смыслового состояния.

К задачам эмпирического исследования относилось:

1. Определить эмпирические признаки интернального характера осуществления личностного выбора.
2. Верифицировать показатели жизнестойкости личности и продуктивности актуального смыслового состояния в качестве установочно-смысловых детерминант интернальности.
3. Изучить взаимосвязи установочно-смысловых детерминант интернальности с показателями характера осуществления личностного выбора.

В исследовании приняли участие студенты социально-психологического факультета (института) Кемеровского государственного университета разных лет обучения в возрасте от 17 до 23 лет (средний возраст 19,6 лет), всего 166 человек.

Обследование проводилось письменно, в групповой форме, в условиях учебной аудитории, в дневное время. Выбор студентов в качестве модельной группы эмпирического исследования оправдано адекватностью социотипической ситуацией выбора, когда в выборах, связанных с приобретением профессии осуществляется самоопределение человека [36; 37; 73].

Сбор эмпирического материала не включал в себя какие-либо персональные данные, позволяющие идентифицировать личности респондентов, в связи с чем, соглашений о конфиденциальности не заключалось.

Методический аппарат исследования. Формировании батареи психодиагностических методов основывалось на выдвинутой гипотезе и проведенном теоретическом анализе. Подбор психодиагностического инструментария осуществлялся согласно критериям валидности и надежности методик, их оптимального объема и содержания, поставленным исследовательским задачам, объекту и предмету исследования. В исследовании были использованы следующие основные психодиагностические методики.

Оригинальная анкета для изучения качества и структуры мотивационных аргументов осуществленного выбора. Анкета нацелена на получение данных об аргументации осуществления выбора обучения в ВУЗе по направлению подготовки «психология», позволяющих судить о личностном смысле и мотивации такого выбора. Анкета разработана специально для студентов психологического факультета и состоит из 10 открытых вопросов и неоконченных предложений, прямо или косвенно относящихся к мотивации выбора специальности обучения.

Вопросы сформулированы таким образом, чтобы респондент мог в форме утверждений раскрыть различные аспекты личностного смысла осуществленного выбора, относящиеся как к его предпосылкам и мотивации, так и к осмыслению результатов. Вопросы затрагивают причины выбора, внутренние и внешние события и обстоятельства выбора, личностное значение результата выбора, личное отношение к объекту выбора, причины и обстоятельства для возможного изменения принятого решения в настоящее время, приносящие удовлетворение и

неудовольствие аспекты результата выбора, а также аргументы, которыми респондент мог бы себя оправдать в ситуации проявления скептического отношения к совершенному им выбору со стороны значимых других. Кроме того, анкета содержит отдельный вопрос, какое бы направление обучения респондент выбрал сейчас, если бы снова оказался в ситуации выбора. Инструкция к анкете содержит прямой призыв давать развернутые ответы и избегать односложных неполных формулировок. Полная форма анкеты представлена в приложении А. Все участники исследования получали одинаковый вариант анкеты. Порядок и ход обработки результатов анкетирования подробно изложен в параграфе 3.1.

Опросник «Субъективное качество выбора» (СКВ) в кратком варианте (16 шкал) использовался для выявления процессуальных особенностей субъективного конструирования респондентами выбора специальности обучения [94; 96]. Данная методика, построенная по типу семантического дифференциала Ч. Осгуда, состоит из набора биполярных дескрипторов с 7 градациями между полюсами. Задача испытуемого заключается в оценке по предложенным шкалам процесса уже совершенного или совершаемого в данный момент выбора и его результата – принятого решения. Качественный анализ факторной структуры СКВ, проведенный разработчиками [96], позволил выделить три инвариантных параметра описания субъективного конструирования процесса выбора и один параметр описания субъективного конструирования его результата.

Содержательно факторы процесса выбора интерпретируются следующим образом: основательность выбора (обдуманый, добросовестный, ответственный выбор, выбор как деятельность – спонтанный выбор, выбор как реакция); бесконфликтность выбора (эмоционально положительное отношение к выбору – амбивалентное отношение к выбору); самостоятельность выбора (автономный, свободный выбор – зависимый, вынужденный выбор). Субъективное качества результата выбора представляется через параметр «удовлетворенность выбором» (принятие сделанного выбора – сомнение в выборе). В целом под субъективным конструированием выбора понимается «единство когнитивной репрезентации совершаемого выбора, эмоционального отношения к нему и внутренней позиции,

проявляющейся в степени осознанности и активности отношения субъекта к совершаемому выбору» [197]. Используемая форма опросника, включая текст постановки задачи представлена в приложении Б.

Тест смысложизненные ориентации (СЖО) разработанный и адаптированный Д. А. Леонтьевым на основе теста PIL (Purpose-in-Life Test) Дж. Крамбо и Л. Т. Махолика [98]. Методика представляет собой 20 симметричных шкал состоящих из пар целостных альтернативных предложений. Показатели теста включают в себя общий показатель осмысленности жизни (ОЖ) и пять субшкал, отражающих три конкретные смысложизненные ориентации и два аспекта интернальности:

1. «Цели в жизни» (цели в будущем, придающие жизни осмысленность, направленность и временную перспективу);
2. «Процесс жизни» (степень восприятия жизни и происходящих в ней событий как интересных и эмоционально насыщенных);
3. «Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией» (оценка пройденного жизненного отрезка);
4. «Локус контроля – Я» (степень веры в свои силы, оценки себя как сильной личности, обладающей свободой выбора);
5. «Локус контроля – жизнь или управляемость жизни» (степень уверенности в подконтрольности, управляемости жизни, возможности человека повлиять на нее).

В исследовании, в соответствие с задачами, применялся вариант методики, реконцептуализированный А. В. Серым и А. В. Юпитовым для диагностики типа актуального смыслового состояния [164] и уровня его продуктивности [163].

Для определения уровня продуктивности АСС рассматривались показатели по трем шкалам: «цели в жизни» (осмысленность субъективного будущего), «процесс жизни» (осмысленность субъективного настоящего) и «результативность жизни» (осмысленность субъективного прошлого). Провести сравнение уровней осмысленности прошлого, настоящего и будущего позволяет перевод значений результатов теста СЖО в стандартные значения

десятибалльной шкалы. Высокая осмысленность временных модусов локализации смысла диагностируется при 5 и более стандартных баллов по вышеназванным шкалам. Результаты менее 5 баллов соответствуют низкой осмысленности [165, с. 54–72]. Актуальное смысловое состояние, характеризуемое высокой комплексной осмысленностью по трем временным модусам, интерпретировалось нами как продуктивное. Общий показатель осмысленности жизни, а также значения по шкалам «локус контроля Я» и «локус контроля Жизнь» при анализе данных также рассчитывались с переводом в баллы стандартной десятибалльной шкалы.

Тест жизнестойкости. Тест был разработан С. Мадди в качестве психодиагностического инструмента, фиксирующего проявления жизнестойкости. Мы остановили свой выбор на данной методике, поскольку содержательно, факторы жизнестойкости, относимые к классу установок (диспозиций), вполне соответствуют предполагаемым диспозициям интернальности несмотря на то, что сама концепция жизнестойкости разработана в русле экзистенциальной психологии как эмпирическая попытка определить такой вариант личностного отношения к миру, при котором риск дезадаптации под влиянием стрессовых факторов жизни минимален. Концепция жизнестойкости показала свою практическую состоятельность по результатам множества исследований в различных прикладных областях. Вместе с тем до сих пор понятие жизнестойкости не было включено в общепсихологический контекст, раскрывающий общие принципы высокой психологической эффективности и универсальности этих установок. Жизнестойкость рассматривается в большей степени, как своеобразное ноу-хау, изобретение психологов, эффективная психологическая технология, а не как феномен общей психологии личности, подлежащий рассмотрению на соответствующем уровне обобщения.

Жизнестойкость, как психологическая характеристика личности, представляет собой систему убеждений человека о себе, о мире, об отношениях с миром. Это диспозиция, включающая в себя три сравнительно автономных компонента: вовлеченность, контроль, принятие риска. Выраженность этих

компонентов и жизнестойкости в целом препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессами и восприятия их как менее значимых [97].

Вовлеченность определяется как «убежденность в том, что вовлеченность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности». Человек с развитым компонентом вовлеченности получает удовольствие от собственной деятельности. В противоположность этому, отсутствие подобной убежденности порождает чувство отвергнутости, ощущение себя «вне» жизни.

Контроль представляет собой убежденность в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован. Противоположность этому – ощущение собственной беспомощности. Человек с сильно развитым компонентом контроля ощущает, что сам выбирает собственную деятельность, свой путь.

Принятие риска – убежденность человека в том, что все то, что с ним случается, способствует его развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, – неважно, позитивного или негативного. Человек, рассматривающий жизнь как способ приобретения опыта, готов действовать в отсутствие надежных гарантий успеха, на свой страх и риск, считая стремление к простому комфорту и безопасности обедняющим жизнь личности. В основе принятия риска лежит идея развития через активное усвоение знаний из опыта и последующего их использования. В исследовании использовалась версия теста жизнестойкости из 45 пунктов, адаптированная к русскоязычной выборке Д. А. Леонтьевым и Е. И. Рассказовой [Там же].

Российский опросник каузальных ориентаций (РОКО) применялся нами для диагностики выраженности тенденций респондентов к интернальному, экстернальному или безличному поведению. Русскоязычный опросник каузальных ориентаций является адаптированной Д. А. Леонтьевым, О. Е. Дергачевой, Л. Я. Дорфман версией опросника «Шкала общей каузальной ориентации» (The General Causality Orientation Scale) Э. Деси и Р. Райана [236].

Шкала разработана авторами в 1985 г. на основе собственной оригинальной теории самодетерминации [234; 235; 236; 255]. В контексте рассматриваемого подхода самодетерминация (или личностная автономия) рассматривается как ощущение и реализация свободы выбора человеком способа поведения и существования в мире независимо от влияющих на него сил внешнего окружения и внутриличностных процессов [42; 175, с. 103–122]. Особенности мотивационной сферы человека в сочетании с соответствующими когнитивными, аффективными и другими психологическими характеристиками определяются авторами как каузальная ориентация, которая может быть внутренней (интернальной), внешней (экстернальной) или безличной. Понятие каузальной ориентации отражает то, на что ориентируется человек, когда совершает тот или иной поступок. Человек может основываться на собственном автономном выборе – это внутренняя каузальная ориентация, на внешних требованиях или ожидаемой награде – это внешняя каузальная ориентация или на невозможности достижения желаемого результата никаким путем – это безличная каузальная ориентация. Опросник был создан для измерения того, в какой степени личность направлена на каждую из трех каузальных ориентаций. Э. Деси и Р. Райан считают, что на практике у человека присутствуют все три типа ориентаций, а индивидуальные различия выражаются в соответствующих пропорциональных соотношениях ориентаций.

Внутренняя каузальная ориентация. Люди с такой ориентацией оперируют внутренней мотивационной системой. При наличии внешней награды действие внутренней и внешней мотивационных subsystem смешиваются, и в этом случае внешне мотивированное поведение является выбранным самим человеком. У внутренне-каузальной личности проявляются тенденции испытывать чувства самодетерминации и компетентности. При внутренней ориентации высоки степень осознания своих основных потребностей и четкость использования информации для принятия решений о том, как себя вести, вследствие чего сильными являются чувство компетентности, самодетерминация и проявления воли. Это происходит в результате того, что информация, получаемая из среды и

от мотивационных структур, свободно проявляется в сознании в форме мотивов. Базу для формирования мотивов составляют осознаваемые эмоции, а сильное проявление воли и повышенный уровень самодетерминации приводят к тому, что понижается число шаблонных реакций. Такие люди способны обратить автоматизированное, шаблонное поведение в самодетерминированное, осознанно выбираемое, управлять своими реакциями по своему усмотрению. У внутренне-каузальной личности нет самообвинения в случае неудачи. Напротив, имеет место гибкое поведение, высока чувствительность к изменениям среды. Люди с такой каузальной ориентацией выбирают именно такой тип поведения, который необходим в данных условиях, и могут выбрать как внешне, так и внутренне мотивированное поведение в зависимости от того, что требует ситуация.

Внешняя каузальная ориентация. Для таких людей характерны стремления к сверхдостижениям. Они верят в зависимость получаемых результатов от поведения, и постоянно предпринимают различные действия, стараясь достичь все новых показателей. Стремясь достичь успеха, они находятся в постоянном поиске его внешних показателей. Такое поведение присуще так называемым людям типа А. В основе этой личностной ориентации лежит недостаток самодетерминации. Неудачи же достигнуть самодетерминации приводят к постоянным стрессам. Внешне-каузальная личность в основном оперирует внешней мотивационной субсистемой, что ведет к негибкости как в поведенческих реакциях, так и в процессе переработки информации. Внешние проявления поведения сходны с самодетерминацией, то есть имеет место совершение выбора. Но решения человека при этом базируются не на внутренних потребностях, а на внешних импульсах и критериях. Мотивы чрезмерно определяются внешними обстоятельствами. Наблюдается дефицит в управлении мотивами, а не в выборе поведения.

Деси и Райан считают, что такие люди потеряли связь с основными организмическими потребностями (в еде, компетентности и самодетерминации). Они ведут себя автоматически, шаблонно, а поведение управляется внешними импульсами и неосознаваемыми мотивами. Потеря чувства самодетерминации

замещается сильной потребностью в контроле. В результате контроля внешней мотивационной субсистемы происходит самообман человека, который продолжает считать, что в своей жизни действительно совершает самостоятельный выбор. Такой человек верит только в некоторые, не всегда реалистичные представления о себе, и действует соответственно им, а противоречащая этому информация остается в подсознании и блокируется. Та информация, которая осознается, проходит фильтрующий отбор.

Безличная каузальная ориентация. При данной личностной ориентации, считает Деси, возникает феномен «выученной беспомощности», поскольку такие люди «выучивают» [237], что среда не реагирует на их действия. Доминирует амотивирующая мотивационная субсистема с некоторыми проявлениями внешней мотивирующей. При этом сами они проявляют минимум самодетерминации и поведение в основном является автоматическим, шаблонным. Ориентация такого типа может являться предиктором сильных личностных нарушений.

Данная версия опросника представляет собой 26 ситуаций и три возможных способа поведения в ней; задача испытуемого заключается в оценке степени вероятности для него каждого из способов реакции с помощью 7-балльной шкалы. Три субшкалы методики соответствуют трем стратегиям принятия решений: автономия (осознанный и самостоятельный выбор личности), конформизм (уход от ситуации выбора либо опора на мнение других при его совершении) и безличность (выжидание).

Методика «семантический дифференциал времени» (СДВ). Методика разработана исследовательской группой научно-исследовательского психоневрологического института им. В. М. Бехтерева под руководством Л. И. Вассермана в качестве методического приема психодиагностики, отражающего «аффективные компоненты значений» [159]. Метод специально создан для исследования познавательных процессов человека в отношении времени; методика содержит ряд различных прилагательных, на основе которых каждый испытуемый может выразить свои «временные» переживания, субъективные представления о своем прошлом, настоящем и будущем.

«Семантический дифференциал времени» содержит 25 полярных шкал, на основе которых выделено 5 факторов. На каждой шкале полярные точки представлены прилагательными – антонимами, в известной мере метафорически характеризующими время. Оценка значения понятия по шкалам СДВ испытуемым позволяет поместить время в точку семантического пространства, для выделения основных измерений которого применялся факторный анализ.

Из 25 полярных шкал выделены следующие 5 факторов: активность времени (AB); эмоциональная окраска времени (ЭВ); величина времени (ВВ); структура времени (СВ); осязаемость времени (ОВ).

Два первых фактора совпадают полностью с факторами, выделенными Ч. Осгудом третий – фактор величины, аналогичен фактору «силы» по Ч. Осгуду. Два последних фактора специфичны для оценки времени, отражают особенности переживания времени – степень ощущения его реальности, необратимое сочетания последовательности и одновременности. Таким образом, специально сконструированные шкалы СДВ, характеризующие настоящее, прошлое и будущее время, позволяют оценить индивидуальные различия переживания личностью временных аспектов своей жизни.

Фактор активности (AB) показывает степень напряженности, активности, плотности, стремительности и изменчивости времени. При негативном (низком по величине) показателе этого фактора (преимущественно при психической заторможенности, апатичности, низкой мотивации) у пациента психологическое время кажется пассивным, постоянным, застывшим, расслабленным или даже пустым.

Фактор эмоциональной окраски (ЭВ) в существенной мере выражает удовлетворенность своим оцениваемым временем. Низкие показатели этого фактора указывают на относительно пессимистическое отношение испытуемого ко времени и к своей жизни. Особенно важно определить фактор «ЭВ» в отношении будущего времени, так как в этом отражается надежда на преодоление негативных переживаний. Отсутствие надежды, низкая поведенческая активность и мотивация жизнедеятельности сопровождается, как правило, депрессивным

состоянием. В таких случаях время кажется печальным, тусклым, тревожным, серым и темным. При положительном показателе фактора «ЭВ» время кажется радостным, светлым, цветным, спокойным и ярким.

Фактор величины (ВВ) отражает косвенно общий мотивационный потенциал и эмоциональное состояние пациента. Положительный показатель в отношении фактора «ВВ» отражает интуитивное представление, где время воспринимается длительным, большим, объемным, широким, глубоким. Отрицательный показатель фактора «ВВ» представляет собой психологическое время, которое можно описать в таких понятиях как маленькое, мгновенное, плоское, мелкое и узкое.

Фактор структуры (СВ) свидетельствует о развитии понятности, ритмичности, обратимости, непрерывности и неделимости познавательной структурой времени у пациента. Высокие положительные баллы данного фактора, например, в отношении своего будущего, показывают, что у испытуемого имеются определенные и хорошо разработанные планы в отношении будущего или достаточно точные представления о предстоящих событиях и деятельности. Отрицательный показатель этого фактора может свидетельствовать о том, что для пациента время кажется непонятным, неритмичным, делимым, прерывистым и необратимым.

Фактор осязаемости времени (ОВ) отражает степень реальности, близости, общности и открытости психологического времени. При ряде психопатологических синдромов, например при дереализации, восприятие времени пациента может изменяться весьма значительно, в том числе осязаемость изменения себя во времени. При отрицательном показателе фактора «ОВ» время воспринимается кажущимся, далеким, частным, замкнутым и неосязаемым.

В исследовании использована методика СДВ применительно к восприятию будущего времени. Ориентируясь на то, что, как указывает Л. И. Вассерман, «позитивное отношение к своему будущему включается в личностную мотивацию как совладающий компонент «Я» (личностный ресурс), тесно связанный с

надеждой и дающий человеку уверенность в своих психических силах для преодоления трудностей, в адаптации и защите от чрезмерной тревоги. Негативное же отношение человека к своему будущему является важнейшим показателем депрессии. Следовательно, переживания человеком времени, особенно своего будущего, является своеобразным индикатором его актуального психического состояния» [159].

В качестве диагностического признака мы ориентировались, прежде всего, на усредненный фактор «качество отношения к будущему времени», как среднее арифметическое от суммы значений пяти факторов, указанных выше. Именно суммарный фактор даёт диагностическую информацию о чувственной открытости субъективного будущего времени и его относительном мотивационном потенциале, а также свидетельствует о наличии или отсутствии выраженных в эмоциональном измерении личности дисфункциональных комплексов, ограничивающих продуктивность актуального смыслового состояния.

Шкала измерения чувствительности к отвержению из личностного опросника для измерения эмоционального отношения к общению А. Мехрабиана [252]. Шкала измерения чувствительности к отвержению состоит из 24 утверждений, отражающих то, в какой степени человек чувствителен к направленным на него со стороны партнеров по общению и взаимодействию эмоциям отвержения (враждебности, критики, недоверия, агрессии, проявления личностной и социальной инакости и т. п.), а также, в какой степени реакции на такие эмоции влияют на его поведение. На основании ранее проведенных предварительных исследований [54; 163] мы пришли к выводу, что фактической противоположностью продуктивности актуального смыслового состояния является повышенная напряженность психологических защит личности и ограничение способности к смысловой регуляции поведения в условиях эмоционального давления со стороны партнеров по общению. Данные по шкале чувствительности к отвержению использовались для уточнения специфики взаимосвязи в комплексе предполагаемых установочно-смысловых детерминант интернальности личности.

В ходе изучения методологических оснований исследования интернальной детерминации процессов осуществления личностного выбора были проанализированы категории отношение, интенциональность и смысл, как ряд взаимосвязанных интегративных психологических феноменов системного (синергетического) характера. Показано, что понятие интенциональность, как первичная смыслообразующая устремленность сознания к миру, имеет свое место среди категорий постнеклассической науки, и раскрывает психологический ракурс действия онтологической силы становления в психологических системах.

Феномен смысла представлен, с одной стороны, как универсальный принцип организации психологических систем, и с другой стороны, как непосредственное проявление интенциональности.

Смысловая организация жизненного мира человека обеспечивает возможность переживания им времени жизни – субъективной временной перспективы. Психологическое прошлое, настоящее и будущее являются временными модусами локализации смыслов, образуя пространственно-временную структуру субъективной реальности и находятся в сложной системе взаимосвязей и взаимовлияний в контексте смысловой организации личности.

С учетом представлений о личности как о сложной открытой саморазвивающейся системе и на основе концепции установочно-смысловой регуляции поведения в смысловой структуре личности предложено выделять особый класс управляющих параметров, относящихся к виду смысловых диспозиций, ориентированных на удовлетворение базовой личностной потребности в осуществлении выбора – диспозиции интернальности.

Введение понятия диспозиции интернальности оправдано целесообразностью допущения, что, реализуя три ключевых атрибута интернальности – интенциональность, субъектность и ответственность, они ориентируют сознание человека, соответственно, на: 1 – распознавание ситуации, как субъективно значимой ситуации выбора; 2 – проявление собственной

активности в отношении ситуации выбора; 3 – восприятие причинно-следственные связей между собственной активностью и её результатами. Таким образом, в совокупности описанный трехкомпонентный комплекс диспозиций в полной мере соответствует содержанию понятия интернальность личности, функционально определяя саму возможность осуществления человеком интернального выбора посредством формирования соответствующего отношения к актуальной ситуации.

Диспозиции интернальности, теоретически, функционируют в единстве с процессами синхронизации временных модусов локализации смыслов в субъективной реальности: актуальным смысловым состоянием. Распознавание ситуации выбора, реализуя аспект интенциональности, сопряжено с осмыслением целей (субъективного будущего), восприятие причинно-следственных связей между собственной активностью и её результатами, реализуя аспект ответственности, – с осмыслением опыта (субъективного прошлого), проявление собственной активности в отношении ситуации выбора (аспект субъектности) – с осмыслением настоящего. Таким образом, активность диспозиций интернальности сопряжена с продуктивностью актуального смыслового состояния и, гипотетически, образует с механизмами синхронизации временных модусов локализации смыслов целостный действующий комплекс.

В соответствие с результатами проделанной теоретической работы была определена программа и методы эмпирического исследования, результаты проведения которого представлены в главе 3.

3 ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ХАРАКТЕРА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТНОГО ВЫБОРА УСТАНОВОЧНО- СМЫСЛОВЫМИ ДЕТЕРМИНАНТАМИ ИНТЕРНАЛЬНОСТИ

3.1 Взаимосвязь интернальности личности с параметрами субъективного конструирования и структурой аргументации осуществленного выбора

Для выявления взаимосвязи показателей интернальности личности с параметрами субъективного конструирования и структурой аргументации осуществленного выбора, на первом этапе эмпирического исследования необходимо было изучить структуру аргументации выбора студентами специальности обучения в комплексе с параметрами его субъективного конструирования.

С этой целью были подвергнуты анализу данные, полученные по оригинальной анкете для изучения качества и структуры мотивационных аргументов осуществленного выбора. Для анализа был применен подход, предложенный Д. А. Леонтьевым и Н. В. Пилипко [88; 94, с. 114–121], в соответствие с которым, при подсчете общего количества смысловых единиц в аргументации выбора, каждая единица была отнесена к одной из качественных категорий: 1 – смысловые аргументы (См. Арг.), 2 – ситуативно-конъюнктурные и объектные аргументы (Сит. Арг.), 3 – Я-центрированные аргументы, в том числе оценочные суждения (Я-Арг.).

Общим основанием отнесения аргументов к группе смысловых являлся факт рассмотрения респондентом выбора под углом зрения его значимости для чего-то более важного, как отвечающего каким-то более общим потребностям, ценностям, жизненным целям и жизненным отношениям. В состав смысловых аргументов входят несколько содержательных областей разной степени обобщенности: 1 – ориентация на будущее, 2 – ориентация на других людей, 3 – возможности, связанные с практическим применением результатов выбора, и 4 – возможности, связанные с личностными смысловыми последствиями выбора

(устремленными в будущее личностные смысловые мотивы, как утверждение интенциональной и развивающейся личности).

Любые ситуативные обстоятельства, оказавшие влияние на выбор, а также аргументация от самой психологии, как от объекта выбора, игнорирующая индивидуальные особенности его субъекта, образуют категорию ситуативно-конъюнктурные аргументов.

Суждения респондентов о сделанном выборе через призму своих способностей, задатков и компетентностей, в том числе эмоционально-оценочных суждений, были отнесены к категории Я-центрированных аргументы. «Выдвижение этих аргументов опирается на наличное Я, а не связывается с целями, локализованными в перспективе будущего. Это аргументы “от субъекта”, но не от развивающегося интенционального субъекта, имеющего смысловую перспективу, а от субъекта заданного, стремящегося к подтверждению себя, каков он есть в данный момент» [88]. Сюда же были отнесены чисто эмоциональные аргументы и оценочные суждения, поскольку их смысл также сводится к констатации наличного «Я».

Кроме подсчета числа смысловых единиц аргументации мы рассчитали доли аргументов разных категорий от общего числа аргументов для каждого респондента, что позволило сделать выводы о структуре аргументации выбора (таблица 1).

В среднем студенты заявляли по 11,9 уникальных смысловых единиц аргументации, что на 1 единицу меньше общего среднего числа представленных аргументов (различия статистически значимы на уровне значимости $p = 0,01$). В структуре аргументации 34% относится к смысловым аргументам, среди которых около половины (44%) приходится на сумму аргументов связанных со стремлением помогать людям и устремленными в будущее личностными смысловыми мотивами, 31% всей аргументации относились к ситуативным обстоятельствам и внесубъектным аргументам, связанным с психологией как таковой, 35% аргументов было отнесено к группе центрированных на «Я», включая аргументы реактивно-эмоционального характера и соответствующие

оценочные суждения. Кроме того, 34% (56 чел.) респондентов заявили, что на момент проведения исследования ввиду тех или иных обстоятельств могли бы изменить решение о выборе обучаться по психологическому направлению подготовки.

Таблица 1 – Результаты анализа структуры аргументации выбора студентами специальности обучения (N = 166)

Параметр анализа аргументации выбора	Средн.	Мин.	Макс.	Ст. откл.
Кол-во аргументов всего (N арг. всего)	12,95	5,00	21,00	3,72
Кол-во уникальных аргументов (N уник. арг.)	11,90	4,00	21,00	3,81
Кол-во смысловых аргументов (N См. Арг.)	4,30	1,00	12,00	2,81
Доля смысловых аргументов (ф См. Арг.)	0,34	0,08	0,67	0,16
Кол-во аргументов интенциональных и ориентированных на людей (N См. Арг.1)	2,07	0,00	8,00	2,01
Доля См. Арг.1 / См. Арг. (интенциональные и ориентированные на людей / общее число смысловых аргументов)	0,44	0,00	1,00	0,32
Кол-во ситуативных аргументов (N Сит. Арг.)	3,66	0,00	8,00	1,79
Доля ситуативных аргументов (ф Сит. Арг.)	0,31	0,00	0,63	0,13
Кол-во Я-аргументов (N Я-Арг.)	3,95	1,00	8,00	1,76
Доля Я-аргументов (ф Я-Арг.)	0,35	0,13	0,62	0,14
Кол-во ситуативных и Я-аргументов (N Сит. Арг. и Я-Арг.)	7,61	3,00	12,00	2,44
Доля ситуативных и Я-аргументов (ф Сит. Арг. и Я-Арг.)	0,66	0,33	0,92	0,16
Доля респондентов, заявивших, что могли бы изменить решение в силу каких-либо обстоятельств	0,34			

Далее были проанализированы показатели процессуальной стороны сделанного респондентами выбора (таблица 2).

Анализ показал, что оценки осуществленного выбора специальности обучения по всем изученным параметрам значительно превышают порог «неопределенного» (16 баллов по шкалам) отношения. Таким образом, осуществленный студентами выбор в целом по выборке можно охарактеризовать как скорее добросовестный и ответственный, чем спонтанный и реактивный, скорее эмоционально позитивный, чем амбивалентный или удручающий и скорее самостоятельный, и свободный, чем вынужденный. Также в целом можно говорить, что респонденты скорее удовлетворены осуществленным выбором, чем испытывают в нем сомнения и неприятие.

Таблица 2 – Параметры процессуальной стороны выбора студентами специальности обучения по методике «Субъективное качество выбора» (СКВ), (N = 166)

Факторы СКВ	Среднее	Мин.	Макс.	Ст. откл.
Основательность выбора (Основ. выб.)	20,48	9,00	28,00	5,35
Бесконфликтность выбора (Бесконф. выб.)	21,92	16,00	28,00	3,55
Самостоятельность выбора (Самост. выб.)	23,04	16,00	27,00	3,74
Удовлетворенность выбором (Удовл. выб.)	22,35	12,00	28,00	4,44
Субъективное качество выбора (СКВ 0)	21,95	16,00	27,00	3,19

Далее было выдвинуто предположение, что распределение значений по измеренным показателям качества осуществленного выбора специальности обучения является неоднородным. В связи с этим, выборка может быть поделена как минимум на две подгруппы, имеющие качественные психологические различия, обобщенным признаком которых является интернальность, как интегральное личностное качество, а полученные в результате классификации типы осуществленного выбора можно охарактеризовать как более и менее интернальный (далее, интернальный и неинтернальный).

Для проверки корректности выдвинутого предположения были применены математические методы кластерного анализа. Для первичной оценки возможности группировки наблюдений на кластеры применялся метод иерархической классификации Варда с мерой близости по Евклидову расстоянию (рисунок 1).

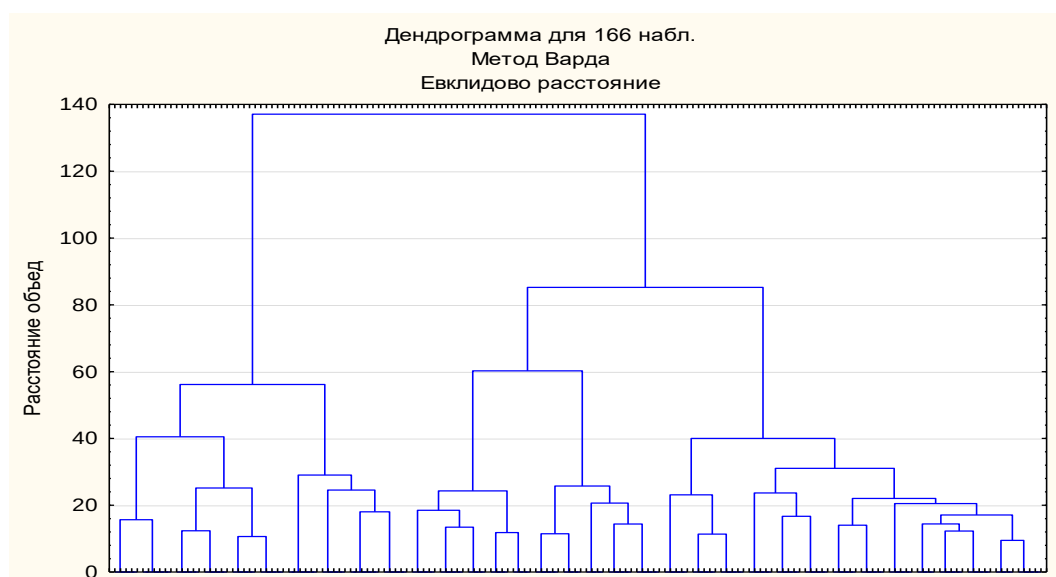

Рисунок 1 – Дендрограмма по результатам кластерного анализа методом Варда

Значения показателей перед кластеризацией были приведены к стандартной шкале (z-стандартизация по переменным). В качестве параметров кластеризации указывали 12 показателей структуры аргументации выбора (все имеющиеся, кроме признака, измеренного в номинальной шкале, «возможность изменить решение в силу каких-либо обстоятельств») (таблица 1), а также все показатели субъективного качества осуществленного выбора по методике СКВ (таблица 2).

Из рисунка 1 видно, что анализируемые данные могут быть сгруппированы, по меньшей мере, в два существенно удаленных кластера.

Для разделения выборки на 2 группы с точки зрения силы различий в показателях процессуальной стороны осуществления выбора использовался метод кластеризации k-средних. Входные данные для анализа не менялись. В результате кластеризации было получено 2 группы: 55 (33%) и 111 (67%) человек соответственно, значимо различающиеся по всем анализируемым признакам, кроме количества Я-центрированных аргументов. Выполненную классификацию условно обозначим «класс. № 1» (рисунок 2).

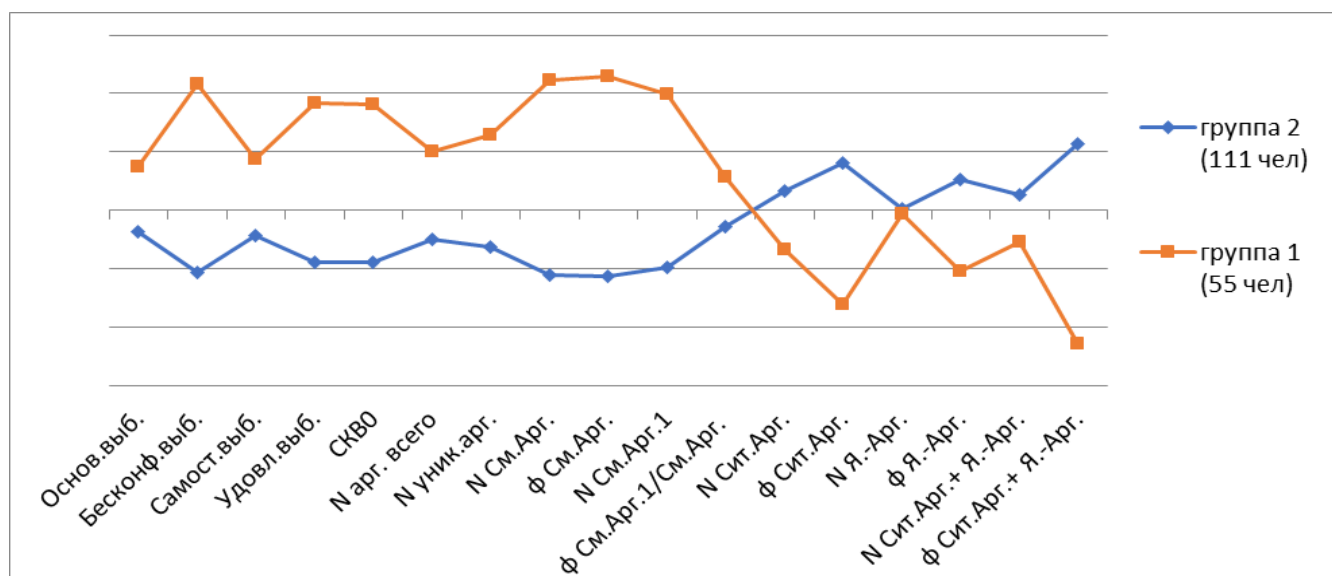

Рисунок 2 – Профили средних значений z-стандартизованных показателей качества осуществленного выбора для 2х групп, полученных кластерным анализом*

*В полученных кластеризацией группах, дисперсии всех признаков, кроме количества Я-центрированных аргументов отличаются на уровне значимости $p \leq 0,01$

Далее с помощью непараметрического U-критерия Манна–Уитни было проведено сравнение среднегрупповых значений выраженности параметров

Методика	Параметр	Средн. Гр.1	Средн. Гр. 2	U Манна-Уитни	Z Фишера	p-уров.
РОКО	Автономная КО	137,18	126,99	1911,0	-3,91	< 0,01
	Контролирующая КО	95,33	97,26	2970,5	0,28	0,78
	Безличная КО	73,47	84,59	1804,5	4,28	< 0,01
СЖО	Локус контроля «Я»	7,91	4,15	705,0	-8,05	< 0,01
	Локус контроля «Жизнь»	7,62	3,98	732,5	-7,96	< 0,01
СКВ	Основательность выбора	22,49	19,48	1918,5	-3,89	< 0,01
	Бесконфликтность выбора	25,73	20,03	269,5	-9,55	< 0,01
	Самостоятельность выбора	24,67	22,23	1811,0	-4,26	< 0,01
	Удовлетворенность выбором	26,40	20,34	589,5	-8,45	< 0,01
	Субъективное качество выбора	24,82	20,52	691,0	-8,10	< 0,01
Структура аргументации выбора	Кол-во аргументов всего	14,80	12,03	1920,5	-3,88	< 0,01
	Кол-во уникальных аргументов	14,36	10,68	1737,0	-4,51	< 0,01
	Кол-во смысловых аргументов	7,42	2,75	85,5	-10,18	< 0,01
	Доля смысловых аргументов	0,52	0,25	77,5	-10,20	< 0,01
	Кол-во аргументов интенциональных и ориентированных на людей)	4,05	1,08	520,0	-8,69	< 0,01
	Доля интенциональных и ориентированных на людей аргументов (от общего числа смысловых)	0,53	0,39	1995,0	-3,63	< 0,01
	Кол-во ситуативных аргументов	3,05	3,96	2367,0	2,35	0,02
	Доля ситуативных аргументов	0,20	0,37	920,0	7,31	< 0,01
	Кол-во Я-аргументов	3,89	3,97	2944,5	0,37	0,71
	Доля Я-аргументов	0,27	0,38	1681,5	4,70	< 0,01
	Кол-во ситуативных и Я-аргументов	6,95	7,94	2409,5	2,20	0,03
	Доля ситуативных и Я-аргументов	0,48	0,75	77,5	10,20	< 0,01
	Вариативность выбора**	0,18	0,41	2342,5	2,43	0,01
	Возраст респондентов	21,62	21,06	2099,5	-3,27	< 0,01

*В таблице выделены статистически значимые различия
** Вариативность выбора – заявление респондента о возможности изменить решение в силу каких-либо обстоятельств, измерено в номинальной шкале (сравнение распределения долей признака по группам представлено в таблице 4)

Сравнительный анализ показал, что для представителей группы 1 характерно существенное преобладание признаков личностной интернальности по сравнению с группой 2 (значимо большая выраженность субъективного контроля по шкалам теста СЖО локус контроля «Я» и локус контроля «Жизнь», существенно большая выраженность интернальных каузальных ориентаций (КО) и значимо меньшая выраженность безличных КО). Также представителям группы 1 соответствуют большие оценки субъективного качества выбора по всем шкалам опросника СКВ, что говорит о том, что их выбор специальности обучения был существенно более основательным и ответственным, более самостоятельным, автономным и эмоционально позитивным, чем в группе 2. Также представители группы 1 показывают существенно большую удовлетворенность результатом совершенного выбора. С большей удовлетворенностью результатом выбора согласуется тот факт, что только 18% представителей группы 1 (в отличие от 41% из группы 2) заявили о возможности изменить принятое решение в силу каких-либо обстоятельств, т. е. они более склонны воспринимать совершенный выбор как окончательный. Данные различия, согласно результатам оценки с помощью критерия Хи-квадрат с поправкой Йетса, также являются не случайными на высоком уровне значимости (таблица 4).

Таблица 4 – Сравнение долей распределения респондентов по группам, заявивших о возможности изменить решение по выбору специальности обучения в силу каких-либо обстоятельств (критерий Хи-квадрат с поправкой Йетса)

	Группы качества выбора	Альтернативы нет	Альтернатива есть	Всего
Частота	Группа 1	45	10	55
% по строке		81,82%	18,18%	
Всего процент		27,11%	6,02%	33,13%
Частота	Группа 2	65	46	111
% по строке		58,56%	41,44%	
Всего процент		39,16%	27,71%	66,87%
Частота	Всего	110	56	166
Всего процент		66,27%	33,73%	
Йетса Хи-квадрат = 7,891 (cc = 1, p = 0,005)				

В структуре аргументации осуществленного респондентами выбора между двумя группами также наблюдаются характерные, с точки зрения интернальности, различия. Можно констатировать, что представители группы 1 обозначили существенно большее количество уникальных аргументов выбора специальности обучения (14,36 и 10,68 единиц соответственно, что свидетельствует о большей развернутости аргументации), причем больше половины аргументов (52%) относятся к категории смысловых (в отличие 25% таковых в группе 2). В структуре смысловых аргументов 53% у представителей группы 1, в отличие от 39% в группе 2, связаны с интенциональными личностными мотивами и стремлением быть полезными для других людей (в абсолютных числах, среднее количество аргументов данного типа в группе 1 превосходит группу 2 на 3 смысловых единицы). В группе 2, напротив, 75% аргументов относятся к категориям не смысловых аргументов (37% ситуативной аргументации и 38% аргументов, связанных с утверждением наличествующего «Я» и соответствующими этому оценочными суждениями). Абсолютное среднее число Я-аргументов в двух группах не отличается, однако средняя доля данной аргументации в группе 2 значимо выше, чем в группе 1 (38% и 27% соответственно).

С целью уточнения силы и характера связи показателей личностной интернальности и изучаемых параметров качества осуществления выбора был проведен корреляционный анализ с помощью расчета непараметрического критерия корреляции Спирмена (таблица 5).

По результатам корреляционного анализа можно констатировать, что высокие показатели личностной интернальности ассоциированы, прежде всего, с большим количеством и относительной долей смысловых аргументов в структуре аргументации выбора и, соответственно с понижением числа и доли аргументов ситуативного и эго-центрированного характера. Также следует отметить выраженную связь интернальности с параметрами субъективного качества выбора, особенно в отношении эмоциональной бесконфликтности выбора и

удовлетворенности его результатом, а также качеством субъективного конструирования выбора в целом.

Таблица 5 – Результаты корреляционного анализа взаимосвязи показателей личностной интернальности и параметров качества осуществления выбора по коэффициенту ранговой корреляции Спирмена (N = 166)*

	Показатели	Авто- номная КО	Контро- лирующая КО	Безличная КО	Локус контроля «Я»	Локус контроля «Жизнь»
СКВ	Основ. выб.	0,02	-0,13	-0,18	0,17	0,22
	Бесконф. выб.	0,30	-0,11	-0,23	0,45	0,45
	Самост. выб.	0,15	-0,08	0,00	0,18	0,21
	Удовл. выб.	0,32	-0,11	-0,30	0,40	0,43
	СКВ 0	0,25	-0,15	-0,24	0,39	0,43
Структура аргументации выбора	N арг. всего	0,03	-0,08	-0,07	0,24	0,23
	N уник. арг.	0,06	-0,08	-0,11	0,32	0,30
	N См. Арг.	0,21	-0,03	-0,23	0,46	0,46
	φ См. Арг.	0,29	-0,01	-0,27	0,47	0,47
	N См. Арг. 1	0,10	-0,03	-0,24	0,35	0,31
	φ См. Арг. 1 / См. Арг.	-0,09	-0,05	-0,14	-0,02	-0,11
	N Сит. Арг.	-0,06	-0,06	0,04	-0,05	-0,04
	φ Сит. Арг.	-0,13	0,00	0,15	-0,32	-0,29
	N Я-Арг.	-0,15	-0,06	0,08	0,01	-0,05
	φ Я-Арг.	-0,20	0,02	0,16	-0,22	-0,25
	N Сит. Арг. и Я-Арг.	-0,15	-0,09	0,09	-0,03	-0,07
	φ Сит. Арг. и Я-Арг.	-0,29	0,01	0,27	-0,47	-0,47
* выделены значения коэффициентов корреляции, значимые на уровне $p \leq 0,05$						

Обращает на себя внимание то, что более высокие и значимые корреляционные взаимосвязи процессуальных показателей качества осуществления выбора выявлены со шкалами, отражающими именно интернальные тенденции – убеждения человека в способности контролировать события жизни и собственную личность (шкалы «локус контроля Я» и «локус контроля Жизнь» теста СЖО) и интернальной каузальной ориентацией, как тенденцией приписывать различным жизненным событиям причины, связанные с собственной активностью и поведением (шкала «интернальная» каузальная ориентация опросника РОКО).

Мы предположили, что обнаруженная особенность имеет неслучайный характер, а именно, что экстернальные тенденции влияют на качество

осуществления выбора не напрямую, а опосредованно, через ограничение выраженности интернальных тенденций или усиление выраженности безличных. Для проверки данного предположения мы определили кросскорреляционные связи между изучаемыми показателями личностной интернальности (таблица 6).

Из результатов анализа следует, что выраженность интернальных КО, в основном, связана с интернальными убеждениями и мало зависит от экстернальных и безличных тенденций. Безличная КО также связана (обратная корреляция) с интернальными убеждениями, а также, положительно сопряжена с контролирующей (экстернальной) КО. Вместе с тем, контролирующие КО, в отличие от других, не имеют прямой связи с интернальными убеждениями, что подтверждает предположение об опосредованном характере взаимосвязи экстернальных тенденций с показателями качества осуществления выбора, и говорить о том, что преобладание влияния экстернальной детерминации является основанием для выделения категории респондентов с уникальной психологической спецификой.

Таблица 6 – Значения кросскорреляций между показателями выраженности субъективного контроля, интернальной, экстернальной и безличной каузальных ориентаций по коэффициенту ранговой корреляции Спирмена (N = 166)*

Показатели	Авто- номная КО	Контро- лирующая КО	Безличная КО	Локус контроля «Я»	Локус контроля «Жизнь»
Автономная КО	1,00	0,18	-0,11	0,36	0,39
Контролирующая КО	0,18	1,00	0,41	-0,05	-0,14
Безличная КО	-0,11	0,41	1,00	-0,39	-0,36
Локус контроля «Я»	0,36	-0,05	-0,39	1,00	0,73
Локус контроля «Жизнь»	0,39	-0,14	-0,36	0,73	1,00
<i>* выделены значения коэффициентов корреляции, значимые на уровне $p \leq 0,05$</i>					

На основе результатов проведенного сравнительного анализа сделано заключение, что выделенные с помощью метода кластеризации 2 группы респондентов действительно следует отнести к двум качественно различным категориям людей. Различия в структуре аргументации и показателях субъективного качества осуществленного выбора специальности обучения в двух

полученных группах сопряжены со значимыми различиями в выраженности признаков личностной интернальности, а сами качественные показатели осуществления выбора в значительной мере взаимосвязаны с этими признаками, причем взаимосвязи имеют предсказуемый и психологически корректный характер.

3.2 Особенности аргументации осуществления интернального выбора

С целью формирования обобщенных содержательных картин и выявления особенностей аргументации интернального выбора обратимся непосредственно к данным респондентами аргументам.

Как отмечалось выше (таблица 3), в аргументации выбора специальности обучения у представителей группы 1 52% аргументов были классифицированы как смысловые, а у представителей группы 2 доля таковых составила 25%. Представители группы 1 в среднем отмечали 7,42 единиц смысловых аргументов, а группы 2 2,75 единиц. Также у представителей группы 1 53% смысловых аргументов связаны с интенциональными и человеко-ориентированными устремлениями, а в группе 2 доля таких аргументов составляет 39%. Таким образом, можно ожидать, что тематический репертуар смысловых аргументов в группе 1 шире и богаче, чем в группе 2, а смысловые акценты в аргументации имеют характерную специфику.

В обеих группах представлены смысловые аргументы всех подкатегорий: ориентация на будущее в целом, ориентация на то, чтобы быть полезным другим людям, на перспективу какого-либо практического применения получаемых знаний и интенциональная мотивация на личностное становление посредством получения психологического образования.

Представители обеих групп указывали в качестве основания совершенного выбора свое стремление овладеть профессией психологической направленности и профессионально заниматься соответствующей работой. Представители группы 1 выражали это основания в таких формулировках: «интересна профессия

психолога», «желание работать по этой специальности», «чтобы работать психологом», «получить диплом психолога», «преподавать этот предмет», «работать психологом в МВД» и пр. Представители группы 2 также указывали на устремление получить профессию, однако их реплики были менее конкретны и ограничились такими выражениями, как «получить профессию», «хочу и могу здесь работать», «стремлюсь работать в этой сфере».

Представители обеих групп заявляли о своем стремлении посредством психологии в дальнейшем помогать людям. В группе 1 встречаются такие формулировки, как «помогать людям», «квалифицированно помогать людям», «принести пользу обществу (чтобы психологические знания были полезны)», «сделать мир лучше», «изменить себя и мир», «работать с детьми», «с помощью психологии находить нужный / индивидуальный подход к детям», а также просто «потому что люблю людей». В целом, в группе 1 чаще звучали заявления о желании принести пользу людям вообще, и обществу, детям в частности. О пользе, именно как о помощи людям в решении проблем чаще говорили представители группы 2 (например, «желание помогать», «хочу помогать», «помогать в трудных жизненных ситуациях», «помогать качественно», «помогать разбираться в себе» и пр.). Тем не менее, содержание аргументов по теме «помогать людям» в целом сопоставимо в обеих группах, и межгрупповые различия по данной категории аргументов имеют количественный и структурный характер.

В группу смысловых практико-ориентированных аргументов вошли заявления, объединенные принципом, «изучаю психологию, чтобы решить какие-то прикладные задачи», а также демонстрирующие интерес к практической части обучения психологии. Представители обеих групп говорили об изучении психологии для познания и понимания (себя, других людей, общества в целом, человеческой природы, причин событий, поступков и поведения, чтобы видеть с правильной точки зрения, понимать механизмы поведения и пр.). Также говорили о психологии как инструменте и способе саморазвития (иметь возможность развиваться, проработать личные сложности, разбираться в психологических

проблемах, научиться справляться со стрессом, горем и т.п.). Представители обеих групп заявляли о значимости возможности посещать практические курсы, «практикоориентированные занятия, дающие опыт и позволяющие проверить себя в действии», «применять полученные знания в повседневной жизни». Однако у представителей группы 2 выделяется тема изучения психологии для освоения способов влияния на других людей («научиться управлять людьми», «манипулировать», «налаживать контакт», «расширять репертуар психотехник», и пр.). Также в обеих группах представлена тема обучения по психологическому направлению с целью повышения социального статуса: «чтобы получить научную степень», «иметь высокооплачиваемую / престижную работу», «стать востребованным специалистом». Однако, в общей структуре, аргументация прагматического (практико-ориентированного) характера более широко выражена у представителей группы 2.

Особый интерес представляет содержание аргументов, имеющих в себе признаки субъектной позиции и интенциональной устремленности в будущее, на личностное развитие. Здесь присутствуют формулировки, свидетельствующие, что выбор психологии является именно выбором («это мой выбор», «моё решение», «моя ответственность», «не видела себя никем другим», «не зря теряю время», «поступаю туда, где хочу учиться», «не хочу быть сапожником без сапог», «поняла, что это моё», «всё равно бы выбрала психологию», «осознала, что хочу жить по-другому», «после осмысления своих желаний и планов на будущее»). Широко представлены заявления о желании сформировать, улучшить и развить свою психологическую культуру: «лучше понимать себя», «лучше понять людей» «лучше понимать природу человеческой психики», «узнать больше о себе», «развить положительные качества: терпеливость / открытость / человеколюбие», «научиться думать», «иметь высокий уровень ответственности» и т. п. Следует отметить присутствие здесь темы самореализации («самореализоваться», «узнать себя, связать это с будущим», «изучение психологии изменило меня», «толчок к саморазвитию / осмыслению», «есть доля творчества»). Также выделяется комплекс утверждений,

раскрывающих важность качественного и целенаправленного профессионального становления: «стать высококвалифицированным / компетентным специалистом», «правильно применять знания», «желание углубиться в интересующую сферу (клиническую психологию)», «получать психол. знания, кот стали бы базой для дальнейшего обучения психотерапии», «не бывает плохих профессий, бывают плохие специалисты», «повышение профессиональной квалификации», «стать профессионалом-психологом». Содержание данной категории аргументов в двух группах сопоставимо, однако в группе 1 общая представленность интенциональной аргументации существенно выше (53% от всей категории смысловых аргументов в группе 1, и 39% в группе 2).

В заключение обзора содержания смысловой аргументации отметим, что в целом, представители группы 1 ориентированы в большей степени на использование психологических знаний для пользы общества, чем на решение психологических проблем отдельных людей (как в группе 2), имеют более выраженный (по сравнению с группой 2) интерес к качественному профессиональному становлению, чем к прагматическому использованию получаемых знаний в личных целях, чаще выражают субъектную позицию в отношении осуществленного выбора. И наконец, аргументация смыслового типа у них имеет более широкий репертуар и существенно большую представленность в структуре аргументации осуществленного выбора специальности обучения по сравнению с группой 2 (таблица 3).

При анализе содержания ситуативно-конъюнктурной и объектной аргументации (далее, ситуативной) было выявлено, что представители групп 1 и 2 в среднем суммарно сформулировали по 3 и 4 аргумента ситуативно-объектного характера соответственно. Однако доля этих аргументов от общего числа в группе 1 значительно ниже, чем в группе 2 (20% и 37%).

В группе 1 среди ситуативных аргументов выделяются следующие темы: поддержка решения о выборе психологии со стороны родителей или других значимых взрослых, а также их интерес к этой отрасли знания («мои родители интересуются психологией», «наглядный пример маминой подруги, всю жизнь

проработала психологом», «бабушка психолог, заинтересовала психологией», «мнение и участие родителей», «поддержка родителей» и т.п.). Аргументы такого рода почти полностью отсутствуют во второй группе.

Как в первой, так и во второй группе встречаются заявления о влиянии личного опыта знакомства с психологическим знанием: «чтение психологической литературы», «изученная до этого литература», «книги», «общение с преподавателями», «интересный психолог в школе», «постоянно можно обсуждать жизненные вопросы», «каждый день всё больше узнаем о людях, их проблемах» и т. п. Однако, у представителей группы 2 значительно в большем разнообразии представлены аргументы, связанные с влиянием общения респондента с другими людьми вообще: «друзья / молодой человек посоветовали», «рекомендации окружающих», «возможность общения с приятными людьми», «удачный / неудачный коллектив», «подражание значимому взрослому» и пр. В этих аргументах прослеживается акцент на мотиве общения как таковом, личностная позиция в отношении психологии как объекта выбора здесь мало выражена. В группе 1 ситуативные аргументы «от общения» также представлены, но не столь широко. Например, можно встретить такие формулировки: «только не потому, что кто-то сказал туда идти», «все знакомые говорили, что мне нужно поступить именно туда», «родители были не против».

Примечательно, что основной по объему представленности среди ситуативных аргументов у группы 2 является аргументация от ситуации поступления в ВУЗ, неконтролируемых случайных обстоятельств и по пути наименьшего сопротивления. Встречается множество высказываний такого содержания: «прошла при поступлении на данное направление, «баллы ЕГЭ», «были сданы экзамены», «выбранный профиль обучения в школе», «наличие бюджетных мест», «просто сдавала экзамены в школе», «подходящие экзамены», а также «не было желания ехать в другие города», «ВУЗ недалеко от дома», «случайность» и т.п. Среди представителей группы 1 подобного рода ответов практически не наблюдалось.

К объектной аргументации отнесены высказывания о психологии как таковой (например, «психология – это многогранный процесс», «психология охватывает все сферы жизни», «сложная и многогранная наука», «это понимание всего вокруг и себя», «узнавание психологии людей», «проведение, обработка и интерпретация методик», «процесс познания природы человека» и т.п.), а также высказывания, декларирующие проявления субъективного интереса к дисциплине с акцентом на объекте (например, «что-то новое, неизвестное, секретное», «интересно», «интересный процесс обучения», «интересный материал», «зачастую занятия проводятся с показательными примерами», «интересуюсь психологией», «психодиагностика и семейная психология поглотила меня», «изучение предметов» и т.п.). В целом, содержание данной категории аргументов, ввиду акцента на объекте, носит малоинформативный характер и представлены они примерно в равной степени в обеих группах. Большинство респондентов, так или иначе, выразили мнение о том, что им интересна содержательная сторона обучения по психологическому направлению подготовки.

В заключение обзора содержания ситуативной и объектной аргументации выбора специальности обучения отметим, что для группы 1 больше характерен акцент на влияние отношения к сделанному выбору со стороны родителей или других значимых старших и влияние личного опыта погружения в психологическое знание, а для группы 2 больше характерен акцент на констатацию наличия неконтролируемых ситуативных обстоятельств, позволивших поступить в ВУЗ по пути наименьшего сопротивления.

Далее охарактеризуем содержание аргументов осуществления выбора Я-центрированного характера. Представители групп 1 и 2 в среднем сформулировали по 4 аргумента данной категории. При этом доля этих аргументов от общего числа в группе 1 значимо ниже, чем в группе 2 (27% и 38%).

К аргументам Я-центрированного характера мы относили аргументацию от прошлого и нынешнего «Я» респондентов, когда в самих выражениях или их контексте, во-первых, не была обнаружена смысловая направленность в будущее

(т. е. мотив декларируется как таковой, без явного или контекстного уточнения, для чего большего респондент стремится к нему), и во-вторых, заявления о том, что выбор сделан, потому что респондент признает за своим «Я» необходимые предпосылки. Сюда же были отнесены суждения, выражающие оценочное отношение респондента к осуществленному выбору или каким-то его аспектам и обстоятельствам, а также заявления об отсутствии какой-либо личностной позиции или каких-либо значительных оснований для сделанного выбора.

В обеих группах наибольшее представительство в данной категории аргументов получили заявления, что выбор психологического направления обучения сделан ввиду малодифференцированного, эмоционального (не смыслового) по сути, предпочтения на уровне «хочу – не хочу», «нравится – не нравится» («хочу заниматься тем, что мне интересно», «для интереса», «попробовать что-нибудь новое», «личный интерес и рвение», «удовольствие», «на тот момент это было мне ближе и интересней», «интерес к чему-то новому», «каждый выбирает то, что приносит удовольствие», «долго не могла решить, чем займусь, т.к. мне многое интересно и все новое захватывает меня ещё больше», «увлекательный познавательный процесс», «увлечение», «захватывающее и увлекательное время препровождения», «для меня выбор данной специальности является наиболее удачным, поскольку сам процесс обучения не вызывает раздражения»).

Преимущественно в группе 1 встречаются аргументы, говорящие о том, что психология или какой-то аспект обучения является для респондента субъективно значимым, но без каких-либо смысловых пояснений: «свобода», «свобода выбора вектора изучения», «свобода мысли», «для меня важно получение знаний», «возможность развиваться и узнавать что-то новое», «больше принимать информацию, чем отдавать свою», «желание разобраться в людях», «получить полезные и интересные для себя знания, умения, навыки», «нравится наблюдать за другими», «понять себя и окружающих людей» (без смыслового контекста).

В обеих группах респонденты сообщали, что пришли к решению о выборе психологии ввиду тех или иных индивидуальных особенностей: «люблю помогать

людям», «если открыла бы в себе другие таланты», «в 5 классе решила, что хочу узнавать про психологию», «это уже было давно определено», «еще в школе понимала, что мой характер, темперамент имеют психологический склад», «собственные интересы», «с внутренними (при выборе) обстоятельствами было умиротворение», «ввиду несоответствия личностных особенностей (недоразвития каких-то из них) профессии», «внутренняя уверенность в том, что из меня выйдет хороший специалист», «мои способности позволили мне», «мои склонности и способности», «выбрала соц. псих, потому что нигде больше не смогла бы учиться», «т.к. нигде не могла бы учиться, для меня это было оптимальным выбором», «ушла бы, если бы понимала, что я абсолютно не способна работать в данной сфере».

В обеих группах значительная доля суждений выражала эгоцентрическую позицию о том, что принятое решение является собственным и не требует отчета перед кем-либо: «учусь, где желаю, где хочу», «мне было бы все равно», «каждому своё, каждый имеет право на выбор», «это моё дело, мой личный выбор никого не касается», «и мозг того, кто упрекнул меня уж явно не способен понять всю суть, да и не заслуживает объяснений», «я не обязана кому-то что-то доказывать», «пусть считает, как ему хочется», «а что скажут мне потом о моем выборе, меня это не волнует», «идиота не переспоришь».

В группе 2 отдельно следует выделить утверждения, демонстрирующие безличную позицию в отношении сути сделанного выбора: «я бы сказала, что вышка (высшее образование) глупости в любом случае», «не из-за того, что хочу стать психологом», «никаких причин выделить не могу», «можно сказать, что на психологию попала случайно», «модно, легко», «престижно».

Также в группе 2 представлены прямые заявления о том, что начали обучение чтобы получить статус выпускника: «получить образование», «получить диплом», «корочки о высшем образовании», «чтобы было высшее образование» и т.п. Причем, в отличие от подобных мотивов, отнесенных к категории смысловых аргументов, здесь были представлены свидетельства отсутствия у респондентов осмысленного стремления учиться именно психологии ради профессионального

служения людям или самосовершенствования, и на месте психологии могло быть что угодно.

Обобщая содержательную картину смысловой аргументации выбора в исследуемых группах необходимо отметить, что в аргументации выбора у представителей группы 1 больше прослеживается ориентация на пользу и служение обществу, чем на решение психологических проблем отдельных людей, как в группе 2. Респонденты данной группы в большей степени ориентированы на профессиональное становление, чем на прагматическое использование психологических знаний в личных целях. У них также отмечается большая доля смысловых аргументов с признаками субъектной позиции и интенциональной устремленности на личностное развитие, чаще подчеркивается важность высокого уровня профессиональной квалификации. В целом респонденты данной группы представляют значительно больший репертуар смысловых оснований осуществленного выбора.

Необходимо отметить, что в обеих группах акцентируется важность прикладных аспектов психологического знания или обучения на психологическом факультете (психология, как инструмент познания; как инструмент саморазвития и самореализации; как то, что можно применять в повседневной жизни; как способ повышения социального статуса). Вместе с тем, доля ситуативной аргументации значимо выше во второй группе. Если для группы 1 характерен акцент на влияние отношения к сделанному выбору или объекту выбора со стороны родителей или других значимых старших, то для группы 2 большая часть ситуативных аргументов связана с констатацией доступности, легкости или безальтернативности поступления в ВУЗ на психологическое направление подготовки. Респонденты данной группы чаще отмечают в качестве основания выбора мотив общения, без выражения субъектной позиции в отношении объекта выбора. Ситуативные аргументы, связанные с влиянием личного опыта погружения в психологическое знание представлены в обеих группах.

Основной компонентой Я-центрированной аргументации в обеих группах являются аргументы реактивно-эмоционального характера, с ключевыми словами

«интересно, нравится, увлечение, удовольствие». Также респонденты обеих групп к значимым предпосылкам сделанного выбора относят такие индивидуальные особенности как качества характера и темперамента, личные интересы и предпочтения, способности и таланты.

Обе группы продемонстрировали выраженное присутствие утверждений эгоцентрического характера, сводящихся к формуле: «выбираю, что хочу и не собираюсь ни перед кем отчитываться», при этом, в группе 2 встречаются утверждения, выражающие безличное или легкомысленное отношение к сделанному выбору, выражающееся в том, что выбор психологии сделан ради формальной стороны получения высшего образования.

В целом, представители обеих групп показали сопоставимое содержание аргументов Я-центрированного характера. Ключевым отличием между группами по этой категории аргументов следует признать различную долю их представленности в общей структуре аргументации (группа 1 – 27%, группа 2 – 38%).

Полученные в результате теоретического анализа базовые признаки интернальности – субъектность, интенциональность и ответственность – в совокупности с результатами проведенного обобщения особенностей аргументации выбора в двух группах респондентов позволяют сформулировать эмпирические признаки интернальности аргументации выбора в конкретной ситуации.

К признакам интернальности относятся: 1 – развернутая смысловая аргументация, когда выбор рассматривается под углом зрения его значимости для чего-то более важного, как отвечающего каким-то более общим потребностям, ценностям, жизненным целям и жизненным отношениям респондентов; 2 – выраженная субъектная позиция в отношении объекта выбора; 3 – выраженные проявления познавательной мотивации; 4 – проявления ориентированного в будущее личностного интереса; 5 – ориентированность на профессиональное становление в выбранной области; 6 – проявление намерения оказаться полезным для других людей, посредством применения наработываемых

в результате обучения по выбранной специальности личностных и профессиональных компетенций; 7 – проявления мотивации достижения.

Признаки неинтернальности: 1 – выраженное преобладание ситуативных и эго-центрированных аргументов; 2 – проявления реактивной или безличной позиции в отношении ситуации выбора и его результатов; 3 – доминирование внесмысловых аргументов эмоционального характера и оценочных суждений, демонстрируемых в качестве значимых предпосылок и оснований осуществленного выбора; 4 – проявления мотивации избегания.

Следует отметить, что выделенные различия в содержании аргументации выбора специальности обучения имеют не столько абсолютный характер, сколько характер тенденций, акцентов. Результаты представленного содержательного анализа мы рассматриваем исключительно в совокупности с различиями в структуре аргументации выбора, причем значимости структурных различий придаём больший вес. В структуре аргументации выбора наиболее значимым признаком его интернальности следует признать преобладание доли аргументов смыслового характера.

Таким образом, выделенные в результате кластеризации однородной выборки группы респондентов можно характеризовать как людей, осуществивших интернальный и неинтернальный выбор, т. е. обобщенным признаком изученных межгрупповых различий является интернальность личности.

Представители группы 1 характеризуются следующими особенностями по сравнению с группой 2: 1 – они, в общем, более интернально ориентированы в оценках причин различных событий; 2 – отличаются значительно большей выраженностью убеждений в способности контролировать жизненные события и самого себя; 3 – их выбор специальности обучения являлся в значительно большей степени основательным, бесконфликтным и самостоятельным; 4 – им свойственна большая удовлетворенность результатом осуществленного выбора; 5 – они значимо реже допускают возможность изменения принятого решения; 6 – в среднем, более половины декларируемых ими аргументов выбора имеют

смысловой, а не ситуативный, реактивный или эго-центрированный характер (т. е. они преимущественно рассматривают объект выбора под углом зрения его значимости для чего-то более важного, как отвечающего каким-то более общим потребностям, ценностям, жизненным целям и жизненным отношениям); 7 – аргументация выбора у представителей группы 1 является более содержательной, развернутой и детализированной. Обнаруженные эмпирически межгрупповые различия следует обозначить, как эмпирические признаки интернального характера осуществления личностного выбора.

Другим существенным выводом является заключение о том, что экстернальные и безличные тенденции связаны с показателями качества осуществленного выбора не напрямую, а опосредованно, через ограничение выраженности интернальных тенденций.

Сделанные заключения позволяют утверждать, что интернальность действительно является существенным интегративным личностным фактором, ассоциированным с теоретически прогнозируемой вариабельностью таких характеристик осуществления личностного выбора, как параметры субъективного конструирования, структура и содержательные особенности его аргументации.

3.3 Обусловленность осуществления личностного выбора комплексом установочно-смысловых детерминант интернальности

На предыдущем этапе исследования мы установили, что в ситуации личностного выбора однородная выборка респондентов может быть поделена на два класса, характеризующихся значимыми различиями в структуре аргументации осуществляемого выбора и показателях субъективного качества выбора. В качестве интегральной характеристики межгрупповых различий была определена личностная интернальность, а выявленные межгрупповые особенности обозначены, как специфические признаки интернального характера осуществления личностного выбора.

Для проверки положения о том, что характер осуществления человеком выбора в конкретной ситуации в значительной мере обусловлен комплексом установочно-смысловых детерминант интернальности личности, необходимо было, во-первых, верифицировать показатели жизнестойкости личности и комплексной осмысленности субъективного прошлого, настоящего и будущего (продуктивности актуального смыслового состояния) в качестве установочно-смысловых детерминант интернальности, и, во-вторых, проанализировать взаимосвязи установочно-смысловых детерминант интернальности с процессуальными показателями осуществления выбора.

Было выдвинуто предположение, что при классификации общей выборки респондентов на основании выраженности значений по комплексу показателей жизнестойкости и осмысленности прошлого, настоящего и будущего распределение наблюдений по группам будет существенно совпадать с соответствующим распределением, полученным в ходе кластеризации на основе параметров субъективного качества и структуры аргументации осуществленного выбора (класс. № 1, п. 3.1 настоящей работы).

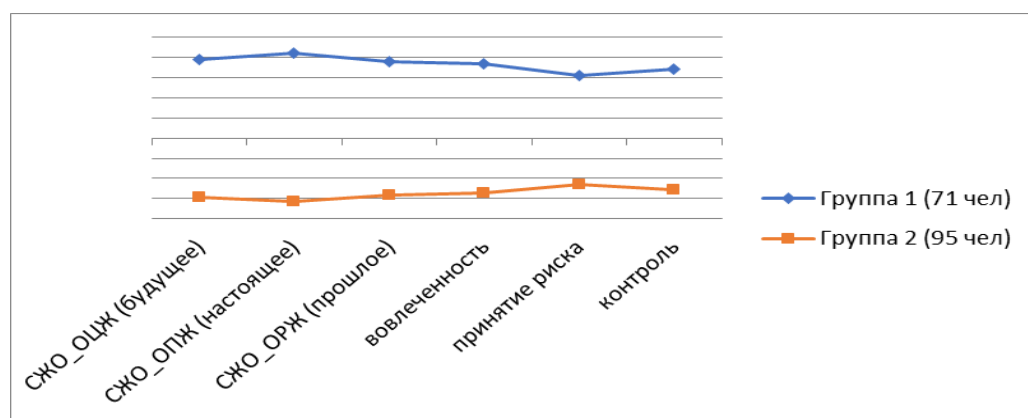
С целью проверки сделанного предположения была проведена классификация общей выборки с помощью метода кластерного анализа. В основание классификации положены эмпирические показатели факторов вовлеченности, контроля и принятия риска (тест жизнестойкости) и осмысленности прошлого, настоящего и будущего (тест СЖО).

Из рисунка 3 видно, что анализируемые данные могут быть сгруппированы, по меньшей мере, в два существенно удаленных кластера.

Рисунок 3 – Дендрограмма результатов кластерного анализа методом Варда, (N = 166)

Далее методом кластеризации k-средних выборка была разделена на 2 группы с точки зрения силы различий в показателях установок жизнестойкости и осмысленности жизни в регионах субъективного прошлого, настоящего и будущего. Входные данные для анализа не менялись. В результате было получено 2 значимо различающиеся группы: 71 (43%) и 95 (57%) человек соответственно. Полученную классификацию условно обозначим «класс. № 2» (рисунок 4).

СЖО_ОЦЖ – осмысленность целей жизни

СЖО_ОПЖ – осмысленность процесса жизни

СЖО_ОРЖ – осмысленность результата жизни

Рисунок 4 – Профили средних значений z-стандартизованных показателей осмысленности прошлого, настоящего и будущего, и установок жизнестойкости для 2х групп, полученных кластерным анализом*

*В полученных кластеризацией группах, дисперсии всех признаков, отличаются на уровне значимости $p \leq 0,01$.

Результаты полученной классификации были сопоставлены с группировкой респондентов, проведенной по показателям структуры аргументации и субъективного качества осуществленного выбора специальности обучения (класс. № 1). Анализ проводился на основе сравнения долей распределения наблюдений с применением таблиц сопряженности и расчетом критерия хи-квадрат с поправкой Йетса. Результаты анализа представлены в таблице 7.

Таблица 7 – Результаты сравнения распределения респондентов по группам в двух независимых классификациях (критерий Хи-квадрат с поправкой Йетса, N = 166)

	Группы интернальности выбора (класс. № 1)	Группа 2 (класс. № 2: низкие значения факторов)	Группа 1 (класс. № 2: высокие значения факторов)	Всего
Частота	Группа 1 (интернальный)	0	55	55
% по строке		0,00%	100,00%	
Всего процент		0,00%	33,13%	33,13%
Частота	Группа 2 (неинтернальный)	95	16	111
% по строке		85,59%	14,41%	
Всего процент		57,23%	9,64%	66,87%
Итого:				
Частота		95	71	166
Процент		57,23%	42,77%	100,00%
Йетса Хи-квадрат = 106,5871 (cc = 1, $p < 0,001$)				

Сравнение долей распределения наблюдений по группам, полученным в ходе двух независимых классификаций, показало, что данные классификации в высокой степени совпадают. А именно, 100% респондентов, отнесенных к группе студентов, сделавших интернальный выбор, были отнесены к группе с высокими значениями показателей предполагаемых установочно-смысловых детерминант интернальности. С другой стороны, 85,59% респондентов из группы совершивших неинтернальный выбор были классифицированы, как принадлежащие к группе с низкими значениями по данным показателям, а 14,41% – отнесены к группе с высокими значениями изучаемых факторов. Следовательно, сделанные классификации для 150 из 166 наблюдений (90,36%) совпали, доля несовпадения между классификациями составила менее 10%, а

уровень статистической значимости неслучайности схожести двух классификаций стремится к 100% ($p < 0,001$).

Таким образом, экспериментальные данные свидетельствуют о существенной и неслучайной сопряженности параметров, положенных в основание двух классификаций. Принимая во внимание, что жизнестойкость и продуктивность актуального смыслового состояния являются относительно устойчивыми личностными переменными, а структура аргументации и показатели субъективного качества выбора характеризуют процессуальную сторону выбора в конкретной ситуации, можно констатировать наличие между данными группами показателей причинно-следственной связи и предположить возможность обнаружения в качестве интегративного фактора, опосредующего данную связь, выраженность личностной интернальности.

В рамках проверки предположения о комплексном и взаимообусловленном характере влияния компонентов жизнестойкости и продуктивности актуального смыслового состояния на процесс осуществления личностного выбора и их верификации в качестве установочно-смысловых детерминант интернальности были проведены корреляционный и факторный анализ имеющихся выборочных данных, а также статистическое сравнение средних значений между группами респондентов.

Кросскорреляционный анализ значений показателей осмысленности субъективного прошлого, настоящего и будущего и установок жизнестойкости выявил высокий уровень согласованности между ними (таблица 8).

Корреляционная связанность предполагаемых установочно-смысловых детерминант интернальности свидетельствует об их значительной взаимообусловленности и сопряженности с латентным фактором, который может быть выделен с помощью математических операций. Для проверки проведен факторный анализ корреляционной матрицы (таблица 8) и выделена главная факторная компонента варибельности значений изучаемых параметров (таблица 9).

Таблица 8 – Результаты кросскорреляционного анализа показателей жизнестойкости и осмысленности субъективного прошлого, настоящего и будущего (значения коэффициентов ранговой корреляции Спирмена, N = 166)**

	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска	СЖО – ОЦЖ*	СЖО – ОПЖ*	СЖО – ОРЖ*
Вовлеченность	1,00	0,66	0,53	0,57	0,66	0,62
Контроль	0,66	1,00	0,57	0,51	0,63	0,58
Принятие риска	0,53	0,57	1,00	0,29	0,45	0,37
СЖО – ОЦЖ*	0,57	0,51	0,29	1,00	0,68	0,68
СЖО – ОПЖ*	0,66	0,63	0,45	0,68	1,00	0,77
СЖО – ОРЖ*	0,62	0,58	0,37	0,68	0,77	1,00
* СЖО – ОЦЖ – осмысленность целей жизни СЖО – ОПЖ – осмысленность процесса жизни СЖО – ОРЖ – осмысленность результата жизни ** Уровень значимости всех представленных корреляций $p \leq 0,05$						

Факторный анализ позволил выделить одну главную компоненту из вариабельности значений установок жизнестойкости и показателей осмысленности субъективного прошлого, настоящего и будущего. Выделенная главная компонента объясняет 64% дисперсий и высоко коррелирует с вложенными в анализ показателями (минимальная факторная нагрузка –0,61 с показателем жизнестойкости «принятие риска», максимальная факторная нагрузка –0,88 с показателем осмысленности процесса жизни).

Таблица 9 – Результаты факторизации показателей жизнестойкости и осмысленности субъективного прошлого, настоящего и будущего (N = 166)

Анализируемые показатели	Факторные нагрузки главной компоненты
Вовлеченность	–0,82
Контроль	–0,82
Принятие риска	–0,61
СЖО: осмысленность цели жизни	–0,79
СЖО: осмысленность процесса жизни	–0,88
СЖО: осмысленность результата жизни	–0,85
Собственное значение фактора	3,83
Доля общей объясненной дисперсии	0,64

Полученные в результате факторного анализа значения главной компоненты были добавлены в общую базу данных для проведения корреляционного анализа между главной компонентой изучаемых факторов,

Показатели		Главная компо- нента**	Жизнестойкость, факторы			СЖО, осмысленность		
			Вовле- ченность	Конт- роль	Прин. риска	Цели	Процесс	Рез-т
Жизнестойкость общая		-0,90	0,88	0,89	0,74	0,56	0,71	0,63
КО	Автономная	-0,35	0,31	0,22	0,11	0,43	0,34	0,28
	Безличная	0,44	-0,38	-0,48	-0,24	-0,32	-0,38	-0,38
	Контролирующая	0,07	-0,06	-0,07	-0,04	-0,02	-0,03	-0,12
СЖО	Осмысленность жизни общая	-0,91	0,66	0,64	0,41	0,88	0,87	0,85
	ЛК «Я»	-0,77	0,57	0,60	0,34	0,79	0,70	0,68
	ЛК «Жизнь»	-0,78	0,58	0,55	0,34	0,76	0,73	0,77
СКВ	Основательность	-0,27	0,23	0,29	0,30	0,14	0,19	0,18
	Бесконфликтность	-0,52	0,45	0,43	0,27	0,34	0,48	0,44
	Самостоятельность	-0,18	0,07	0,13	0,15	0,20	0,16	0,13
	Удовлетворенность	-0,58	0,54	0,46	0,40	0,48	0,48	0,43
	СКВ 0	-0,48	0,40	0,41	0,35	0,37	0,40	0,37
Структура аргум. выбора	Кол-во уник. аргументов	-0,32	0,35	0,25	0,22	0,27	0,22	0,24
	Смысл. арг.	-0,60	0,60	0,48	0,38	0,47	0,50	0,44
	Доля смысл. арг.	-0,61	0,58	0,49	0,37	0,48	0,52	0,45
	Кол-во сит. арг.	0,03	-0,03	-0,05	-0,04	0,04	-0,06	-0,01
	Доля сит. арг.	0,35	-0,35	-0,30	-0,24	-0,21	-0,30	-0,26
	Кол-во Я-арг.	0,04	0,01	-0,07	-0,06	-0,04	-0,02	-0,03
	Доля Я-арг.	0,31	-0,30	-0,28	-0,21	-0,25	-0,24	-0,23
Чувствительность к эмоциям отвержения		0,30	-0,30	-0,35	-0,21	-0,19	-0,27	-0,19
СДВ (усредненное значение факторов)		-0,43	0,25	0,31	0,23	0,39	0,44	0,39
* выделены значения корреляций, значимые на уровне $p \leq 0.05$								
**значения главной компоненты имеют обратный знак								

Результаты корреляционного анализа показали, что вариабельность главной компоненты в комплексе компонентов жизнестойкости и показателей осмысленности субъективного прошлого, настоящего и будущего статистически значимо коррелирует со всеми признаками интернального характера осуществления выбора (с субъективным качеством выбора ($R = -0,48$), количеством единиц аргументации выбора ($R = -0,32$), количеством и долей смысловых аргументов выбора ($R = -0,60$ и $-0,61$ соответственно); отрицательно: с долей ситуативных ($R = 0,35$) и Я-центрированных аргументов выбора ($R = 0,31$)). Также главная компонента изучаемых факторов имеет сильные положительные корреляции со шкалами теста СЖО локус контроля «Я» ($R = -0,77$), локус контроля «Жизнь» ($R = -0,78$), общая осмысленность жизни ($R = -0,91$), и умеренную положительную корреляцию с выраженностью автономной ($R = -0,35$) и отрицательную с выраженностью безличной ($R = 0,44$) каузальных ориентаций.

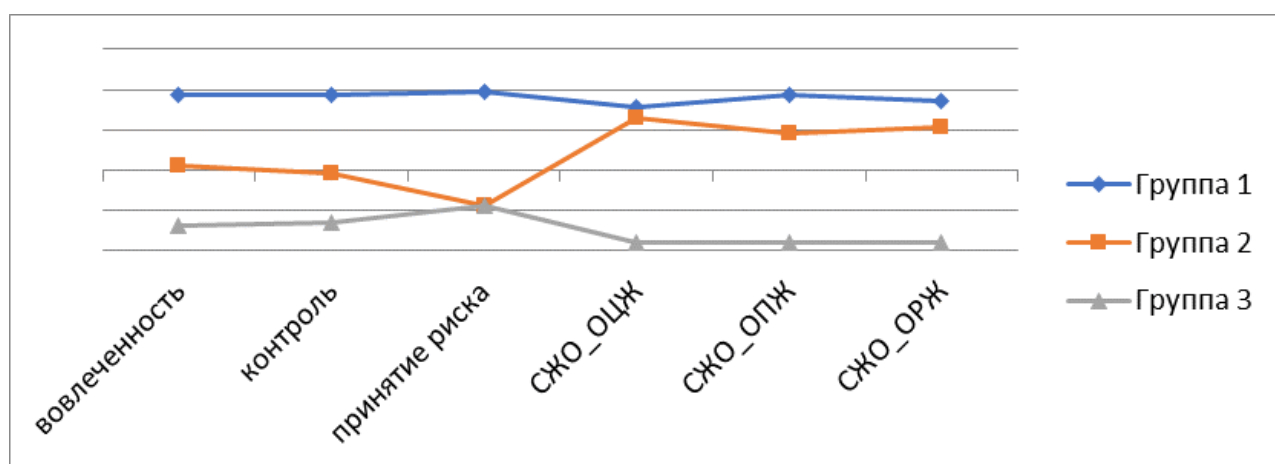
Таким образом, характер корреляционных отношений выделенной главной компоненты позволяет сделать вывод, что объединенные ей параметры являются, во-первых, значимыми детерминантами интернальности личности и, во-вторых, обуславливают характер осуществления личностного выбора.

Следует обратить внимание, что значения коэффициентов корреляции главной компоненты изучаемых факторов с тем или иным признаком в большинстве случаев выше, чем значения соответствующих корреляций для каждой из переменных фактора в отдельности. Данное наблюдение позволяет предположить, что влияние изучаемых детерминант на интернальность осуществления выбора имеет синергетический характер, и они должны рассматриваться именно в комплексе, что соответствует теоретическим положениям о психологических основаниях их взаимозависимости.

Для уточнения специфики влияния различных конфигураций компонентов в комплексе установочно-смысловых детерминант интернальности на характер осуществления личностного выбора в общей выборке респондентов была выделена группа, в которой значения установок жизнестойкости и показателей

осмысленности жизни не коррелируют между собой линейно. Проведено сравнение средних значений исследуемых показателей в этой группе с соответствующими значениями в группах, где высоким и низким значениям установок жизнестойкости соответствуют высокие и низкие значения осмысленности субъективного прошлого, настоящего и будущего. Иными словами, проанализированы психологические особенности респондентов, которые внесли вклад в ограничение силы прямой корреляционной взаимосвязи в комплексе установочно-смысловых детерминант интернальности личности.

Для реализации поставленной задачи выборка респондентов ($N = 166$) была подвергнута кластерному анализу с применением метода k -средних. Все показатели перед кластеризацией приведены к стандартной шкале (z -стандартизация по переменным). В качестве параметров кластеризации указывали 6 показателей: компоненты жизнестойкости и осмысленности субъективного прошлого, настоящего и будущего. В результате были выделены 3 группы респондентов: 52 (31%), 40 (24%) и 74 (45%) человека соответственно. Выполненную классификацию условно обозначим «класс. № 3» (рисунок 5).

*СЖО_ОЦЖ – осмысленность целей жизни

СЖО_ОПЖ – осмысленность процесса жизни

СЖО_ОРЖ – осмысленность результата жизни

Рисунок 5 – Профили средних значений z -стандартизованных показателей осмысленности прошлого, настоящего и будущего, и установок жизнестойкости для 3х групп, полученных кластерным анализом

На рисунке 5, а также в таблице 11 видно, что представители группы 1 и группы 3 являются типичными для группы 1 (интернальный выбор) и группы 2 (неинтернальный выбор) соответственно в выполненной ранее классификации по

процессуальным показателям осуществленного выбора (класс. № 1, класс. № 2). В группе 1 высоким значениям установок жизнестойкости соответствуют высокие значения осмысленности прошлого, настоящего и будущего (высокие в рамках выборки). В группе 3 обе группы факторов имеют низкие (в рамках выборки) значения. В группе 2, однако, относительно средним значениям показателей жизнестойкости соответствуют близкие к высоким значения осмысленности, что позволяет рассматривать эту группу, как переходную форму и ставить вопрос о её психологической специфике. Из 40 респондентов, отнесенный к группе 2, 30 человек относятся к респондентам, сделавшим неинтернальный выбор и 10 – интернальный (таблица 11).

Таблица 11 – Сравнение распределения респондентов по группам в классификациях «класс. № 3» (3 группы) и «класс. № 1» (2 группы)

	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Всего
Интерналы	45	10	0	55
Неинтерналы	7	30	74	111
Всего	52	40	74	166

При близких к относительно высоким (по выборке) значениям осмысленности субъективного прошлого, настоящего и будущего, но сниженной активности установок жизнестойкости (это основной формирующий группу 2 признак) мы наблюдаем снижение выраженности признаков интернального характера осуществленного выбора в сравнении с группой 1, где установки жизнестойкости проявлены сильно (таблица 12).

У группы 2 в сравнении с группой 1, значительно ниже показатели субъективного качества выбора, особенно по факторам основательности выбора, удовлетворенности результатом и общего СКВ. В отношении структуры аргументации выбора следует, прежде всего, отметить, что представители группы 2 показали значимо меньшее число уникальных аргументов осуществленного выбора, в том числе значительно меньше смысловых аргументов и их доли в структуре аргументации. В группе 2 отмечено значимое повышение

выраженности безличной каузальной ориентации, а также на уровне тенденции ($p = 0,1$) повышение выраженности контролирующей каузальной ориентации.

Таблица 12 – Результаты сравнения средних значений изучаемых параметров между группой 1 ($N = 52$) и группой 2 ($N = 40$), выделенных кластерным анализом (класс. № 3, статистика Манна–Уитни)*

	Показатели	Сред. гр. 1	Сред. гр. 2	Z- знач.	p- уровень
Жизне- стойкость	Вовлеченность	42,50	35,58	5,78	< 0,01
	Контроль	35,15	28,25	7,07	< 0,01
	Принятие риска	20,50	14,48	6,07	< 0,01
	Жизнестойкость общая	97,73	79,05	7,62	< 0,01
КО	Автономная КО	136,10	136,33	0,21	0,83
	Контролирующая КО	92,83	100,13	-1,63	0,10
	Безличная КО	72,38	81,48	-2,74	0,01
СЖО	Осмысленность жизни общая	7,71	7,00	3,35	< 0,01
	Осмысленность целей жизни	7,13	6,78	0,89	0,37
	Осмысленность процесса жизни	7,50	6,25	3,63	< 0,01
	Осмысленность результата жизни	7,25	6,30	2,22	0,03
	ЛК «Я»	7,50	7,05	1,53	0,13
	ЛК «Жизнь»	7,35	6,50	2,68	0,01
СКВ	Основательность выбора	23,06	18,28	3,91	< 0,01
	Бесконфликтность выбора	24,85	21,33	4,63	< 0,01
	Самостоятельность выбора	24,35	23,18	1,80	0,07
	Удовлетворенность выбором	25,94	21,13	4,30	< 0,01
	СКВ общее	24,55	20,98	5,07	< 0,01
Структура аргум. выбора	Аргументов всего	14,56	12,60	1,92	0,05
	Уникальных аргументов всего	14,13	11,58	2,02	0,04
	Смысловых аргументов	6,94	3,90	5,24	< 0,01
	Доля смысловых аргументов	0,49	0,32	5,08	< 0,01
	Ситуативных аргументов	3,40	3,75	-0,74	0,46
	Доля ситуативных аргументов	0,24	0,32	-2,98	< 0,01
	Я-аргументов	3,79	3,93	-1,32	0,19
	Доля Я-аргументов	0,27	0,36	-4,11	< 0,01
Вариативность выбора		0,15	0,60	-4,43	< 0,01
Чувствительность к эмоциям отвержения		-1,79	5,38	-2,05	0,04
СДВ (будущее время, усредненное значение факторов)		9,06	8,95	–	–
* Выделены статистически значимые различия, $p \leq 0,05$					

В группе 2 существенно выше доля респондентов, заявивших, что на момент проведения исследования могли бы изменить принятое решение в силу каких-либо обстоятельств, что может говорить о невысокой личностной

значимости непосредственных результатов осуществления выбора, а также о возможной подверженности внешним влияниям при осуществлении выбора, что противоречит интернальности как принципу. Последнее согласуется с фактом резкого повышения в группе 2, относительно группы 1, уровня чувствительности к эмоциям отвержения, что является значимым симптомом повышенной зависимости от чужого мнения и, соответственно, может свидетельствовать о некоторой неуверенности в себе, не способности удерживать субъектное состояние, что также противоречит принципу интернальности.

Вместе с тем, значения шкал, непосредственно свидетельствующих о личностной интернальности – шкала автономных каузальных ориентаций и локус контроля «Я» значимо не отличаются, а по шкале локус контроля «Жизнь» отличия хотя и значимые, но не сильные (разница в 0,45 единицы по 10 бальной интервальной шкале). То же касается показателей осмысленности жизни: имеют место статистически значимые, но не ярко выраженные межгрупповые различия по шкалам общей осмысленности жизни, связанной с различиями в осмысленности процесса и результата жизни (настоящего и прошлого), в то время как в отношении осмысленности субъективного будущего времени различий нет. Следовательно, нет оснований говорить о ярко выраженных межгрупповых различиях в уровне продуктивности актуального смыслового состояния. В этой связи, обращает на себя внимание, что у респондентов группы 2, как и в группе 1 наблюдается высоко позитивное восприятие субъективного будущего времени (по усредненному значению факторов семантического дифференциала времени), что, в комплексе с высокой осмысленностью целей жизни, свидетельствует о выраженном мотивационном потенциале будущего времени и общей открытости региона смыслов субъективного будущего.

Таким образом, с одной стороны, снижение активности установок жизнестойкости при достаточно высоком уровне продуктивности АСС (но при учете различий в осмысленности субъективного настоящего и прошлого) ассоциировано со снижением процессуальных показателей качества деятельности выбора, низкой удовлетворенностью его результатом, относительно

повышенными безличными и экстернальными тенденциями и высокой чувствительностью к эмоциям отвержения в межличностном общении. В структуре аргументации выбора у респондентов группы 2 не преобладают аргументы смыслового характера: доли аргументов смыслового, ситуативного и Я-центрированного характера примерно равны (32%, 32% и 36% соответственно).

С другой стороны, достаточно высокие показатели осмысленности жизни в комплексе с высокопозитивным восприятием субъективного будущего времени, высокие значения автономных, относительное повышение контролирующих каузальных ориентаций в совокупности с высокой чувствительностью к эмоциям отвержения, а также средний, но не низкий (по выборке) уровень общей жизнестойкости не позволяют обозначить данную группу как демотивированных неинтерналов с выраженным преобладанием тенденции к безличному отношению к выбору, но также и как группу простого линейного перехода от интернальности к неинтернальности. На наш взгляд, психологическая специфика представителей группы 2 позволяет говорить о качественном групповом своеобразии: отмеченные особенности соответствуют образу деятельной экстернально-ориентированной личности с тенденцией к поверхностному экстернально обусловленному отношению к ситуации выбора и её результатам. Сниженные показатели установок жизнестойкости при относительно высокой продуктивности АСС формируют особый вариант обусловленности личностного выбора с преобладанием тенденции к экстернальному типу детерминации его осуществления, при котором, наряду с интернально-смысловой обусловленностью процессов осуществления выбора существенную значимость приобретают факторы ситуативного и реактивно-эмоционального порядка.

Представляет интерес аналогичное сравнение средних показателей у представителей группы 2 и группы 3 (таблица 13). В группе 3 объединены респонденты с минимальным значением по выборке как установок жизнестойкости, так и осмысленности субъективного прошлого, настоящего и будущего (значения показателей осмысленности времен жизни в интервале от 2,32 до 2,59, что соответствует низкому уровню продуктивности АСС), причем

различия в показателях осмысленности являются основными формирующими при разделении групп 2 и 3.

Таблица 13 – Результаты сравнения средних значений изучаемых параметров между группой 2 (N = 40) и группой 3 (N = 74), выделенных кластерным анализом (статистика Манна–Уитни)*

	Показатели	Сред. гр. 1	Сред. гр. 2	Z- значения	p- уровень
Жизне- стойкость	Вовлеченность	35,58	29,62	5,11	< 0,01
	Контроль	28,25	23,96	3,85	< 0,01
	Принятие риска	14,48	14,41	–0,23	0,82
	Жизнестойкость общая	79,05	68,01	4,80	< 0,01
КО	Автономная	136,33	123,12	4,05	< 0,01
	Контролирующая	100,13	97,39	0,56	0,58
	Безличная	81,48	86,58	–1,76	0,08
СЖО	Осмысленность жизни общая	7,00	2,32	8,81	< 0,01
	Осмысленность целей жизни	6,78	2,47	8,04	< 0,01
	Осмысленность процесса жизни	6,25	2,59	7,87	< 0,01
	Осмысленность результата жизни	6,30	2,30	7,75	< 0,01
	ЛК «Я»	6,50	2,96	7,44	< 0,01
	ЛК «Жизнь»	7,05	3,03	7,09	< 0,01
СКВ	Основательность выбора	18,28	19,85	–1,68	0,09
	Бесконфликтность выбора	21,33	20,18	1,16	0,24
	Самостоятельность выбора	23,18	22,05	1,49	0,14
	Удовлетворенность выбором	21,13	20,49	0,66	0,51
	СКВ общее	20,98	20,64	0,30	0,76
Структура аргум. выбора	Аргументов всего	12,60	12,00	1,43	0,15
	Уникальных аргументов всего	11,58	10,51	2,03	0,04
	Смысловых аргументов	3,90	2,65	2,55	0,01
	Доля смысловых аргументов	0,32	0,25	2,93	< 0,01
	Ситуативных аргументов	3,75	3,80	0,18	0,86
	Доля ситуативных аргументов	0,32	0,36	–1,50	0,13
	Я-аргументов	3,93	4,07	0,79	0,43
	Доля Я-аргументов	0,36	0,39	–0,99	0,32
Вариативность выбора		0,60	0,32	2,83	< 0,01
Чувствительность к эмоциям отвержения		5,38	6,20	–0,44	0,66
СДВ (будущее время, усредненное значение факторов)		8,95	5,46	4,88	< 0,01
* Выделены статистически значимые различия, $p \leq 0,05$					

Из таблицы 13 видно, что непродуктивность АСС в группе 3 относительно группы 2 соотносится со снижением выраженности автономной каузальной ориентации и повышением (на уровне тенденции, при статистической значимости

$p = 0,08$) выраженности безличных каузальных ориентаций, резким снижением значений по шкалам локус контроля «Я» и локус контроля «Жизнь» теста СЖО, дальнейшим уменьшением в структуре аргументации осуществленного выбора общего количества уникальных аргументов, в числе которых количества и доли смысловых аргументов, которые в группе 3 достигают минимальных значений по общей выборке.

Обращает на себя внимание, что в данной классификации (класс. № 3) различия по структуре аргументации выбора между группой 1 и группой 2 более резкие, чем между группой 2 и группой 3, вместе с тем, показатели субъективного качества выбора групп 2 и 3 не отличаются, оставаясь на минимальном по выборке уровне. Из этого следует, что для процессуальной стороны личностного выбора установки жизнестойкости имеют большее значение, чем уровень комплексной осмысленности временных модусов смысла, в то время как показатели осмысленности жизни в большей степени ассоциированы с различиями в относительно устойчивых переменных личностного порядка, прежде всего, выраженности интернальных убеждений.

Примечательно, что в группе 3 доля респондентов, заявивших, что могли бы изменить принятое решение в силу каких-либо обстоятельств значительно ниже, чем в группе 2 и в меньшей степени отличается от группы 1 (32%, 60% и 15% соответственно), если учесть вышеописанные особенности представителей группы 3 можно предположить, что это скорее свидетельствует о безличном отношении к результатам осуществления выбора, чем об их смысловом ответственном принятии, как в группе 1.

Следует обратить внимание на особенности межгрупповых различий по показателям чувствительности к эмоциям отвержения и качества восприятия субъективного будущего времени в выполненной классификации (таблица 12, таблица 13). В группе 1 позитивное восприятие будущего соотносится с низкой чувствительностью к эмоциям отвержения, а в группе 3 картина обратная. Следовательно, группа 1 и группа 3 данной классификации (класс. № 3)

соответствуют группе 1 и группе 2 основных классификаций, где средние значения по этим показателям примерно равны (таблица 14).

Таблица 14 – Результаты сравнения значений показателей субъективного качества восприятия будущего времени и чувствительности к эмоциям отвержения в группах по классификациям «класс. № 1» и «класс. № 2» (t-тест Стьюдента) *

Наименование шкалы	Классификация по эмпирическим признакам интернальности осуществленного выбора (класс. № 1)			Классификация по установочно-смысловым детерминантам интернальности (класс. № 2)		
	Среднее Гр. 1 (N = 55)	Среднее Гр. 2 (N = 111)	t- знач.	Среднее Гр. 1 (N = 71)	Среднее Гр. 2 (N = 95)	t- знач.
Чувствительность к эмоциям отвержения	–2,49	6,47	–3,97	–2,01	7,62	–4,54
Качество восприятия будущего времени	9,00	6,65	4,40	9,23	6,08	6,60
* Все показатели различаются на уровне значимости $p \leq 0.01$						

Вместе с тем, в группе 2 (по класс. № 3) сниженным значениям факторов жизнестойкости при комплексной высокой осмысленности субъективного прошлого, настоящего и будущего соответствует высокопозитивное восприятие будущего времени, но одновременно и высокая чувствительность к отвержению. Следовательно, реакции чувствительности к отвержению в большей степени ассоциированы с выраженностью установок жизнестойкости, а качество восприятия будущего времени в первую очередь связано с продуктивностью актуального смыслового состояния. Отмеченная особенность группы 2 позволяет утверждать, что высокая чувствительность к эмоциям отвержения является специфическим предиктором (симптомом) значимого снижения активности диспозиций интернальности и играет существенную роль в генезе дисфункции способности к осуществлению интернального выбора в направлении либо экстернализации поведения (при условии достаточно высокой продуктивности АСС), либо разрыву связности субъекта и ситуации выбора (в случае низкой продуктивности АСС).

Анализ полученных данных позволяет сделать ряд заключений в отношении исследуемых феноменов.

Интернальность личности ассоциирована со специфическими процессуальными признаками при осуществлении личностного выбора, в частности, параметрами субъективного конструирования выбора, структурой и содержательными особенностями его аргументации.

Осуществление личностного выбора при выраженной личностной интернальности характеризуется как добросовестная, основательная, эмоционально бесконфликтная и самостоятельная деятельность при высокой степени субъективной удовлетворенности результатом выбора и невысокой вероятностью изменения принятого решения в будущем в силу ситуативных и эмоциональных влияний.

Для аргументации интернального выбора свойственна развернутость и детальность при значительном преобладании аргументов смыслового, а не ситуативного, реактивного или эго-центрированного характера. Отмеченные признаки значимо коррелируют со шкалами личностной интернальности и их следует рассматривать в совокупности, как комплекс эмпирических признаков интернального характера осуществления личностного выбора.

Ключевыми обобщенными качествами изученных признаков интернального характера осуществления выбора являются субъектность, интенциональность и ответственность в отношении ситуации выбора.

Экспериментальные данные свидетельствуют о существенной и неслучайной сопряженности выделенных эмпирических признаков интернального характера осуществления личностного выбора и комплекса личностных переменных, в который входят факторы жизнестойкости (контроль, вовлеченность и принятие риска) и показатели продуктивности актуального смыслового состояния (комплексная высокая осмысленность субъективного прошлого, настоящего и будущего).

Установки жизнестойкости и продуктивность актуального смыслового состояния ассоциированы со специфическими структурными особенностями аргументации личностного выбора. В частности, высокой выраженности установок жизнестойкости и продуктивности АСС соответствует приоритет аргументации выбора смыслового типа, когда различные аспекты принятого решения рассматриваются под углом зрения их значимости для чего-то большего в настоящем или будущем: для пользы и служения другим людям, для личностного роста, для профессионального становления или для обогащения коммуникативных компетенций и повседневного опыта жизни. С другой стороны, при высоких значениях исследуемых факторов, имеет место соответствующее значительное снижение доли аргументов ситуативного и эго-центрированного характера в структуре аргументации выбора.

Аргументация выбора у респондентов с высокой выраженностью исследуемых факторов в целом более развернутая и детальная. Отмечена сильная прямая взаимосвязь между ними и суммарным числом декларируемых аргументов осуществленного выбора, в том числе смыслового характера.

Установки жизнестойкости и показатели осмысленности прошлого, настоящего и будущего, рассмотренные в отдельности в определенной степени значимо взаимосвязаны с показателями личностной интернальности и фактической интернальности осуществления личностного выбора. Однако результаты исследования показали, что данные детерминанты существенно взаимосвязаны также между собой, взаимоусиливают друг друга: при их одновременной высокой активности наблюдаются наибольшая выраженность признаков фактической интернальности личностного выбора.

Кроме того, корреляционные взаимосвязи показателей жизнестойкости и осмысленности субъективного прошлого, настоящего и будущего позволяют выделить высоко значимую главную компоненту (фактор) их вариабельности. Анализ картины корреляционных отношений выделенного фактора с показателями личностной интернальности, а также со структурой аргументации и субъективным качеством выбора позволяет идентифицировать его как

выраженность личностной интернальности, а образующие его переменные определить, как установочно-смысловые детерминанты личностной интернальности, значимо влияющие на характер осуществления личностного выбора.

Вместе с тем, имеет место функциональная специфика компонентов комплекса установочно-смысловых детерминант интернальности. Продуктивность актуального смыслового состояния, констатируемая при высоком уровне осмысленности одновременно субъективного прошлого, настоящего и будущего, ассоциирована с высокой мотивационной привлекательностью (интуитивно позитивным отношением) к субъективному будущему времени, удержанием убежденности человека в способности контролировать события жизни и собственную личность и проявлять автономную каузальную ориентацию, как тенденцию приписывать различным жизненным событиям причины, связанные с собственной активностью. Таким образом, продуктивность актуального смыслового состояния раскрывается как обуславливающая интернальность характеристика смыслового личностного процесса. Можно предположить, что продуктивная синхронизация в трех временных модусах локализации смыслов отражает возможность понимания человеком смысловых связей между собственной активностью и жизненными событиями в прошлом, настоящем и будущем, когда смысл актуальной ситуации раскрывается при его согласовании с личностным опытом и относительно индивидуальных целей, т. е. продуктивность актуального смыслового состояния обеспечивает смысловую целостность интенции в ситуации выбора.

Факторы жизнестойкости выраженно ограничивают проявления безличных каузальных тенденций, что согласуется с предположением об их психологической противопоставленности, как диспозиций интернальности. Кроме того, понимание установок жизнестойкости как диспозиций интернальности соответствует эмпирическому факту их противоположности высокой чувствительности к эмоциям отвержения, факторы жизнестойкости ассоциированы со способностью сохранять субъектность в межличностном общении в условиях эмоционального

давления. Это даёт основания полагать, что активность диспозиционных компонентов жизнестойкости в целом сопряжена со способностью человека сохранять интенциональную направленность и субъектность (общее осознание себя, как суверенного субъекта ситуации выбора) в некотором диапазоне реакций психоэмоционального стресса.

Активность компонентов жизнестойкости является неотъемлемым условием высокого субъективного качества деятельности личностного выбора. Высоким значениям факторов жизнестойкости соответствует основательный, добросовестный, ответственный, эмоционально бесконфликтный и самостоятельный подход к осуществлению личностного выбора, а также высокая удовлетворенность его результатами, их ответственное смысловое принятие.

Таким образом, установки жизнестойкости в большей степени детерминируют процессуальную сторону выбора, в то время как продуктивность актуального смыслового состояния сопряжена, в первую очередь, с различиями в относительно устойчивых переменных личностного порядка: с выраженностью интернальных убеждений и каузальных ориентаций.

При сниженной выраженности установок жизнестойкости, но относительно высокой осмысленности субъективного прошлого, настоящего и будущего наблюдается специфическая картина. Респонденты данной категории имеют высокопозитивное отношение к будущему времени, высокую представленность автономных каузальных ориентаций и высокий уровень убежденности в способности контролировать себя и жизнь, но вместе с этим, существенно завышенную чувствительность к эмоциям отвержения, повышенные значения выраженности безличных и контролирующих каузальных ориентаций, также они показывают относительно низкий уровень субъективного качества деятельности выбора по всем шкалам, а в структуре аргументации выбора у них не преобладают аргументы смыслового характера. Таким образом, сниженные показатели установок жизнестойкости при продуктивном актуальном смысловом состоянии формируют особый вариант обусловленности личностного выбора с преобладанием тенденции к экстернальному характеру его осуществления.

Обследование респондентов с применением шкалы чувствительности к эмоциям отвержения при межличностном общении, анализ характера взаимосвязей этого показателя с другими изученными признаками, а также анализ кросскорреляционных отношений между показателями личностной интернальности позволили установить, что интернальность и неинтернальность представляют собой две разнонаправленные тенденции, в механизмах которых существенное значение имеет общая противопоставленность сознательно-смыслового и реактивно-эмоционального контроля поведения: чем менее проявлены изучаемые детерминанты интернальности, тем большее значение для осуществления выбора имеют факторы ситуативного и эмоционального порядка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью данного исследования было теоретически обосновать и эмпирически верифицировать факторы интернальности, определяющие характер осуществления личностного выбора.

В проведенном исследовании осуществлена попытка интегрировать важнейшие сферы знаний в области психологии личности: психологию принятия решений и осуществления выбора, психологию личностной интернальности и интернальной детерминации поведения, общие теории системно-смысловой организации личности и установочно-смысловой регуляции психологической активности, и, наконец, психологические теории деятельности и культурно-исторического развития высших психических функций.

В основу исследования легла общая гипотеза о том, что интернальность, являясь сложным, интегративным качеством личности, определяет характер осуществления человеком выбора в конкретной ситуации. Детерминантами, обуславливающими качество личностного выбора, выступает комплекс психологических факторов, выраженных в активности специфических смысловых диспозиций, регулирующих личностную направленность на возможность и значимость осуществления выбора, и, в процессах синхронизации временных модусов локализации смыслов в субъективной реальности.

Результаты, полученные в ходе нашего исследования, позволили прийти к следующим заключениям, выступающим в качестве доказательства выдвинутого предположения:

1. Интернальность – это интегральное качество личности, характеризующее способность человека к владению собственным поведением через реализацию внутреннего (интернального) контроля его психологических средств и ценностно-смысловых ориентиров. Интернальность личности проявляется в процессе осуществления выбора.

2. Выбор – принципиальный сущностный аспект человеческого бытия, присутствующий в любом акте сознания. Осуществление человеком личностного

выбора может быть понято, как акт удовлетворения базовой личностной потребности сохранить устойчивость психологической системы в состоянии неопределенности.

3. Интернальность личности ассоциирована со специфическими процессуальными признаками при осуществлении личностного выбора: развернутость аргументации выбора, преобладание в структуре аргументации выбора аргументов смыслового типа (над аргументами ситуативного и Я-центрированного характера), высокий уровень субъективного качества осуществления выбора (восприятие выбора в большей степени, как основательного, ответственного и самостоятельного, а также высокая удовлетворенность его результатом). Данные параметры следует рассматривать в совокупности, как комплекс эмпирических признаков интернального характера осуществления личностного выбора.

4. Выделенные эмпирические признаки интернального характера осуществления личностного выбора существенно сопряжены с комплексом личностных переменных, в который входят факторы жизнестойкости (контроль, вовлеченность и принятие риска) и показатели комплексной осмысленности субъективного прошлого, настоящего и будущего, свидетельствующие о продуктивности актуального смыслового состояния.

5. Показатели жизнестойкости и осмысленность временных модусов локализации смысла в высокой степени и специфическим образом взаимосвязаны между собой фактором выраженности личностной интернальности, что позволяет определить их, как целостный действующий комплекс установочно-смысловых детерминант интернальности.

6. Имеет место функциональная специфика компонентов комплекса установочно-смысловых детерминант интернальности: установки жизнестойкости в большей степени детерминируют процессуальную сторону деятельности выбора, а продуктивность актуального смыслового состояния ассоциирована, в первую очередь, с различиями в выраженности интернальных убеждений и каузальных ориентаций.

7. Проведенный анализ позволяет интерпретировать структурные компоненты жизнестойкости личности (вовлеченность, контроль, принятие риска) как формы проявления диспозиций интернальности – специфических смысловых диспозиций, ориентированных на удовлетворение базовой личностной потребности в осуществлении выбора. Фактор контроля соответствует интенциональности, вовлеченность соответствует субъектности и принятие риска соответствует ответственности.

8. Активность диспозиций интернальности сопряжена с показателями продуктивности актуального смыслового состояния и образует с механизмами синхронизации временных модусов локализации смыслов целостный действующий комплекс.

9. Интернальность и неинтернальность представляют собой две разнонаправленные тенденции, для различения которых существенное значение имеет общая противопоставленность сознательно-смыслового и реактивно-эмоционального контроля поведения.

10. Различные конфигурации выраженности факторов, детерминирующих интернальность, обуславливают специфические различия в характере осуществления личностного выбора: по интернальному, экстернальному и безличному типу. При высокой выраженности факторов жизнестойкости и показателей продуктивности актуального смыслового состояния имеют место признаки интернально-ориентированной личности и соответствующего характера осуществления выбора, снижение проявлений факторов жизнестойкости до среднего уровня при сохранении продуктивного актуального смыслового состояния ассоциированы с признаками экстернальности личности и характера осуществления выбора, а признаки безличного выбора обнаруживаются при низком уровне факторов жизнестойкости и непродуктивном актуальном смысловом состоянии.

Таким образом, в результате проведенного исследования были определены теоретические основания и получены эмпирические свидетельства установочно-

смысловой детерминации интернальности личности и её связи с характером осуществления личностного выбора.

Представленное исследование не претендует на полное разрешение проблемы личностной интернальности и актуализирует важность дальнейшего изучения фундаментальных и прикладных аспектов данного феномена.

В частности, особый интерес представляет экспериментальное изучение уровней и механизмов становления, а также методов расширения личностной интернальности. Продолжение исследовательской работы возможно при изучении влияния на реализацию интернального поведения факторов эмоциональной компетентности, структурно-динамических особенностей функционирования личностной идентичности и ценностных ориентаций, а также изучение вопросов применимости методов осознания и коррекции установок и убеждений к оптимизации процессов осуществления выбора и расширению психологических возможностей человека в отношении владения собственным поведением. Перспективным видится рассмотрение проблематики интернальной детерминации поведения в контексте вопросов психологического и соматического здоровья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакумова И. В. Развитие представлений о смыслообразующих стратегиях личности в современном обществе / И. В. Абакумова, М. В. Годунов, Е. В. Белова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 5. – С. 13–16.
2. Абакумова И. В. Системно-структурный анализ теорий психологических трансформаций личности / И. В. Абакумова, Е. Н. Рядинская, В. М. Голубова // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14. – № 1. – С. 10–24.
3. Абакумова И. В. Смыслодидактика как системное воплощение общей теории смысла в практике учебного процесса / И. В. Абакумова, А. М. Кукуляр, В. Т. Фоменко // Российский психологический журнал. – 2014. – Т. 11, № 3. – С. 24–32.
4. Артемьева Е. Ю. Описание структур субъективного опыта: контекст и задачи / Е. Ю. Артемьева, Ю. К. Стрелков, В. П. Серкин // Мышление, общение, опыт. – Ярославль : ЯрГУ. – 1983. – С. 99–108.
5. Артемьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева. – М. : Наука : Смысл, 1999. – 350 с.
6. Асмолов А. Г. По ту сторону сознания. Методологические проблемы неклассической психологии / А. Г. Асмолов. – М. : Смысл, 2002. – 480 с.
7. Асмолов А. Г. Психология личности : учебник / А. Г. Асмолов. – М. : МГУ, 1990. – 367 с.
8. Бабич О. И. Личностные ресурсы преодоления синдрома профессионального выгорания педагогов / О. И. Бабич, Т. А. Терехова // Сибирский психологический журн. – 2009. – № 31. – С. 48–52.
9. Бажин Е. Ф. Метод исследования уровня субъективного контроля / Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинд // Психологический журн. – 1984. – Т. 5, № 3. – С. 152–162.
10. Беломестнова Н. В. Системный подход в психологии // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 10-1 (48). – С. 43–54.

11. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память // Собрание соч. : в 4 т. / А. Бергсон – М. : Московский клуб, 1992. – Т. 1. – 325 с.
12. Бергсон А. Творческая эволюция = L'évolution créatrice / А. Бергсон ; пер. с фр. В. Флеровой. – М. : ТЕРРА-Кн. клуб : КАНОН-Пресс-Ц, 2001. – 381 с.
13. Березин В. М. Новое как социальная информация и коммуникативное действие [Электронный ресурс] // Теория массовой коммуникации : курс лекций. – Электрон. дан. – М., 2002. – Разд. III. – URL: http://www.humanities.edu.ru/db/msg/2404_4 (дата обращения: 10.10.2008).
14. Бинсвангер Л. Экзистенциально-аналитическая школа мысли / Л. Бинсвангер // Экзистенциальная психология. Экзистенция / пер. с англ. М. Занадворова, Ю. Овчинниковой. – М. : Апрель-пресс, ЭКСМО-пресс, 2001. – С. 308–332.
15. Богомолов А. М. Структурно-динамические свойства системы психологической защиты у детей подросткового возраста : автореф. дис. ... канд. психол. наук / А. М. Богомолов. – СПб, 2005. – 22 с.
16. Богуславская Ю. А. Философско-антропологические концепты глубинной психологии : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ю. А. Богуславская. – Ростов-на-Дону, 2004. – 24 с.
17. Бодалев А. А. Общая психодиагностика / А. А. Бодалев, В. В. Столин, В. С. Аванесов. – СПб : Речь, 2000. – 440 с.
18. Бокова О. А. К вопросу о теоретических основах изучения психологических феноменов ответственности и локуса контроля // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 5 (48). – С. 181–183.
19. Бокова О. А. Особенности субъективного контроля у людей юношеского возраста с различной выраженностью личностной ригидности : автореф. дис. ... канд. психол. наук / О. А. Бокова. – Барнаул, 2002. – 24 с.
20. Бочарова Е. Е. Временная перспектива старшеклассников с разным уровнем субъективного контроля // Известия Саратовского университета. Нов. сер.,

Сер. Акмеология образования. Психология развития. – 2017. – Т. 6, № 2 (22). – С. 157–163.

21. Братусь Б. С. Аномалии личности / Б. С. Братусь. – М. : Мысль, 1988. – 304 с.

22. Буюкас Т. М. Проблема и психотехника самоопределения личности // Вопросы психологии. – 2002. – № 2. – С. 28–39.

23. Валиуллина Е. В. Локус воспринимаемого контроля и уровень прокрастинации [Электронный ресурс] // Концепт : научно-методический электронный журнал. – 2018. – № 8 (август). – URL: <http://e-koncept.ru/2018/182017.htm> (дата обращения: 10.01.2019).

24. Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) : монография / Ф. Е. Василюк. – М. : МГУ, 1984. – 200 с.

25. Василюк Ф. Е. Психотехника выбора // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии : сб. ст. / ред. Д. А. Леонтьев, В. Г. Щур. – М. : Смысл, 1997. – С. 284–314.

26. Венда В. Ф. Проблема моделирования взаимодействующих стратегий принятия решений // Нормативные и дескриптивные модели принятия решений: по материалам советско-американского семинара / ред. Б. Ф. Ломов [и др.]. – М. : Наука, 1981. – С. 175–185.

27. Вечканова Е. М. Ценностно-смысловые детерминанты временной перспективы личности в период кризиса идентичности : дис. ... канд. психол. наук / Е. М. Вечканова. – Петропавловск-Камчатский, 2015. – 242 с.

28. Вилюнас В. К. Психологические механизмы мотивации человека / В. К. Вилюнас. – М. : МГУ, 1990. – 285 с.

29. Вилюнас В. К. Психология эмоциональных явлений / В. К. Вилюнас. – М. : МГУ, 1976. – 142 с.

30. Выготский Л. С. Психология развития человека / Л. С. Выготский. – М. : Смысл : Эксмо, 2004. – 1136 с.

31. Выготский Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. / Л. С. Выготский ; ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевский. – М. : Педагогика, 1982. – Т. 1: Вопросы теории и истории психологии. – 488 с.

32. Галажинский Э. В. Категория «отношение» в психологии в свете парадигмальной динамики науки / Э. В. Галажинский, В. Е. Ключко // Мир психологии. – 2011. – № 4 (68). – С. 14–31.

33. Гаськова Ю. В. Жизненные перспективы в сфере профессиональной деятельности у студентов, осваивающих творческие специальности / Ю. В. Гаськова, И. А. Ральникова // Сибирский психологический журнал. – 2017. – № 65. – С. 53–65.

34. Гештальт-психология [Электронный ресурс] // Википедия : свободная энциклопедия. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2017. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/гештальтпсихология> (дата обращения: 10.09.2016).

35. Гештальт-психология. Ступень к когнитивной психологии [Электронный ресурс] // Эффектон – психологические тесты и коррекционные программы. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2016. – URL: <http://www.effecton.ru/139.html> (дата обращения: 12.10.2016).

36. Гинзбург М. Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема // Вопросы психологии. – 1988. – № 2. – С. 9–26.

37. Гинзбург М. Р. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопросы психологии. – 1994. – № 3. – С. 43–52.

38. Глубинная психология [Электронный ресурс] // Новейший философский словарь / сост. и ред. А. А. Грицанов. – Электрон. дан. – Минск : В. М. Скакун, 1998. – URL: http://www.endic.ru/new_philosophy/Glubinnaja-Psihologija-325.html (дата обращения: 05.10.2017).

39. Головаха Е. И. Понятие психологического времени / Е. И. Головаха, А. А. Кроник // Категории материалистической диалектики в психологии / ред. Л. И. Анциферова. – М. : Наука, 1988. – С. 199–215.

40. Головаха Е. И. Психологическое время личности / Е. И. Головаха, А. А. Кроник. – Киев : Наукова думка, 1984. – 209 с.

41. Горская Н. Е. Субъективный контроль (УСК) в области профессиональной сферы как одна из фундаментальных потребностей личности / Н. Е. Горская, В. Е. Глызина // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. – 2016. – № 1 (35). – С. 129–132.
42. Дергачева О. Е. Личностная автономия как предмет психологического исследования : автореф. дис. ... канд. психол. наук / О. Е. Дергачева. – М., 2005. – 22 с.
43. Дергачева О. Е. Русскоязычная адаптация опросника каузальных ориентаций / О. Е. Дергачева, Л. Я. Дорфман, Д. А. Леонтьев // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. – 2008. – № 3. – С. 91–106.
44. Дернер Д. Логика неудач / Д. Дернер. – М. : Смысл, 1997. – 242 с.
45. Журбин В. И. Понятие психологической защиты в концепциях З. Фрейда и К. Роджерса // Вопросы психологии. – 1990. – № 4. – С. 14–22.
46. Зейгарник Б. В. Теория личности К. Левина : [гештальтпсихология] : монография / Б. В. Зейгарник. – М. : МГУ, 1981. – 118 с.
47. Зинченко В. П. Идеи Л. С. Выготского о единицах анализа психики // Психологический журн. – 1981. – Т. 2, № 2. – С. 118–133.
48. Зинченко В. П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? / В. П. Зинченко // Человек в ситуации неопределенности / ред. А. К. Болотов. – М. : ТЕИС, 2007. – С. 9–33.
49. Зинченко В. П. Ценности в структуре сознания // Психология сознания: современное состояние и перспективы : материалы II Всерос. науч. конф., 29 сент.–1 нояб., 2011 г. – Самара : ПГСГА, 2011. – С. 50.
50. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб : Питер, 2002 – 512 с.
51. Канеман Д. Принятие решений в неопределенности = Judgment under Uncertainty : правила и предубеждения = heuristics and biases : сб. ст. : пер. с англ. / Д. Канеман, П. Словик, А. Тверски. – Харьков : Гуманитарный Центр, 2005. – 632 с.

52. Канеман Д. Рациональный выбор, ценности и фреймы / Д. Канеман, А. Тверски // Психологический журн. – 2003. – Т. 24, № 4. – С. 31–42.

53. Карась Д. В. Категориальное пространство интернализации личностного выбора // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 331. – С. 177–180.

54. Карась Д. В. Обусловленность выраженности эмпатии и чувствительности к отвержению при межличностном общении фактором актуального смыслового состояния / Д. В. Карась, Н. А. Миллер // Студент и научно-технический прогресс : Психология : материалы XLVIII Междунар. науч. студен. конф. – Новосибирск, 2010. – С. 50–51.

55. Карась Д. В. Постнеклассический взгляд на психологию выбора в терминах «отношение», «интенциональность» и «смысл» / Д. В. Карась, А. В. Серый // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. – 2016. – № 4. – С. 100–112.

56. Карась Д. В. Теоретико-методологические подходы к пониманию интернальности как психологического феномена // Сибирский психологический журнал – 2017. – № 64. – С. 24–48.

57. Карпов А. В. Локус контроля как детерминанта результативных параметров процессуальных характеристик управленческой деятельности / А. В. Карпов, О. А. Лебедева // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2018. – № 2 (44). – С. 78–82.

58. Карпов А. В. Психология принятия управленческих решений / А. В. Карпов. – М. : Юрист, 1998. – 432 с.

59. Киркегор С. Наслаждение и долг / С. Киркегор. – Киев : Airland, 1994. – 504 с.

60. Ключко А. В. Суверенность как результат становления человека в совмещенной психологической системе / А. В. Ключко, О. М. Краснорядцева // Вестник БГПУ: Психолого-педагогические науки. – 2001. – № 1 (1). – С. 4–8.

61. Ключко В. Е. Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс / В. Е. Ключко,

О. В. Лукьянов // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 324. – С. 333–336.

62. Ключко В. Е. Мыслительная деятельность и эмоции / В. Е. Ключко, С. М. Джакупов // Вопросы психологии. – 1981. – № 3. – С. 169–173.

63. Ключко В. Е. Онтология смысла и смыслообразование (размышления в связи с юбилеем О. К. Тихомирова) // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. – 2013. – № 2. – С. 106–120.

64. Ключко В. Е. Постнеклассическая наука и проблема объяснения в психологии // Методология и история психологии. – 2008. – Т. 3, № 1. – С. 165–178.

65. Ключко В. Е. Постнеклассическая транспектива психологической науки // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 305. – С. 157–164.

66. Ключко В. Е. Психология инновационного поведения / В. Е. Ключко, Э. В. Галажинский. – Томск: Томский гос. ун-т, 2009. – 240 с.

67. Ключко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ) / В. Е. Ключко. – Томск : Томский гос. ун-т, 2005. – 174 с.

68. Ключко В. Е. Системная онтопедагогика: психологическое и психофизиологическое обоснование // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2014. – № 6 (22). – С. 52–63.

69. Ключко В. Е. Смысловая теория мышления в транспективе становления психологического познания: эпистемологический анализ // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. – 2008. – № 2. – С. 87–101.

70. Ключко В. Е. Человек как психологическая система // Сибирский психологический журнал. – 1996. – № 2. – С. 10–13.

71. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений / Ю. Козелецкий. – М. : Прогресс, 1979. – 503 с.

72. Козелецкий Ю. Человек многомерный : Психологическое эссе : пер. с пол. / Ю. Козелецкий. – Киев : Лыбидь, 1991. – 285 с.

73. Кон И. С. В поисках себя : личность и ее самосознание / И. С. Кон. – М. : Политиздат, 1984. – 335 с.

74. Конюхова Т. В. Жизнестойкость личности как особый паттерн установок освоения социокультурного пространства / Т. В. Конюхова, Е. Т. Конюхова // Известия Томского политехнического университета. – 2013. – № 6. – С. 110–114.

75. Корнилова Т. В. Динамическое функционирование интеллектуально-личностного потенциала человека в психологической регуляции решений и выборов // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. – 2011. – № 1. – С. 67–78.

76. Корнилова Т. В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска / Т. В. Корнилова. – СПб. : Нестор-История, 2016. – 344 с.

77. Корнилова Т. В. Неопределенность, выбор и интеллектуально-личностный потенциал человека // Методология и история психологии. – 2009. – № 4 (4). – С. 47–59.

78. Корнилова Т. В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2015. – № 8 (40). – С. 3. – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1111-kornilova40.html> (дата обращения: 27.11.2018).

79. Корнилова Т. В. Психология риска и принятия решений : учеб. пособие для вузов / Т. В. Корнилова. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 286 с.

80. Корнилова Т. В. Психология выбора как мыслительное и личностное опосредствование преодоления неопределенности // Психологический журнал. – 2016. – № 3 (37). – С. 113–124.

81. Корнилова Т. В. Развитие идеи единства интеллекта и аффекта: от работ О. К. Тихомирова к современным исследованиям интеллектуально-личностного потенциала человека / Т. В. Корнилова // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлёв. – М.: Ин-т психологии РАН, 2018. – 2216 с.

82. Краснорядцева О. М. Психологические механизмы возникновения и регуляции мышления в реальной жизнедеятельности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / О. М. Краснорядцева. – М., 1996. – 47 с.

83. Кьеркегор С. Страх и трепет / С. Кьеркегор. – М. : Республика, 1993. – 383 с.
84. Ларичев О. И. Наука и искусство принятия решений / О. И. Ларичев. – М. : Наука, 1979. – 200 с.
85. Леонтьев А. А. Деятельный ум (Деятельность. Знак. Личность) / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2001. – 380 с.
86. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1975. – 304 с.
87. Леонтьев А. Н. Начало личности – поступок // Избранные психологические произведения : в 2 т. / А. Н. Леонтьев. – М. : Педагогика, 1983. – Т. 1. – С. 381–384.
88. Леонтьев Д. А. Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования / Д. А. Леонтьев, Н. В. Пилипко // Вопросы психологии. – 1995. – № 1. – С. 97–110.
89. Леонтьев Д. А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования : электрон. науч. журн. – 2015. – Т. 8, № 40. – С. 2. – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1110-leontiev40.html> (дата обращения: 22.10.2015).
90. Леонтьев Д. А. Илья Пригожин и психология XXI века // Психологический журн. – 2018. – Т. 39, № 3. – С. 5–14.
91. Леонтьев Д. А. Очерк психологии личности / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1997. – 64 с.
92. Леонтьев Д. А. Психология выбора. Часть I. За пределами рациональности // Психологический журнал. – 2014. – № 5 (35). – С. 5–18.
93. Леонтьев Д. А. Психология выбора. часть II. Личностные предпосылки и личностные последствия выбора // Психологический журнал. – 2014. – № 6 (35). – С. 56–68.
94. Леонтьев Д. А. Психология выбора / Д. А. Леонтьев, Е. Ю. Овчинникова, Е. И. Рассказова, А. Х. Фам. – М. : Смысл, 2015. – 464 с.

95. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
96. Леонтьев Д. А. Разработка методики диагностики процессуальной стороны выбора / Д. А. Леонтьев, Е. Ю. Мандрикова, А. Х. Фам // Психологическая диагностика. – 2007. – № 6. – С. 4–25.
97. Леонтьев Д. А. Тест жизнестойкости / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. – М. : Смысл, 2006. – 63 с.
98. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2000. – 18 с.
99. Леонтьев Д. А. Феномен ответственности : между недержанием и гиперконтролем / Д. А. Леонтьев // Экзистенциальное измерение в консультировании и психотерапии. – Бирштонас ; Вильнюс : ВЕАЭТ, 2005. – Т. 2. – С. 7–22.
100. Лефевр В. А. Алгебра совести / В. А. Лефевр. – М. : Когито-центр, 2003. – 426 с.
101. Личностный потенциал: структура и диагностика / ред. Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2011. – 675 с.
102. Логинова И. О. Психолого-образовательное сопровождение как условие формирования ситуативной готовности студентов к осуществлению выбора / И. О. Логинова, В. Б. Чупина, Е. И. Стоянова и др. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2015. – Т. 31, № 1. – С. 162–166.
103. Логинова И. О. Формирование готовности к осуществлению студентами выбора в профессиональном обучении посредством метода Фокус-групп / И. О. Логинова, Е. И. Стоянова, Ю. В. Живаева // Психология обучения. – 2017. – № 1. – С. 58–71.
104. Ломов Б. Ф. Математика и психология в изучении процессов принятия решений // Нормативные и дескриптивные модели принятия решений : по материалам советско-американского семинара / ред. Б. Ф. Ломов [и др.]. – М. : Наука, 1981. – С. 5–21.

105. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. – М. : Наука, 1984. – 443 с.
106. Лурия А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия ; ред. Е. Д. Хомская. – М. : МГУ, 1979. – 320 с.
107. Лэнгле А. Виктор Франкл – поверенный личности / пер. с нем. А. В. Лызлова, Б. С. Братуся // Развитие личности. – 2005. – № 2. – С. 210–218.
108. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили. – М. : Прогресс, 1992. – 414 с.
109. Мандрикова Е. Ю. Виды личностного выбора и их индивидуально-психологические предпосылки : дис. ... канд. психол. наук / Е. Ю. Мандрикова. – М., 2005. – 195 с.
110. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу. – М. : Смысл, 1999. – 425 с.
111. Мацумото Д. Психология и культура / Д. Мацумото. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2002. – 416 с.
112. Можейко М. А. Синергетика. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – Электрон. дан. – [Б. м.]. – URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6876> (дата обращения: 12.02.2018).
113. Муздыбаев К. Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегии совладания и индикаторы депривации // Социологический журнал. – 2001. – № 1. – С. 4–25.
114. Муздыбаев К. Психология ответственности / К. Муздыбаев. – Л. : Наука, 1983. – 240 с.
115. Муздыбаев К. Стратегии совладания с жизненными трудностями. Теоретический анализ / К. Муздыбаев // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1, № 2. – С. 37–47.
116. Мэй Р. Любовь и Воля / Р. Мэй ; пер. с англ. – М. : Рефл-бук; Киев : Ваклер, 1997. – 384 с.
117. Мэй Р. Проблема тревоги / Р. Мэй ; пер. с англ. А. Гладкова. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 432 с.

118. Мэй Р. Происхождение экзистенциальной психологии / Р. Мэй // Экзистенциальная психология. Экзистенция. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 9–41.
119. Мэй Р. Сила и невинность: в поисках истоков насилия / Р. Мэй ; [пер. с англ. А. П. Попогребского и др.]. – М. : Смысл, 2001. – 319 с.
120. Наливайко Т. В. К вопросу осмысления концепции жизнестойкости С. Мадди / Т. В. Наливайко // Вестник интегративной психологии : журн. для психологов. – 2006. – № 4. – С. 127–130.
121. Налчаджян А. А. Некоторые психологические и философские проблемы интуитивного познания (интуиция в процессе научного творчества) / А. А. Налчаджян. – М. : Мысль, 1972. – 271 с.
122. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – М. ; Вена : Языки славянской культуры ; Венский славистический альманах, 2004. – 1488 с.
123. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Ж. Нюттен; ред. Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2004. – 608 с.
124. О некоторых перспективах исследований смысловых образований личности / А. Г. Асмолов [и др.]. // Вопросы психологии. – 1979. – № 3. – С. 35–45.
125. Овчинникова О. В. Внутренняя деятельность выбора в ситуации профессионального самоопределения : автореф. дис. ... канд. психол. наук / О. В. Овчинникова. – Екатеринбург, 2004. – 26 с.
126. Олпорт Г. Становление личности: избранные труды / Г. Олпорт. – М. : Смысл, 2002. – 462 с.
127. Ощепкова Г. И. Проявления экстернальности и интернальности при зависимом поведении / Г. И. Ощепкова // Филология и культура. – 2015. – № 3 (41). – С. 333–336.
128. Папуш М. П. Психотехника экзистенциального выбора / М. П. Папуш. – М. : Ин-т общегуманитар. исслед., 2001. – 533 с.
129. Перлс Ф. Практика гештальт терапии / Ф. Перлс. – М. : Ин-т общегуманитарных исследований, 2001. – 480 с.

130. Поппер К. Р. Мир предрасположенностей // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук : К. Поппер и его критики / сост. Д. Г. Лахути [и др.] ; пер. с англ. Д. Г. Лахути. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – С. 176–209.
131. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности / В. А. Петровский. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1996. – 512 с.
132. Петровский В. А. Начала мультисубъектной персонологии // Развитие личности. – 2010. – № 1. С. 55–72.
133. Петровский В. А. От теории деятельностного опосредования к теории деятельного присутствия // Развитие личности. – 2014. – № 2. – С. 125–145.
134. Петровский В. А. «Субъектность» в пространстве культуры и наяву // Мир психологии. – 2015. – № 3 (83). – С. 14–38.
135. Петровский В. А. Человек над ситуацией / В. А. Петровский – М.: Смысл, 2010. – 559 с.
136. Прибрам К. Языки мозга / К. Прибрам ; пер. с англ. – М. : Прогресс, 1975. – 494 с.
137. Проблемы принятия решений : сб. / ред. П. К. Анохин, В. Ф. Рубахин. – М. : Наука, 1976. – 318 с.
138. Психология жизнестойкости [Электронный ресурс] : учеб. пособие / М. А. Одинцова. – 2-е изд. стер. – М. : Флинта, 2015. – 201 с. – URL: <https://www.litres.ru/m-a-odincova/psihologiya-zhiznestoykosti/chitat-onlayn> (дата обращения: 10.01.2019).
139. Пятаева Н. В. От лексического гнезда к генетической парадигме: к проблеме динамического описания лексической системы языка // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы : тр. и материалы междунар. науч. конф, посвящ. 200-лет. Казан. университета (Казань, 04–06 окт. 2004 г.) / под общ. ред. К. Р. Галиуллина. – Казань : Казанский университет, 2004. – С. 78–79.
140. Райфа Г. Анализ решений. Введение в проблемы выбора в условиях неопределенности / Г. Райфа. – М. : Наука, 1977. – 408 с.

141. Ральникова И. А. Временная проблематика в психологии: трансспективный анализ // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – Т. 2, № 2 (82). – С. 61–66.

142. Ральникова И. А. Структурнофункциональная модель самоорганизации жизненных перспектив личности и психологическая технология ее реализации // Психология обучения. – 2011. – № 5. – С. 5–19.

143. Ральникова И. А. Жизненные перспективы личности в научной парадигме психологического знания // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 2-1 (70). – С. 53–60.

144. Рассказова Е. И. Апробация методик диагностики локуса контроля причин болезни и лечения и самоэффективности в отношении лечения / Е. И. Рассказова, А. Ш. Тхостов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Психология. – 2016. – Т. 9, № 1. – С. 71–83.

145. Реан А. А. Проблемы и перспективы развития концепции локуса контроля личности / А. А. Реан // Психологический журн. – 1998. – Т. 19, № 4. – С. 3–12.

146. Реан А. А. Психология изучения личности : учеб. пособие / А. А. Реан. – СПб. : В. А. Михайлов, 1999. – 288 с.

147. Реан А. А. Факторы стрессоустойчивости учителей / А. А. Реан, А. А. Баранов // Вопросы психологии. – 1997. – № 1. – С. 46–54.

148. Рисмен Д. Некоторые типы характера и общество / Д. Рисмен // Социологические исследования – 1993. – № 7. – С. 144–151.

149. Роджерс К. Клиентоцентрированная терапия / К. Роджерс ; пер. с англ. – М. : Рефл-бук; Киев : Ваклер, 1997. – 320 с.

150. Родионов И. Б. Теория систем и системный анализ. Лекция 2. Системные свойства. Классификация систем [Электронный ресурс] // Системный анализ : лекции и учеб. пособия / ред. В. Сафронов. – Электр. дан. – [Б. м.]. – URL: <http://victor-safronov.ru/systems-analysis/lectures/rodionov/01.html> (дата обращения: 03.10.2018).

151. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2003. – 720 с.
152. Савина Е. А. Выбор и принятие решения: риск и социальный контекст / Е. А. Савина, Х. Т. Ванг // Психологический журн. – 2003. – Т. 24, № 5. – С. 23–30.
153. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // Альманах THESIS. Мир человека. – 1993. – № 5. – С. 16–37.
154. Сартр Ж.- П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр; пер. с фр. – М. : Республика, 2004. – 639 с.
155. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.- П. Сартр // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. – М. : Политиздат, 1989. – С. 319–344.
156. Сатир В. Психотерапия семьи / В. Сатир. – СПб. : Речь, 2000. – 281 с.
157. Сачков Ю. В. Динамические системы [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия. – Электрон. дан. – М. : Мысль, 2010. – URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/>. (дата обращения: 03.10.2018).
158. Свирский Я. И. Синергетика смысла, или смысл синергетики // Онтология и эпистемология синергетики. – М. : ИФРАН, 1997. – С. 69–86.
159. Семантический дифференциал времени как метод психологической диагностики личности при депрессивных расстройствах : пособие для психологов и врачей [Электронный ресурс] / Л. И. Вассерман [и др.] – Электрон. дан. – СПб., 2005. – 27 с. – URL: http://bekhterev.ru/content/42/2005_semandif.pdf (дата обращения: 17.12.2018).
160. Сенющенко С. П. Типы интериоризации в теории Л. С. Выготского // Вопросы психологии. – 2006. – № 5. – С. 134–142.
161. Серкин В. П. Образ мира и образ жизни / В. П. Серкин. – Магадан : Северный Международный университет, 2005. – 331 с.
162. Серкин В. П. Психологические механизмы формирования образа мира // Вестник Северо-Восточного государственного университета. – 2011. – № 15. – С. 58–62.

163. Серый А. В. Уровень напряженности защитных механизмов личности в зависимости от типа актуального смыслового состояния / А. В. Серый, Д. В. Карась // Сибирский психологический журнал. – 2007. – № 25. – С. 29–34.

164. Серый А. В. Применение теста смысложизненных ориентаций к диагностике актуальных смысловых состояний (новая концептуализация) / А. В. Серый, А. В. Юпитов // Сибирская психология сегодня : сб. науч. тр. – Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2002. – С. 55–72.

165. Серый А. В. Система личностных смыслов : структура, функции, динамика / А. В. Серый. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2004. – 272 с.

166. Серый А. В. Темпоральные аспекты актуализации смысловых граней субъективных образов переживания кризиса идентичности в период юности / А. В. Серый, Е. М. Вечканова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – Т. 3, № 3 (63). – С. 238–247.

167. Серый А. В. Ценностно-смысловая сфера личности : учеб. пособие / А. В. Серый, М. С. Яницкий. – Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 1999. – 92 с.

168. Словарь Л. С. Выготского / ред. А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2007. – 119 с.

169. Смирнов А. В. Время [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Института философии РАН. Новая философская энциклопедия. – Электрон. дан. – М. : Мысль, 2010. – URL: <http://iphras.ru/elib/0669.html> (дата обращения: 27.11.2016).

170. Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. – 1981. – № 2. – С. 15–29.

171. Смирнов С. Д. Образ мира в динамическом контроле неопределенности / С. Д. Смирнов, М. А. Чумакова, Т. В. Корнилова // Вопросы психологии. – 2016. – Т. 4. – С. 3–13.

172. Смысл, адаптация и самодетерминация у подростков / Е. Р. Калитеевская [и др.] // Вопросы психологии. – 2007. – № 2. – С. 79.

173. Событие [Электронный ресурс] // Википедия : свободная энциклопедия. – Электрон. дан. – [Б. м.]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/событие> (дата обращения: 03.10.2016).

174. Современная западная философия. Словарь / сост. В. С. Малахов, В. П. Филатов. – М., 1991. – 414 с.

175. Современная психология мотивации / ред. Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2002. – 343 с.

176. Соколова Е. Е. Идеи А. Н. Леонтьева и его школы о поступке как единице анализа личности в их значении для исторической психологии // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А. Н. Леонтьева / ред. А. Е. Войскунский [и др.]. – М. : Смысл, 1999. – С. 80–117.

177. Солнцева Г. Н. Определение неопределенности // Управление риском. – 1997. – № 2. – С. 21–26.

178. Солнцева Г. Н. Психологический анализ проблемы принятия решения / Г. Н. Солнцева. – М. : МГУ, 1985. – 78 с.

179. Солнцева Г. Н. Риск как характеристика действий субъекта / Г. Н. Солнцева, Т. В. Корнилова. – М. : НИЦ «Интенер», 1999. – 80 с.

180. Степаносова О. В. Интуитивные компоненты в процессе принятия решения : автореф. дис. ... канд. психол. наук / О. В. Степаносова. – М., 2004. – 24 с.

181. Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность / В. С. Степин // Вопросы философии. – 2003. – № 8. – С. 5–17.

182. Столин В. В. Проблема самосознания личности с позиций теории деятельности А. Н. Леонтьева // А. Н. Леонтьев и современная психология / ред. А. В. Запорожец [и др.]. – М. : МГУ, 1983. – С. 220–231.

183. Столин В. В. Самосознание личности / В. В. Столин. – М. : МГУ, 1983. – 286 с.

184. Стоянова Е. И. Особенности личностных характеристик представителей разных квазипрофессиональных сфер в зависимости от их проявления выбора как характеристики жизненного самоосуществления / Е. И. Стоянова, С. М. Колкова,

Ю. В. Живаева // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 60-1. – С. 476–480.

185. Стоянова Е. И. Представления о свободе выбора студентов разных квазипрофессиональных сред / Е. И. Стоянова, О. А. Козырева // Гуманитарные науки и образование. – 2017. – Т. 29, № 1. – С. 17–21.

186. Стоянова Е. И. Программа метода фокус-групп в работе со студентами с несформированной готовностью к осуществлению выбора / Е. И. Стоянова, О. А. Козырева, Ю. В. Живаева // Проблемы современного педагогического образования. Сер.: Педагогика и психология. – 2018. – № 60-1. – С. 279–282.

187. Субботский Е. В. Изучение у ребенка смысловых образований // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. – 1977. – № 1. – С. 62–72.

188. Субъект [Электронный ресурс] // Википедия : свободная энциклопедия. – Электрон. дан. – [Б. м.]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/субъект> (дата обращения: 08.10.2018).

189. Татьянченко Н. П. Развитие психологических знаний о феномене жизнестойкости в трудах отечественных и зарубежных авторов // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 5. – С. 240–241.

190. Тверски А. Дерево предпочтений / А. Тверски, Ш. Саттат // Нормативные и дескриптивные модели принятия решений : по материалам советско-американского семинара / ред. Б. Ф. Ломов [и др.]. – М. : Наука, 1981. – С. 232–259.

191. Тихомиров О. К. Принятие решения как психологическая проблема / О. К. Тихомиров // Проблемы принятия решений / ред. П. К. Анохин, В. Ф. Рубахин. – М.: Наука, 1976. – С. 77–82.

192. Тихомиров О. К. Психология мышления: учеб. пособие / О. К. Тихомиров. – М. : Академия, 2002. – 288 с.

193. Тихомиров О. К. Информационная и психологическая теории мышления // Вопросы психологии. – 1974. – № 1. – С. 40–48.

194. Трофимова Ю. В. Суверенизация личности как предмет постнеклассической психологии // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – № 1 (2). – С. 67.
195. Узнадзе Д. Н. Общая психология / Д. Н. Узнадзе ; пер. с груз. Е. Ш. Чомахидзе; ред. И. В. Имедадзе. – М. : Смысл; СПб. : Питер, 2004. – 413 с.
196. Фам А. Х. Индивидуальные особенности выбора в ситуациях различной значимости : дис. ... канд. психол. наук / А. Х. Фам. – М., 2014. – 180 с.
197. Фам А. Х. Субъективное конструирование выбора в ситуациях разного уровня значимости. Ч. 1 / А. Х. Фам, Д. А. Леонтьев // Вестник Московского университета. Сер. 14 : Психология. – 2013. – № 1. – С. 84–96.
198. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х т. / М. Фасмер ; пер. с нем. – М. : Астрель, 1987. – Т. 1. – 588 с.
199. Фоминова А. Н. Жизнестойкость личности : монография / А. Н. Фоминова. – М. : МПГУ, 2012. – 152 с.
200. Франкл В. Десять тезисов о личности / ред. Д. А. Леонтьев // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. – 2005. – № 2. – С. 4–13.
201. Франкл В. Психотерапия на практике / В. Франкл. – СПб. : Речь, 2001. – 256 с.
202. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл ; пер. с англ., нем. – М. : Прогресс, 1990. – 366 с.
203. Фрейд А. Эго и механизмы защиты / А. Фрейд ; пер. с англ. – М. : Гинзбург; Эксмо, 2003. – 256 с.
204. Фрейд З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – СПб. : Питер, 2003. – 400 с.
205. Фрейдджер Р. Личность. Теории, упражнения, эксперименты / Р. Фрейдджер, Д. Фейдимен ; пер. с англ. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2004. – 608 с.
206. Фрейдджер Р. Уильям Джеймс и психология сознания / Р. Фрейдджер, Д. Фейдимен ; пер. с англ. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2007. – 128 с.

207. Фромм Э. «Иметь» или «быть» / Э. Фромм ; пер. с нем. Э. Телятниковой. – М. : АСТ, 2006. – 314 с.
208. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм ; пер с англ. – М. : Прогресс, 1990. – 269 с.
209. Фромм Э. Душа человека / Э. Фромм ; пер. с нем. – М. : Республика, 1992. – 429 с.
210. Фромм Э. Здоровое общество ; Догмат о Христе / Э. Фромм ; пер. с нем. – М. : Транзиткнига : АСТ, 2005. – 571 с.
211. Холодная М. А. Психология интеллекта : Парадоксы исследования / М. А. Холодная. – СПб. : Питер, 2002. – 272 с.
212. Хорни К. Наши внутренние конфликты : конструктивная теория невроза / К. Хорни. – М. : Академический проект, 2007. – 224 с.
213. Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию / К. Хорни. – СПб. : Б. С. К., Восточно-европейский институт психоанализа, 2008. – 400 с.
214. Хьелл Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб. : Питер, 2008. – С. 376–391.
215. Черникова И. В. Философия и история науки : учеб. пособие / И. В. Черникова. – Томск : НТЛ, 2011. – 388 с.
216. Чумакова М. А. Личностная регуляция рационального выбора: развитие идеи единства аффекта и интеллекта / М. А. Чумакова // Психологический журнал. – 2013. – № 3 (34). – С. 119–125.
217. Шамионов Р. М. Психология социального поведения личности : учеб. пособие / Р. М. Шамионов. – Саратов : Наука, 2009. – 186 с.
218. Шварц Б. Парадокс выбора. Почему «больше» значит «меньше» / Б. Шварц. – М. : Добрая книга, 2005. – 288 с.
219. Шварц Г. М. Психология индивидуальных решений : монография / Г. М. Шварц. – М. : Промысел, 1997. – 180 с.

220. Школа Тихомирова : фундаментальные проблемы психологии / Ю. Д. Бабаева [и др.] // Вестник Московского университета. Сер.14 : Психология. – 2008. – № 2. – С. 26–58.

221. Шкуратова И. П. Личностные ресурсы как фактор совладания с кризисными ситуациями / И. П. Шкуратова, Е. А. Анненкова // Психология кризиса и кризисных состояний. Междисциплинарный ежегодник. – 2007. – № 4. – С. 17–23.

222. Шрейдер Ю. А. Смысл [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия. – Электрон. дан. – М. : Мысль, 2010. – URL: <http://iphras.ru/elib/2768.html> (дата обращения: 27.11.2016).

223. Элинберг Г. Клиническое введение в психиатрическую феноменологию и экзистенциальный анализ // Экзистенциальная психология. Экзистенция ; пер. с англ. – М. : Апрель Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 201–237.

224. Эриксон Э. Идентичность : юность и кризис / Э. Эриксон ; пер. с англ. – М. : Прогресс, 1996. – 344 с.

225. Юнг К. Г. Очерки по аналитической психологии / К. Г. Юнг. – Минск : Харвест, 2003. – 528 с.

226. Ялом И. Когда Ницше плакал / И. Ялом. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 416 с.

227. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / И. Ялом ; пер. с англ. – М. : Класс, 1999. – 576 с.

228. Яницкий М. С. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности / М. С. Яницкий, А. В. Серый // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 19-1. – С. 82–97.

229. Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М. С. Яницкий. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2000. – 204 с.

230. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М. : Республика, 1994. – 528 с.

231. Adler A. The individual psychology of Alfred Adler: A systematic presentation in selection from this writings / H. L. Ansbacher, R. R. Ansbacher. – New York : Harper & Row, 1956. – 528 p.

232. Adler A. Understanding human nature / A. Adler. – Reprint, 1927. – Whitefish, Montana : Kessinger Publishing Co., 2003. – 304 p.

233. Bieri J. Cognitive complexity-simplicity and predictive behavior // Journal of Abnormal Psychology – 1955. – Vol. 51, № 2. – P. 263–268.

234. Deci E. L. A motivational approach to self: integration in personality / E. L. Deci, R. M. Ryan // Nebraska Symposium on Motivation –1991. – Vol. 38. – P. 237–288.

235. Deci E. L. Intrinsic motivation and self-determination in human behavior / E. L. Deci, R. M. Ryan. – New York : Plenum Press, 1985. – 371 p.

236. Deci E. L. The General Causality Orientation Scale : self-determination in personality / E. L. Deci, R. M. Ryan. // Journal of Research in Personality. – 1985. – Vol. 19, № 2. – P. 109–134.

237. Deci E. L. The psychology of self-determination / E. L. Deci. – Toronto, 1980. – 240 p.

238. Erikson E. H. Insight and responsibility / E. H. Erikson. – New York : W. W. Norton & Company, 1964. – 254 p.

239. Feather N. T. Valence of outcome and expectation of success in relation to task difficulty and perceived locus of control // Journal of Personality and Social Psychology – 1967. – Vol. 7, № 4. – P. 372–386.

240. Jung C. G. Volume 1 : 1906–1950 : Letters / C. G. Jung. – Princeton : Princeton University Press, 1973. – 594 p.

241. Kahneman D. Prospect Theory: an Analysis of Decision Under Risk / D. Kahneman, A. Tversky // Econometrica. – 1979. – Vol. 47, № 2. – P. 263–291.

242. Klein M. The writings of Melanie Klein : 4 vols / M. Klein. – London : Hogarth Press and the Institute of Psychoanalysis, 1975. – Vol. 1: Love, guilt and reparation and other works 1921–1945. – 473 p.

243. Kohut H. The restoration of the self / H. Kohut. – New York : International Universities Press, 1977. – 345 p.
244. Lamme V. A. The neurophysiology of figure-ground segregation in primary visual cortex // The Journal of Neuroscience – 1995. – Vol. 15, № 2. – P. 1605–1615.
245. Lefcourt H. M. Locus of control: Current trends in theory & research / H. M. Lefcourt, edit. – New York : Psychology Press, 2014. – 268 p.
246. Maddi S. R. Creating Meaning Through Making Decisions // P. T. P. Wong & P. S. Fry (eds.). The Human Quest For Meaning : A Handbook of Psychological Research and Clinical Applications. – Mahwah, New York : Lawrence Erlbaum Associates, 1998. – P. 1–25.
247. Maddi S. R. Existential Psychotherapy // Contemporary psychotherapies / S. J. Lynn, J. P. Garske (eds). – Columbus, Ohio : Charles Merrill, 1996. – P. 191–219.
248. Maddi S. R. Personality Theories : A Comparative Analysis / S. R. Maddi. – 6th ed. – Illinois : Waveland Press, Inc., 2001. – 586 p.
249. Maddi S. R. Personal views survey II: A measure of dispositional hardiness / S. R. Maddi // Evaluating stress: A book of resources / C. P. Zalaquett & R. J. Wood (Eds.). – New York : Scarecrow Press, 1997. – P. 293–309.
250. May R. Freedom and Destiny / R. May. – New York : Norton, 1981. – 275 p.
251. May R. Psychology and Human Dilemma / R. May. – Princeton : Van Nostrand, 1967. – 221 p.
252. Mehrabian A. Questionnaire Measures of Affiliative Tendency and Sensitivity to Rejection // Psychological Reports. – 1976. – 38 (1). – P. 199–209.
253. Perls F. S. Gestalt therapy verbatim / F. S. Perls. – Lafayette, California: The Real People Press, 1969. – 279 p.
254. Rotter J. B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // Psychological Monographs. – 1966. – Vol. 80 (1). – P. 1–28.
255. Ryan R. M. Agency and organization: intrinsic motivation, autonomy, and the self in psychological development // Nebraska symposium on motivation. – London : University of Nebraska Press, 1993. – Vol. 40. – P. 1–56.

256. The Relationship between Locus of Control and Temporal Experience / S. Thayer [et al.] // The Journal of Genetic Psychology. – 1975. – Vol. 126, № 2. – P. 275–279.

257. Tillich P. The Courage To Be / P. Tillich . – New Haven : Yale University press, 1952. – 197 p.

258. Tversky A. Availability: a Heuristic for Judging Frequency and Probability / A. Tversky, D. Kahneman // Cognitive Psychology. – 1973. – Vol. 5. – P. 207–232.

259. Tversky A. Choice by Elimination // Journal of Mathematical Psychology – 1972. – Vol. 9. – P. 341–367.

260. Tversky A. Elimination by Aspects: a Theory of Choice // Psychological Review. – 1972. – Vol. 79. – P. 281–299.

261. Tversky A. Intransitivity of Preferences // Psychological Review. – 1969. – Vol. 76. – P. 31–48.

262. Weiner B. An attributional analysis of achievement motivation / B. Weiner, A. Kukla / Journal of Personality and Social Psychology. – 1970. – Vol. 15, № 1. – P. 1–20.

263. Winnicott D. W. The theory of parent-infant relationship / D. W. Winnicott // In: The maturational process and the facilitating environment. – London : Karnac Books. – 1990. – P. 37–55.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Анкета для изучения качества и структуры аргументации осуществленного выбора
психологического направления обучения в ВУЗе

Здравствуйте!

Ниже приведены несколько интересных вопросов и неоконченных предложений относительно факта Вашего обучения на психологическом факультете.

Мы будем очень признательны Вам за разъяснения, действительно отражающие Ваше личное представление.

Участие в этом опросе вас ни к чему не обязывает.

Наша цель – сформировать обобщенную психологическую картину мотивации к обучению на психологическом факультете.

Пожалуйста, давайте свои ответы и разъяснения, по возможности, развернутыми (полными) предложениями, старайтесь избегать односложных высказываний.

Расскажите, пожалуйста, почему вы учитесь на психологическом факультете, принимая во внимание следующие вопросы и предложения:

1. По каким основным существенным причинам, вы оказались на психологическом факультете?

Больше всего повлияло на меня при выборе специальности обучения (несколько причин):

2. Опишите, пожалуйста, (вспомните) какие события и обстоятельства (как внутренние, так и внешние) сложились воедино и определили принятое решение обучаться на психологическом факультете?

3. Какое значение, лично для вас, имеет факт обучения на психологическом факультете?

Я учусь на психологическом факультете для того, чтобы:

4. **Что из возможного меньше всего имело для вас значение при выборе специальности?**

В самую последнюю очередь, я учусь на пс. факультете, потому что

5. **Для меня изучение психологии – это**

6. **Если бы сейчас Вы стали выбирать специальность обучения, то выбрали бы**

7. **Ввиду каких обстоятельств вы могли бы задуматься о смене специальности обучения?**

8. **Что Вас действительно радует в процессе обучения на психологическом факультете? Что из происходящего приносит удовлетворение?**

9. **Что из происходящего на факультете вас огорчает или вызывает чувство неудовольствия?**

10. **Представьте себе ситуацию, что кто-то из значимых людей по какой-то причине стал бы вас упрекать в том, что вы учитесь на психологическом факультете. Каким мог бы быть ваш ответ? О чем, по существу, вы, может быть, рассказали бы этому человеку?**

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Опросник «Субъективное качество выбора»

Разные люди по-разному ощущают себя в ситуациях выбора и по-разному относятся принимаемым решениям. Пожалуйста, вспомните, как принималось решение обучаться на психологическом факультете.

Перед Вами набор характеристик различных аспектов выбора и процесса принятия решения. Пожалуйста, закончите предложения, выбрав в каждой строчке одно из двух противоположных по смыслу определений, которое, по Вашему мнению, лучше описывает действительное положение вещей.

Отметьте, пожалуйста, соответствующую Вашему выбору характеристику, обведя ОДНУ из предложенных цифр:

3	2	1	0	1	2	3
сильно выраженная хар-ка	средне выраженная хар-ка	слабо выраженная хар-ка	выбор невозможно описать любой из двух хар-к	слабо выраженная хар-ка	средне выраженная хар-ка	сильно выраженная хар-ка

Я пришёл(-шла) к тому, что учусь на психологическом факультете:

После тщательного обдумывания	3 2 1 0 1 2 3	Спонтанно
Безответственно	3 2 1 0 1 2 3	Ответственно
Учитывая последствия	3 2 1 0 1 2 3	Без учета последствий
Закономерно	3 2 1 0 1 2 3	Случайно
С горечью	3 2 1 0 1 2 3	С радостью
Мучительно	3 2 1 0 1 2 3	Безболезненно
Наслаждаясь ситуацией выбора	3 2 1 0 1 2 3	Тяготясь ситуацией выбора
С чувством гордости	3 2 1 0 1 2 3	С чувством неловкости
После совета близких людей	3 2 1 0 1 2 3	Самостоятельно
Рассчитывая только на себя	3 2 1 0 1 2 3	Надеясь на помощь внешних сил
Нерешительно	3 2 1 0 1 2 3	Смело и решительно
Под давлением	3 2 1 0 1 2 3	Добровольно

По итогу, я могу расценить решение обучаться на психологическом факультете, как:

Точное	3 2 1 0 1 2 3	Неточное
Неверное	3 2 1 0 1 2 3	Верное
Угнетающее	3 2 1 0 1 2 3	Ободряющее
Окрыляющее	3 2 1 0 1 2 3	Давящее